Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 73. 1-го сентября 1904 г. Годъ IV.

ЛЯОЯНЪ И „РЕФОРМЫ“.

„Рядомъ долгихъ искусныхъ маневровъ съ нашей стороны противникъ, подведенный къ Ляояну, вынужденъ, наконецъ, насъ аттаковать въ нашей укрѣпленной позиціи, въ условіяхъ для себя маловыгодныхъ“. Такъ лжесвидѣтельствовалъ по телеграфу „собственный“ корреспондентъ „Правительственнаго Вѣстника“ наканунѣ Ляоянской трагедіи, выбившей изъ строя съ обѣихъ сторонъ до 60.000 человѣкъ и окончившейся полнымъ пораженіемъ царской арміи. 60.000 чел. — цѣлое населеніе большого губернскаго города, отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей, — были сметены съ поля битвы раскаленнымъ потокомъ свинца и желѣза. А для сотенъ тысячъ, принимавшихъ участіе въ этой, почти безпримѣрной въ исторіи, бойнѣ и переживших ее, — какія нечеловѣческія страданія и лишенія, какое колоссальное напряженіе всѣхъ силъ — физическихъ и духовныхъ! И наряду съ этимъ — огромное расточеніе созданныхъ народнымъ трудомъ матеріальныхъ богатствъ — въ видѣ орудій, пороха, свинца, въ видѣ разрушенныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, сожженныхъ запасовъ хлѣба, уничтоженныхъ складовъ аммуниціи! Вотъ цѣна крови и пота, которую въ одну недѣлю заплатилъ народъ Россіи и Японіи за свое порабощеніе царистской и капиталистической эксплуатаціи! Пусть говорятъ послѣ этого святоши и лицемѣры о „кровожадности“ революцій! Въ тотъ день, когда въ сознаніи русскаго народа ясно встанетъ мысль о непримиримости его интересовъ съ интересами самодержавія, и десятой доли той крови, что пролита подъ Ляояномъ, не понадобиться, чтобы стряхнуть съ Россіи позорное иго самовластія! Неизмѣримо меньше крови долженъ будетъ пролить сознавшій свои классовые интересы пролетаріатъ въ тотъ часъ, когда могучимъ напоромъ соціальной революціи онъ навсегда смететъ всѣ основы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. О мести взываютъ эти десятки тысячъ труповъ, усѣявшихъ собою поля Манджуріи. Но этой местью — единственно цѣнной и плодотворной — можетъ быть лишь все таже неустанная работа развитія классоваго сознанія и организаціи эксплуатируемыхъ массъ, которая одна только можетъ положить предѣлъ обезкровленію народа во славу его эксплуататоровъ, и къ которой такъ настойчиво взываетъ соціальдемократія...

Послѣ Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу — Ляоянъ не былъ неожиданностью. Вѣдь каждое изъ этихъ чуждыхъ нашему слуху именъ означаетъ лишь новый позорный столбъ для самодержавія и новыя гекатомбы для тѣхъ „низшихъ“ классовъ, надъ которыми высится пирамида капиталистической эксплуатаціи и царскаго деспотизма. И не мудрено, что „искусные маневры“ Куропаткина, маневры, опредѣлявшіеся не столько стратегическими соображеніями, сколько соперничествомъ Алексѣева, придворными интригами, внушеніями „внутренней политики“, требовавшей „побѣды“ какъ можно скорѣе, — не мудрено, что они „вынудили“ японцевъ чуть не въ десятый разъ на голову разбить „побѣдоносное“ воинство русскаго царя. Русская армія отступила, и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, который иногда напоминалъ паническое бѣгство. Точные результаты битвы и всѣ ея вѣроятныя послѣдствія неизвѣстны и до сихъ поръ. Неизвѣстно, какія части окружены и взяты въ плѣнъ. Но что извѣстно, это — что японскія войска не только по пятамъ преслѣдуютъ отступающую русскую армію, но и двигаются параллельно съ ней и въ обходъ ея. Опасность быть окруженнымъ и вынужденнымъ къ сдачѣ въ плѣнъ для Куропаткина отнюдь еще не миновала. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говоритъ зловѣщее молчаніе съ театра войны. Если бы русскія войска уже вырвались окончательно изъ той западни, въ которую привели ихъ „искусные маневры“, объ этомъ трубили бы во всѣ трубы. Теперь же, передъ очевидностью факта, должны были нѣсколько притихнуть и безконечно-лживые и наглые толки о знаменитомъ „планѣ“, который, страннымъ образомъ, заключался въ томъ, чтобы быть вѣчно битымъ и разбитымъ! Теперь, послѣ того, какъ восьмимѣсячныя телеграфныя распоряженія „самого“ царя изъ Петербурга и восьмимѣсячное пассованіе *полководца* Куропаткина передъ *придворнымъ* Куропаткинымъ стоили русскому народу десятковъ тысячъ убитыхъ и погубили всю кампанію текущаго года, лишь теперь пресмыкающаяся пресса находитъ въ себѣ „мужество“ требовать, чтобы командующій Манджурской арміей былъ „*едино*командующимъ“.

„О „планѣ“ уже не говорятъ. А мучительно спрашиваютъ: успѣютъ ли отступить, не отрѣзаны ли?“, пишетъ „Гражданинъ“, съ самаго начала войны тонкимъ нюхомъ почуявшій, что она поставила самое существованіе самодержавія на карту. „О планѣ не говорятъ“, или, вѣрнѣе, почти не говорятъ, ибо еще находятся лжецы, столь безстыдные и наивные, что продолжаютъ морочить публику этой дѣтской игрушкой: „Говорятъ“ телеграфируетъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ „собственный“ корреспондентъ изъ „Лондона“, „будто Куропаткинъ сообщилъ своему штабу, что цѣль его — задержать наступленіе японцевъ на сѣверъ — достигнута, но теперь необходимо во что бы то ни стало достигнуть Мукдена, даже если бы пришлось пожертвовать половиной арміи для того, чтобы пробиться черезъ непріятельскіе ряды“. Да, генералу Куропаткину остается еще „пожертвовать“ и второй половиной арміи; тогда, пожалуй, „цѣль“ самодержавія будетъ достигнута окончательно!

Каждая новая побѣда японцевъ могучимъ ударомъ топора врѣзается въ гнилой стволъ самодержавія. Японцы побѣждаютъ самодержавіе не только въ Ляоянѣ; они побѣждаютъ его въ Петербургѣ.

Нужда въ деньгахъ, напоръ всеобщаго неудовольствія, растерянность и неувѣренность въ себѣ съ стихійной силой толкаютъ россійскій царизмъ на скользкій путь заигрыванія съ недовольными общественными силами. Отсрочка суда по дѣламъ объ убійствѣ Плеве и о вооруженномъ сопротивленіи въ Варшавѣ, льготы богатымъ евреямъ, рѣчь финляндскаго генералъ-губернатора, программное „интервью“ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, новыя ноты въ отражающей петербургскія „вѣянія“ печати, — вся совокупность этихъ признаковъ говоритъ за то, что мы присутствуемъ при моментѣ колебанія политики самодержавія.

Князь Оболенскій, „герой“ харьковскихъ экзекуцій, расписался въ „уваженіи къ финляндцамъ за ихъ преданность своей родинѣ и внутреннему общественному строю“, завѣрялъ, что „въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни“, выразилъ надежду, что „дѣло обойдется безъ возбужденія такихъ вопросовъ, кои могли бы взволновать умы населенія“ и, наконецъ, просилъ не судить о его особѣ по отзывамъ „русскихъ революціонеровъ“. Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ — послѣ долгаго періода колебаній, когда рѣшался вопросъ о выборѣ между „бѣшенымъ волкомъ“ и „хитрой лисой“ — князь Святополкъ-Мірскій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Echo de Paris“ развилъ самую очаровательную программу во вкусѣ „диктатуры сердца“. Оговорившись о „непримѣнимости“ у насъ парламентаризма, недавній — неудачный — соблазнитель сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и „просвѣщенный“ шефъ жандармовъ обѣщалъ, что вся его дѣятельность будетъ проникнута „истиннымъ и широкимъ либерализмомъ“; земствамъ показывается перспектива самостоятельности „во всѣхъ вопросахъ, касающихся школъ, народнаго продовольствія, путей сообщенія и пр.“; подчеркивается необходимость „свободы совѣсти“, улучшенія положенія евреевъ, снисходительности къ „заблуждающейся“ молодежи и пр. и пр. Царскій „другъ“, кн. Мещерскій гремитъ противъ „громадной силы бюрократическаго полновластья“ и „считаетъ долгомъ гражданина вслухъ повѣдать“, что онъ „разувѣрился въ той оффиціально-консервативной политикѣ“, которую проводилъ Плеве; онъ протестуетъ противъ „нелѣпыхъ толковъ объ уничтоженіи земства“ и требуетъ „приближенія народа къ престолу“ и „настоящаго примѣненія самоуправленія“, словомъ, снова выдвигаетъ пустопорожній и полузабытый манифестъ 26 февраля 1903 г., какъ программу правительственныхъ дѣйствій. И въ то же время не только на страницахъ „Новаго Времени“ Столыпинъ требуетъ равноправія для евреевъ, но даже Крушеванъ „мечтаетъ о томъ великомъ днѣ, когда человѣчество перекуетъ мечи въ плуги!“

Тщетно „Московскія Вѣдомости“ съ героическимъ усиліемъ отстаивали „нашъ внутренній Портъ-Артуръ“ и требовали для него „доблестнаго защитника“; тщетно доносили онѣ на „шаткія петербургскія сферы, которыя думаютъ „спасать Россію“ посредствомъ „уступокъ“ ея злѣйшимъ врагамъ“, и даже предлагали содѣйствіе какого-то браваго писаря изъ Уфимской губерніи, заявлявшаго о своей готовности „разорвать всѣхъ анархистовъ“. Ляоянская битва рѣшила вопросъ безповоротно въ пользу „хитрой лисы“.

Мы вступаемъ въ эпоху „реформъ“. Конечно, эти „реформы“ будутъ мелочны и ничтожны; конечно, онѣ будутъ прежде всего имѣть въ виду „сохраненіе существующаго порядка“; конечно самая долговѣчность „новой эры“ будетъ зависѣть отъ сложной комбинаціи политическихъ факторовъ, отъ хода операцій на Дальнемъ Востокѣ, отъ группировки и проявленія общественныхъ силъ. Но какъ бы ни окончился этотъ первый шагъ по новому пути, одно несомнѣнно: то ослабленіе военнаго могущества царизма, которое уже достигнуто войной, финансовое истощеніе, деморализація правительственнаго механизма, подъемъ недовольства рѣшительно во всѣхъ слояхъ народа — съ неизбѣжностью, рано или поздно заставитъ царское правительство вступить все на тотъ же путь „уступокъ“. И вотъ почему, ни мало не переоцѣнивая переживаемаго момента, соціальдемократія должна отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ задачахъ, которыя поставитъ передъ нею система „реформъ“ сверху.

Не рабочему классу, конечно, ждать для себя выгодъ отъ этихъ „уступокъ“. Мы заранѣе должны сказать себѣ, что онѣ цѣликомъ будутъ направлены на созданіе союза между царизмомъ и верхушкою буржуазнаго общества. А что этотъ союзъ можетъ быть купленъ царизмомъ за весьма дешевую цѣну — въ томъ порукой вся исторія нашего либеральнаго общества. Не было еще примѣра, чтобы это общество отказывалось отъ измѣны народу даже тогда, когда предъ нимъ помахивали лишь туманными о[illegible]щаніями „реформъ“. Тѣмъ менѣе будетъ у него причинъ [illegible]нить свою демократическую непорочность, когда въ ходъ бу[illegible] пущены дѣйствительныя „уступки“ — мизерныя для труд[illegible] массъ, но весьма существенныя для дѣльцевъ буржуазн[illegible]иберализма. Весьма характерно, что въ то время, ка[illegible]еди „хорошихъ господъ“ безвозбранно обращаются филипп[illegible]ражданина“ и такъ же безвозбранно ведутся разговоры [illegible]шемъ „обновленіи“, о необходимости „умиротворенія [illegible]льныхъ элементовъ“, о „развитіи самостоятельности земс[illegible] учрежденій“, о „разумной свободѣ печати“ („Новое Время“), провинціальной прессѣ воспрещено перепечатывать „Дневники“ князя Мещерскаго. Это ограниченіе провинціальной печати, наиболѣе доступной „простому“ народу, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ истинный смыслъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя за спиною народа готовятся среди „правящихъ классовъ“.

Уже эти первые эпизоды изъ „шатаній самодержавія“ показываютъ съ очевидностью, какова можетъ быть та „свобода“, которую — въ лучшемъ случаѣ — принесетъ стихійное вліяніе японскихъ побѣдъ. Эта свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ свободой для пѣнкоснимателей буржуазнаго общества, союзомъ россійскаго царизма съ верхними десятью тысячами. Капля за каплей будетъ цѣдить самодержавное правительство свои „уступки“: сегодня льготы еврейскимъ купцамъ 1-ой гильдіи, завтра — „полная свобода“ земцевъ въ проведеніе мостовъ и дорогъ къ своимъ имѣніямъ, потомъ — „свобода печати“ для газетъ, внесшихъ крупный залогъ и т. д. и т. д. И за каждую такую крупицу реформаторской чечевицы одинъ за другимъ полными пригоршнями будутъ отдавать „высшіе“ классы свое, и безъ того не богъ вѣсть какое доброкачественное, демократическое первородство. Сегодняшній „герой“-революціонеръ, завтра будетъ казаться безпокойнымъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній, злодѣемъ, мѣшающимъ правительству спокойно шествовать по пути „умиротворенія“; сегодняшній „младшій братъ“, „мужичекъ“, котораго кормятъ, котораго учатъ, вокругъ котораго такъ усердно хлопочутъ завтра превратится просто въ невѣжественнаго мужика, который лѣзетъ со своимъ суконнымъ рыломъ, мѣшая „хорошимъ господамъ“ созидать его счастье изъ заплаточекъ мелкихъ „уступокъ“; рабочій, къ движенію котораго всѣ стремятся примазаться, котораго такъ усердно поощряютъ къ „геройской борьбѣ“, будетъ награжденъ прозвищемъ необузданной „черни“, спящей и во снѣ видящей, какъ бы побольше произвести грабежей, пожаровъ, убійствъ. А подъ шумокъ либеральныхъ страховъ, какъ бы „неумѣренность“ не испортила дѣла и не отвратила правительство отъ его „благихъ начинаній“, все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ льнуть къ царизму тѣ дѣльцы индустріи и финансовъ, которые, не гонясь за журавлями въ небѣ, тѣмъ больше нахватаютъ въ руки синицъ реальныхъ льготъ. И когда пройдетъ тяжелое для царизма время, когда оно такъ или иначе выпутается изъ затѣянной авантюры, мы увидимъ въ полномъ блескѣ все ту же монархію Романовыхъ, только въ дружескомъ объятіи не съ прогорѣвшимъ феодаломъ, не съ ожирѣвшимъ отъ привольной жизни попомъ, а съ вылощеннымъ на европейскій манеръ крупнымъ коммерсантомъ. И послѣ пышныхъ иллюзій все у того же разбитаго корыта безсмысленныхъ мечтаній придется очнуться россійскому либерализму...

Незачѣмъ, конечно, говорить, что такой союзъ, влилъ новую кровь въ жилы дряхлаго царизма и мобилизовавъ противъ освободительной борьбы пролетаріата часть тѣхъ силъ буржуазнаго общества, которыя до сихъ поръ относились къ рабочему движенію пассивно, а подчасъ и съ смутнымъ сочувствіемъ, какъ къ тарану, расшатывающему устои самодержавія; незачѣмъ говорить, что такой союзъ необычайно затруднитъ нашу борьбу. А между тѣмъ онъ станетъ фактомъ при продолжающейся бездѣятельности, хотя и недовольныхъ, но безмолвствующихъ народныхъ массъ.

Только активное и сознательное вмѣшательство массъ, сдѣлавъ ихъ самостоятельнымъ факторомъ политической жизни и тѣмъ самымъ поддерживая наиболѣе прогрессивные слои самой буржуазіи, сможетъ скатить въ пропасть чуть двинувшійся камень самодержавія. При всѣхъ иныхъ условіяхъ и десятки Ляояновъ, кромѣ неисчислимыхъ жертвъ, народу ничего не принесутъ. Начало „уступокъ“ громко взываетъ ко всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ, какъ много еще предстоитъ работы, и какъ мало осталось времени.

Съ самаго начала войны лозунгомъ своимъ соціальдемократія выставила требованіе мира. Если нужно подтвержденіе, что это былъ правильный лозунгъ, мы имѣемъ тому убѣдительное свидѣтельство. „Миръ послѣ нашихъ неудачъ — наша политическая смерть“, пишетъ разоткровенничавшійся теперь „Гражданинъ“. „Наша“, т. е. самодержавія. Да, миръ — это политическая смерть самодержавія! „Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціальдемократіей“ — это побѣда пролетаріата!

Сотни тысячъ листковъ разнесли уже это требованіе мира и обличеніе всѣхъ связанныхъ съ войной безобразій самодержавія; надо, чтобы этихъ листковъ были милліоны. Рядъ рабочихъ собраній высказалъ уже свое рѣзко враждебное отношеніе къ войнѣ; надо, чтобы всѣ доступные нашему вліянію рабочіе прошли черезъ эти собранія и ясно и отчетливо продумали не только исторію возникновенія ея, не только причины пораженій, но и всѣ возможныя послѣдствія. Надо, чтобы они отдали себѣ отчетъ и въ шатаніяхъ правительства, и въ значеніи начавшихся „уступокъ“, и въ грядущемъ перемѣщеніи общественныхъ силъ. Правительство даетъ льготы богатымъ евреямъ, — надо, чтобы рабочій классъ зналъ, какое значеніе имѣютъ эти льготы для борьбы еврейскаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ и для борьбы неразрывно связаннаго съ нимъ пролетаріата всероссійскаго; правительство ослабляетъ гнетъ надъ Финляндіей, — рабочіе должны оцѣнить значеніе этого политическаго акта; правительство пытается привлечь земцевъ, — взоры рабочихъ должны обратиться въ эту сторону, должны разобрать группировку общественныхъ силъ въ земствахъ, должны своимъ вмѣшательствомъ оказать давленіе на нихъ, противоставить свою организованную волю всякому шагу навстрѣчу царизму, который захотятъ сдѣлать будирующіе теперь элементы. До безконечности можно было бы умножать эти примѣры. И всѣ они въ одинъ голосъ вопіютъ о необходимости удесятерить наши усилія по вовлеченію рабочаго класса въ политическую жизнь страны. Ибо такая работа, и только она одна, создастъ возможность *сознательнаго* вмѣшательства пролетаріата, въ его классовыхъ интересахъ, въ процессъ раскрѣпощенія и освобожденія Россіи. Только она одна дастъ возможность сдѣлать и тотъ первый шагъ, который заключается въ требованіи мира.

ЦАРСКАЯ ВЕТОШЬ.

Выше закона стоящее высочайшее соизволеніе, осуществляя законодательное право верховной власти, уничтожаетъ какую бы то ни было правомѣрность нашего государственнаго порядка. Но оно же является неизбѣжнымъ коррективомъ устарѣвшаго режима. Какъ нескладная, ремесленной работы старая машина, громоздкая по размѣрамъ, слабая по производительности и полезному дѣйствію, стоитъ наша государственная система въ ряду заманчивыхъ для буржуазнаго сердца „усовершенствованныхъ“ государственныхъ механизмовъ другихъ европейскихъ странъ. Уродливое чудовище грубыми клещами административнаго, податного, воинскаго и образовательнаго аппарата захватываетъ живой человѣческій матеріалъ, рветъ и давитъ его въ процессѣ государственной работы и оставляетъ въ итогѣ ужасающую массу отбросовъ, — груды уголовной грязи, невѣроятно спутанную ткань гражданскихъ отношеній, о которыхъ даетъ только приблизительное представленіе наша юридическая и административно-полицейская примитивная статистика. Это она, эта государственная система, породила кровавую японскую войну и въ послѣдніе дни дала леденящую кровь картину, — нагромоздила десятки тысячъ тѣлъ на поляхъ Ляояна.

Все больше и больше выростаетъ передъ политически несостоятельнымъ режимомъ страшная угроза: остановятся движущіяся части гигантской машины, изломаются проржавѣвшія колеса, винтики и штанги, завязнетъ въ массѣ отбросовъ ея залитый кровью и потомъ рабочій механизмъ. И вотъ юридическая мудрость и административный инстинктъ все сильнѣе выдвигаютъ въ жизнь старинный коррективъ абсолютизма: царскую милость манифеста, царскій указъ.

Точно примитивная грязная ветошка машиннаго смазчика, появляется, отъ времени до времени, на сценѣ государственной работы въ рукахъ бюрократіи царскій манифестъ и совершаетъ надъ отупѣвшими въ атмосферѣ безправія гражданами, подъ видомъ распредѣленія „милостей“, процедуру „очистки и смазки“ — удаленія соціальной пыли и копоти, устраненія отбросовъ, распутыванія узловъ безнадежной недоимочности, установленія юридическихъ давностей.

Такимъ обильнымъ потокомъ „милостей“ пестритъ и послѣдній манифестъ, изданный 11 августа. Облегченіе по разнаго рода сборамъ, дѣлопроизводство о которыхъ въ общей своей стоимости едва ли не превышаетъ общей суммы взысканій; прощеніе штрафовъ, пеней, взыскиваемыхъ казною убытковъ, переборовъ по службѣ, возстановленіе въ правахъ пользованія легитимаціонными билетами[1]) — такова сумма „милостей“ по гражданскому кодексу, которая въ итогѣ оставитъ небольшую круглую сумму „шальныхъ денегъ“ въ рукахъ мелкой буржуазіи.

Затѣмъ категорія „уголовныхъ“ милостей, идущая навстрѣчу назрѣвшей потребности въ освобожденіи перенаселенныхъ тюремъ отъ избытка уголовнаго и „государственнаго“ элемента, навстрѣчу необходимости сократить колонизацію Сибири „врагами отечества“. Затѣмъ манифестъ подходитъ къ недоимщикамъ — кліентамъ врачебныхъ учрежденій, къ жертвамъ общественнаго долга, государственной службы, и спѣшитъ затереть досадную щель — недостатокъ организаціи общественнаго и государственнаго призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ. Онъ складываетъ недоимки за лѣченіе въ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ вѣдомствъ, принимаетъ на казну воспитаніе и обезпеченіе судьбы дѣтей офицеровъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ Японской войнѣ, назначаетъ государственную пенсію семьямъ врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ эпидеміями.

Такъ суетливо орудуетъ всемилостивѣйшая тряпка смазчика среди грязи, крови и пота, и усердная бюрократія не безъ основанія надѣется не только расчистить свободу движеній своей

---

[1]) Дѣло идетъ всего на всего о пустячныхъ семидневныхъ билетахъ для выѣзда заграницу жителей пограничной полосы.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 73. 1-го сентября 1904 г. Годъ IV.

ЛЯОЯНЪ И „РЕФОРМЫ“.

„Рядомъ долгихъ искусныхъ маневровъ съ нашей стороны противникъ, подведенный къ Ляояну, вынужденъ, наконецъ, насъ аттаковать въ нашей укрѣпленной позиціи, въ условіяхъ для себя маловыгодныхъ“. Такъ лжесвидѣтельствовалъ по телеграфу „собственный“ корреспондентъ „Правительственнаго Вѣстника“ наканунѣ Ляоянской трагедіи, выбившей изъ строя съ обѣихъ сторонъ до 60.000 человѣкъ и окончившейся полнымъ пораженіемъ царской арміи. 60.000 чел. — цѣлое населеніе большого губернскаго города, отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей, — были сметены съ поля битвы раскаленнымъ потокомъ свинца и желѣза. А для сотенъ тысячъ, принимавшихъ участіе въ этой, почти безпримѣрной въ исторіи, бойнѣ и переживших ее, — какія нечеловѣческія страданія и лишенія, какое колоссальное напряженіе всѣхъ силъ — физическихъ и духовныхъ! И наряду съ этимъ — огромное расточеніе созданныхъ народнымъ трудомъ матеріальныхъ богатствъ — въ видѣ орудій, пороха, свинца, въ видѣ разрушенныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, сожженныхъ запасовъ хлѣба, уничтоженныхъ складовъ аммуниціи! Вотъ цѣна крови и пота, которую въ одну недѣлю заплатилъ народъ Россіи и Японіи за свое порабощеніе царистской и капиталистической эксплуатаціи! Пусть говорятъ послѣ этого святоши и лицемѣры о „кровожадности“ революцій! Въ тотъ день, когда въ сознаніи русскаго народа ясно встанетъ мысль о непримиримости его интересовъ съ интересами самодержавія, и десятой доли той крови, что пролита подъ Ляояномъ, не понадобиться, чтобы стряхнуть съ Россіи позорное иго самовластія! Неизмѣримо меньше крови долженъ будетъ пролить сознавшій свои классовые интересы пролетаріатъ въ тотъ часъ, когда могучимъ напоромъ соціальной революціи онъ навсегда смететъ всѣ основы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. О мести взываютъ эти десятки тысячъ труповъ, усѣявшихъ собою поля Манджуріи. Но этой местью — единственно цѣнной и плодотворной — можетъ быть лишь все таже неустанная работа развитія классоваго сознанія и организаціи эксплуатируемыхъ массъ, которая одна только можетъ положить предѣлъ обезкровленію народа во славу его эксплуататоровъ, и къ которой такъ настойчиво взываетъ соціальдемократія...

Послѣ Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу — Ляоянъ не былъ неожиданностью. Вѣдь каждое изъ этихъ чуждыхъ нашему слуху именъ означаетъ лишь новый позорный столбъ для самодержавія и новыя гекатомбы для тѣхъ „низшихъ“ классовъ, надъ которыми высится пирамида капиталистической эксплуатаціи и царскаго деспотизма. И не мудрено, что „искусные маневры“ Куропаткина, маневры, опредѣлявшіеся не столько стратегическими соображеніями, сколько соперничествомъ Алексѣева, придворными интригами, внушеніями „внутренней политики“, требовавшей „побѣды“ какъ можно скорѣе, — не мудрено, что они „вынудили“ японцевъ чуть не въ десятый разъ на голову разбить „побѣдоносное“ воинство русскаго царя. Русская армія отступила, и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, который иногда напоминалъ паническое бѣгство. Точные результаты битвы и всѣ ея вѣроятныя послѣдствія неизвѣстны и до сихъ поръ. Неизвѣстно, какія части окружены и взяты въ плѣнъ. Но что извѣстно, это — что японскія войска не только по пятамъ преслѣдуютъ отступающую русскую армію, но и двигаются параллельно съ ней и въ обходъ ея. Опасность быть окруженнымъ и вынужденнымъ къ сдачѣ въ плѣнъ для Куропаткина отнюдь еще не миновала. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говоритъ зловѣщее молчаніе съ театра войны. Если бы русскія войска уже вырвались окончательно изъ той западни, въ которую привели ихъ „искусные маневры“, объ этомъ трубили бы во всѣ трубы. Теперь же, передъ очевидностью факта, должны были нѣсколько пріутихнуть и безконечно-лживые и наглые толки о знаменитомъ „планѣ“, который, страннымъ образомъ, заключался въ томъ, чтобы быть вѣчно битымъ и разбитымъ! Теперь, послѣ того, какъ восьмимѣсячныя телеграфныя распоряженія „самого“ царя изъ Петербурга и восьмимѣсячное пассованіе *полководца* Куропаткина передъ *придворнымъ* Куропаткинымъ стоили русскому народу десятковъ тысячъ убитыхъ и погубили всю кампанію текущаго года, лишь теперь пресмыкающаяся пресса находитъ въ себѣ „мужество“ требовать, чтобы командующій Манджурской арміей былъ „*едино*командующимъ“.

„О „планѣ“ уже не говорятъ. А мучительно спрашиваютъ: успѣютъ ли отступить, не отрѣзаны ли?“, пишетъ „Гражданинъ“, съ самаго начала войны тонкимъ нюхомъ почуявшій, что она поставила самое существованіе самодержавія на карту. „О планѣ не говорятъ“, или, вѣрнѣе, почти не говорятъ, ибо еще находятся лжецы, столь безстыдные и наивные, что продолжаютъ морочить публику этой дѣтской игрушкой: „Говорятъ“ телеграфируетъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ „собственный“ корреспондентъ изъ „Лондона“, „будто Куропаткинъ сообщилъ своему штабу, что цѣль его — задержать наступленіе японцевъ на сѣверъ — достигнута, но теперь необходимо во что бы то ни стало достигнуть Мукдена, даже если бы пришлось пожертвовать половиной арміи для того, чтобы пробиться черезъ непріятельскіе ряды“. Да, генералу Куропаткину остается еще „пожертвовать“ и второй половиной арміи; тогда, пожалуй, „цѣль“ самодержавія будетъ достигнута окончательно!

Каждая новая побѣда японцевъ могучимъ ударомъ топора врѣзается въ гнилой стволъ самодержавія. Японцы побѣждаютъ самодержавіе не только въ Ляоянѣ; они побѣждаютъ его въ Петербургѣ.

Нужда въ деньгахъ, напоръ всеобщаго неудовольствія, растерянность и неувѣренность въ себѣ съ стихійной силой толкаютъ россійскій царизмъ на скользкій путь заигрыванія съ недовольными общественными силами. Отсрочка суда по дѣламъ объ убійствѣ Плеве и о вооруженномъ сопротивленіи въ Варшавѣ, льготы богатымъ евреямъ, рѣчь финляндскаго генералъ губернатора, программное „интервью“ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, новыя ноты въ отражающей петербургскія „вѣянія“ печати, — вся совокупность этихъ признаковъ говоритъ за то, что мы присутствуемъ при моментѣ колебанія политики самодержавія.

Князь Оболенскій, „герой“ харьковскихъ экзекуцій, расписался въ „уваженіи къ финляндцамъ за ихъ преданность своей родинѣ и внутреннему общественному строю“, завѣрялъ, что „въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни“, выразилъ надежду, что „дѣло обойдется безъ возбужденія такихъ вопросовъ, кои могли бы взволновать умы населенія“ и, наконецъ, просилъ не судить о его особѣ по отзывамъ „русскихъ революціонеровъ“. Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ — послѣ долгаго періода колебаній, когда рѣшался вопросъ о выборѣ между „бѣшенымъ волкомъ“ и „хитрой лисой“ — князь Святополкъ-Мірскій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Echo de Paris“ развилъ самую очаровательную программу во вкусѣ „диктатуры сердца“. Оговорившись о „непримѣнимости“ у насъ парламентаризма, недавній — неудачный — соблазнитель сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и „просвѣщенный“ шефъ жандармовъ обѣщалъ, что вся его дѣятельность будетъ проникнута „истиннымъ и широкимъ либерализмомъ“; земствамъ показывается перспектива самостоятельности „во всѣхъ вопросахъ, касающихся школъ, народнаго продовольствія, путей сообщенія и пр.“; подчеркивается необходимость „свободы совѣсти“, улучшенія положенія евреевъ, снисходительности къ „заблуждающейся“ молодежи и пр. и пр. Царскій „другъ“, кн. Мещерскій гремитъ противъ „громадной силы бюрократическаго полновластья“ и „считаетъ долгомъ гражданина вслухъ повѣдать“, что онъ „разувѣрился въ той оффиціально-консервативной политикѣ“, которую проводилъ Плеве; онъ протестуетъ противъ „нелѣпыхъ толковъ объ уничтоженіи земства“ и требуетъ „приближенія народа къ престолу“ и „настоящаго примѣненія самоуправленія“, словомъ, снова выдвигаетъ пустопорожній и полузабытый манифестъ 26 февраля 1903 г., какъ программу правительственныхъ дѣйствій. И въ то же время не только на страницахъ „Новаго Времени“ Столыпинъ требуетъ равноправія для евреевъ, но даже Крушеванъ „мечтаетъ о томъ великомъ днѣ, когда человѣчество перекуетъ мечи въ плуги!“

Тщетно „Московскія Вѣдомости“ съ героическимъ усиліемъ отстаивали „нашъ внутренній Портъ-Артуръ“ и требовали для него „доблестнаго защитника“; тщетно доносили онѣ на „шатскія петербургскія сферы, которыя думаютъ „спасать Россію“ посредствомъ „уступокъ“ ея злѣйшимъ врагамъ“, и даже предлагали содѣйствіе какого-то браваго писаря изъ Уфимской губерніи, заявлявшаго о своей готовности „разорвать всѣхъ анархистовъ“. Ляоянская битва рѣшила вопросъ безповоротно въ пользу „хитрой лисы“.

Мы вступаемъ въ эпоху „реформъ“. Конечно, эти „реформы“ будутъ мелочны и ничтожны; конечно, онѣ будутъ прежде всего имѣть въ виду „сохраненіе существующаго порядка“; конечно самая долговѣчность „новой эры“ будетъ зависѣть отъ сложной комбинаціи политическихъ факторовъ, отъ хода операцій на Дальнемъ Востокѣ, отъ группировки и проявленія общественныхъ силъ. Но какъ бы ни окончился этотъ первый шагъ по новому пути, одно несомнѣнно: то ослабленіе военнаго могущества царизма, которое уже достигнуто войной, финансовое истощеніе, деморализація правительственнаго механизма, подъемъ недовольства рѣшительно во всѣхъ слояхъ народа — съ неизбѣжностью, рано или поздно заставятъ царское правительство вступить все на тотъ же путь „уступокъ“. И вотъ почему, ни мало не переоцѣнивая переживаемаго момента, соціальдемократія должна отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ задачахъ, которыя поставитъ передъ нею система „реформъ“ сверху.

Не рабочему классу, конечно, ждать для себя выгодъ отъ этихъ „уступокъ“. Мы заранѣе должны сказать себѣ, что онѣ цѣликомъ будутъ направлены на созданіе союза между царизмомъ и верхушкою буржуазнаго общества. А что этотъ союзъ можетъ быть купленъ царизмомъ за весьма дешевую цѣну — въ томъ порукой вся исторія нашего либеральнаго общества. Не было еще примѣра, чтобы это общество отказывалось отъ измѣны народу даже тогда, когда предъ нимъ помахивали лишь туманными обѣщаніями „реформъ“. Тѣмъ менѣе будетъ у него причинъ хранить свою демократическую непорочность, когда въ ходъ будутъ пущены дѣйствительныя „уступки“ — мизерныя для трудящихся массъ, но весьма существенныя для дѣльцевъ буржуазнаго либерализма. Весьма характерно, что въ то время, какъ среди „хорошихъ господъ“ безвозбранно обращаются филиппики „Гражданина“ и такъ же безвозбранно ведутся разговоры о грядущемъ „обновленіи“, о необходимости „умиротворенія недовольныхъ элементовъ“, о „развитіи самостоятельности земскихъ учрежденій“, о „разумной свободѣ печати“ („Новое Время“), провинціальной прессѣ воспрещено перепечатывать „Дневники“ князя Мещерскаго. Это ограниченіе провинціальной печати, наиболѣе доступной „простому“ народу, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ истинный смыслъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя за спиною народа готовятся среди „правящихъ классовъ“.

Уже эти первые эпизоды изъ „шатаній самодержавія“ показываютъ съ очевидностью, какова можетъ быть та „свобода“, которую — въ лучшемъ случаѣ — принесетъ стихійное вліяніе японскихъ побѣдъ. Эта свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ свободой для пѣнкоснимателей буржуазнаго общества, союзомъ россійскаго царизма съ верхними десятью тысячами. Капля за каплей будетъ цѣдить самодержавное правительство свои „уступки“: сегодня льготы еврейскимъ купцамъ 1-ой гильдіи, завтра — „полная свобода“ земцевъ въ проведеніе мостовъ и дорогъ къ своимъ имѣніямъ, потомъ — „свобода печати“ для газетъ, внесшихъ крупный залогъ и т. д. и т. д. И за каждую такую крупицу реформаторской чечевицы одинъ за другимъ полными пригоршнями будутъ отдавать „высшіе“ классы свое, и безъ того не богъ вѣсть какое доброкачественное, демократическое первородство. Сегодняшній „герой“-революціонеръ, завтра будетъ казаться безпокойнымъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній, злодѣемъ, мѣшающимъ правительству спокойно шествовать по пути „умиротворенія“; сегодняшній „младшій братъ“, „мужичекъ“, котораго кормятъ, котораго учатъ, вокругъ котораго такъ усердно хлопочутъ завтра превратится просто въ невѣжественнаго мужика, который лѣзетъ со своимъ суконнымъ рыломъ, мѣшая „хорошимъ господамъ“ созидать его счастье изъ заплаточекъ мелкихъ „уступокъ“; рабочій, къ движенію котораго всѣ стремятся примазаться, котораго такъ усердно поощряютъ къ „геройской борьбѣ“, будетъ награжденъ прозвищемъ необузданной „черни“, спящей и во снѣ видящей, какъ бы побольше произвести грабежей, пожаровъ, убійствъ. А подъ шумокъ либеральныхъ страховъ, какъ бы „неумѣренность“ не испортила дѣла и не отвратила правительство отъ его „благихъ начинаній“, все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ льнуть къ царизму тѣ дѣльцы индустріи и финансовъ, которые, не гонясь за журавлями въ небѣ, тѣмъ больше нахватаютъ въ руки синицъ реальныхъ льготъ. И когда пройдетъ тяжелое для царизма время, когда оно такъ или иначе выпутается изъ затѣянной авантюры, мы увидимъ въ полномъ блескѣ все ту же монархію Романовыхъ, только въ дружескомъ объятіи не съ прогорѣвшимъ феодаломъ, не съ ожирѣвшимъ отъ привольной жизни попомъ, а съ вылощеннымъ на европейскій манеръ крупнымъ коммерсантомъ. И послѣ пышныхъ иллюзій все у того же разбитаго корыта безсмысленныхъ мечтаній придется очнуться россійскому либерализму...

Незачѣмъ, конечно, говорить, что такой союзъ, влилъ новую кровь въ жилы дряхлаго царизма и мобилизовавъ противъ освободительной борьбы пролетаріата часть тѣхъ силъ буржуазнаго общества, которыя до сихъ поръ относились къ рабочему движенію пассивно, а подчасъ и съ смутнымъ сочувствіемъ, какъ къ тарану, расшатывающему устои самодержавія; незачѣмъ говорить, что такой союзъ необычайно затруднитъ нашу борьбу. А между тѣмъ онъ станетъ фактомъ при продолжающейся бездѣятельности, хотя и недовольныхъ, но безмолвствующихъ народныхъ массъ.

Только активное и сознательное вмѣшательство массъ, сдѣлавъ ихъ самостоятельнымъ факторомъ политической жизни и тѣмъ самымъ поддерживая наиболѣе прогрессивные слои самой буржуазіи, сможетъ скатить въ пропасть чуть двинувшійся камень самодержавія. При всѣхъ иныхъ условіяхъ и десятки Ляояновъ, кромѣ неисчислимыхъ жертвъ, народу ничего не принесутъ. Начало „уступокъ“ громко взываетъ ко всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ, какъ много еще предстоитъ работы, и какъ мало осталось времени.

Съ самаго начала войны лозунгомъ своимъ соціальдемократія выставила требованіе мира. Если нужно подтвержденіе, что это былъ правильный лозунгъ, мы имѣемъ тому убѣдительное свидѣтельство. „Миръ послѣ нашихъ неудачъ — наша политическая смерть“, пишетъ разоткровенничавшійся теперь „Гражданинъ“. „Наша“, т. е. самодержавія. Да, миръ — это политическая смерть самодержавія! „Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціальдемократіей“ — это побѣда пролетаріата!

Сотни тысячъ листковъ разнесли уже это требованіе мира и обличеніе всѣхъ связанныхъ съ войной безобразій самодержавія; надо, чтобы этихъ листковъ были милліоны. Рядъ рабочихъ собраній высказалъ уже свое рѣзко враждебное отношеніе къ войнѣ; надо, чтобы всѣ доступные нашему вліянію рабочіе прошли черезъ эти собранія и ясно и отчетливо продумали не только исторію возникновенія ея, не только причины пораженій, но и всѣ возможныя послѣдствія. Надо, чтобы они отдали себѣ отчетъ и въ шатаніяхъ правительства, и въ значеніи начавшихся „уступокъ“, и въ грядущемъ перемѣщеніи общественныхъ силъ. Правительство даетъ льготы богатымъ евреямъ, — надо, чтобы рабочій классъ зналъ, какое значеніе имѣютъ эти льготы для борьбы еврейскаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ и для борьбы неразрывно связаннаго съ нимъ пролетаріата всероссійскаго; правительство ослабляетъ гнетъ надъ Финляндіей, — рабочіе должны оцѣнить значеніе этого политическаго акта; правительство пытается привлечь земцевъ, — взоры рабочихъ должны обратиться въ эту сторону, должны разобрать группировку общественныхъ силъ въ земствахъ, должны своимъ вмѣшательствомъ оказать давленіе на нихъ, противоставить свою организованную волю всякому шагу навстрѣчу царизму, который захотятъ сдѣлать будирующіе теперь элементы. До безконечности можно было бы умножать эти примѣры. И всѣ они въ одинъ голосъ вопіютъ о необходимости удесятерить наши усилія по вовлеченію рабочаго класса въ политическую жизнь страны. Ибо такая работа, и только она одна, создастъ возможность *сознательнаго* вмѣшательства пролетаріата, въ его классовыхъ интересахъ, въ процессъ раскрѣпощенія и освобожденія Россіи. Только она одна дастъ возможность сдѣлать и тотъ первый шагъ, который заключается въ требованіи мира.

ЦАРСКАЯ ВЕТОШЬ.

Выше закона стоящее высочайшее соизволеніе, осуществляя законодательное право верховной власти, уничтожаетъ какую бы то ни было правомѣрность нашего государственнаго порядка. Но оно же является неизбѣжнымъ коррективомъ устарѣвшаго режима. Какъ нескладная, ремесленной работы старая машина, громоздкая по размѣрамъ, слабая по производительности и полезному дѣйствію, стоитъ наша государственная система въ ряду заманчивыхъ для буржуазнаго сердца „усовершенствованныхъ“ государственныхъ механизмовъ другихъ европейскихъ странъ. Уродливое чудовище грубыми клещами административнаго, податного, воинскаго и образовательнаго аппарата захватываетъ живой человѣческій матеріалъ, рветъ и давитъ его въ процессѣ государственной работы и оставляетъ въ итогѣ ужасающую массу отбросовъ, — груды уголовной грязи, невѣроятно спутанную ткань гражданскихъ отношеній, о которыхъ даетъ только приблизительное представленіе наша юридическая и административно-полицейская примитивная статистика. Это она, эта государственная система, породила кровавую японскую войну и въ послѣдніе дни дала леденящую кровь картину, — нагромоздила десятки тысячъ тѣлъ на поляхъ Ляояна.

Все больше и больше выростаетъ передъ политически несостоятельнымъ режимомъ страшная угроза: остановятся движущіяся части гигантской машины, изломаются перержавѣвшія колеса, винтики и штанги, завязнетъ въ массѣ отбросовъ ея залитый кровью и потомъ рабочій механизмъ. И вотъ юридическая мудрость и административный инстинктъ все сильнѣе выдвигаютъ въ жизнь старинный корректив абсолютизма: царскую милость манифеста, царскій указъ.

Точно примитивная грязная ветошка машиннаго смазчика, появляется, отъ времени до времени, на сценѣ государственной работы въ рукахъ бюрократіи царскій манифестъ и совершаетъ надъ отупѣвшими въ атмосферѣ безправія гражданами, подъ видомъ распредѣленія „милостей“, процедуру „очистки и смазки“ — удаленія соціальной пыли и копоти, устраненія отбросовъ, распутыванія узловъ безнадежной недоимочности, установленія юридическихъ давностей.

Такимъ обильнымъ потокомъ „милостей“ пестритъ и послѣдній манифестъ, изданный 11 августа. Облегченіе по разнаго рода сборамъ, дѣлопроизводство о которыхъ въ общей своей стоимости едва ли не превышаетъ общей суммы взысканій; прощеніе штрафовъ, пеней, взыскиваемыхъ казною убытковъ, переборовъ по службѣ, возстановленіе въ правахъ пользованія легитимаціонными билетами[1]) — такова сумма „милостей“ по гражданскому кодексу, которая въ итогѣ оставитъ небольшую круглую сумму „шальныхъ денегъ“ въ рукахъ мелкой буржуазіи.

Затѣмъ категорія „уголовныхъ“ милостей, идущая навстрѣчу назрѣвшей потребности въ освобожденіи перенаселенныхъ тюремъ отъ избытка уголовнаго и „государственнаго“ элемента, навстрѣчу необходимости сократить колонизацію Сибири „врагами отечества“. Затѣмъ манифестъ подходитъ къ недоимщикамъ — кліентамъ врачебныхъ учрежденій, къ жертвамъ общественнаго долга, государственной службы, и спѣшитъ затереть досадную щель — недостатокъ организаціи общественнаго и государственнаго призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ. Онъ складываетъ недоимки за лѣченіе въ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ вѣдомствъ, принимаетъ на казну воспитаніе и обезпеченіе судьбы дѣтей офицеровъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ Японской войнѣ, назначаетъ государственную пенсію семьямъ врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ эпидеміями.

Такъ суетливо орудуетъ всемилостивѣйшая тряпка смазчика среди грязи, крови и пота, и усердная бюрократія не безъ основанія надѣется не только расчистить свободу движеній своей машинѣ, но и заслужить, вмѣсто былого священнаго трепета народа при чтеніи манифеста съ амвона, хотя бы собачью признательность мелкаго торгаша, который со счетами въ рукахъ за конторкой станетъ разбирать статьи манифеста. И все же хозяйственный глазъ верховной власти не позабываетъ зорко слѣдить за отцѣживаніемъ всего, что можно опять пустить въ ходъ изъ устраняемыхъ отбросовъ, и съ циничной наивностью предлагаетъ уклонившимся отъ воинской повинности финляндцамъ безъ боязни наказанія... немедля приступить къ оной, нагло приглашаетъ ссыльныхъ революціонеровъ заслужить благосклонность сибирскихъ сатраповъ и тюремщиковъ для полученія льготъ, даруемыхъ уголовнымъ преступникамъ. И хозяйскій разсчетъ оправдается, поскольку все политически негодное будетъ опять всосано самодержавной машиной для ея потребленія.

---

[1]) Дѣло идетъ всего на всего о пустячныхъ семидневныхъ билетахъ для выѣзда заграницу жителей пограничной полосы.

Но это — не главное въ манифестѣ. Это только примѣненіе стараго способа небрежной очистки государственной машины. Однако, одной такой очистки уже недостаточно. Прежде всего, искусъ войны обнаруживаетъ непригодность варварскихъ способовъ властвованія надъ народными массами. Розги, эти, по выраженію Грингмута, „законныя гарантіи“, гарантируютъ, оказывается, однимъ лишь японскимъ генераламъ забитость и тупость русскаго солдата. И вотъ отмѣняется сѣченіе розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ и инородческихъ обществъ, равно какъ сѣченіе штрафованныхъ солдатъ. Это „приспособленіе“ оказывается абсолютно негоднымъ, оно и устраняется изъ главнаго механизма, но предусмотрительно сохраняется самодержавнымъ правительствомъ, въ качествѣ терроризирующаго средства административной расправы надъ отбывающими ссылку, заключеніе и каторгу. Сѣченіе *по закону* отмѣняется. Но сѣченіе противозаконное, — въ расправахъ съ крестьянами и рабочими, — сохраняется, пока сохранена возможность *противозаконнаго управленія*.

Можно ли было въ текущемъ ремонтѣ ветхой машины ограничиться этимъ? Осталась, къ безпокойству монарха, одна важнѣйшая область государственнаго хозяйства: область фиска. И послѣднимъ въ порядкѣ исторически вынужденныхъ монаршихъ рѣшеній, однимъ изъ первыхъ — въ редакціонномъ порядкѣ манифеста — выдвигается вопросъ о реформѣ податной системы. „Желая“, гласитъ манифестъ, „нерушимо закрѣпить достигнутую (якобы „въ истекшіе годы царствованія“) правильность податного строя“. Мы, хотя и съ ущербомъ для казны, остановились на рѣшеніи совершенно сложить всѣ накопившіяся съ теченіемъ времени на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ недоимки въ выкупныхъ, земскихъ и другихъ окладныхъ сборахъ“. 124,4 милліоновъ руб. недоимокъ, включая сюда категорію „отсроченныхъ и разсроченныхъ“, 14 милл. рублей недоимокъ по земскимъ сборамъ — это тяжелое податное бремя ближайшихъ будущихъ лѣтъ. И сложеніе его походило бы на дѣйствительную милость вампира, если бы не фраза о закрѣпленіи правильности податного строя, если бы не комментаріи правительственнаго лакея „Новаго Времени“ объ установленіи фиксированнаго податного обложенія крестьянства. Вотъ гдѣ чуется не „смазка“ милостями, а основательный ремонтъ.

„Отсроченныя и разсроченныя“ недоимки являются наслѣдіемъ „эпохи реформъ“, эпохи первыхъ попытокъ передѣлки государственнаго аппарата примѣнительно къ требованіямъ капиталистическаго хозяйства. Это старый, въ одну сторону передвигаемый фискальный станокъ финансовой машины, вмѣсто новѣйшаго государственнаго механизма, описывающаго законченные циклы ежегодныхъ бюджетовъ. Но фатальная ошибка! Новыхъ частей машины нельзя придѣлать къ уродливой станинѣ. Циклическая правильность годичныхъ бюджетовъ основана на соразмѣрности государственной смѣты съ платежными силами населенія, а выступленіе Россіи на міровой капиталистическій рынокъ фиксируетъ на высокомъ уровнѣ смѣту расходовъ. Поднятіе же платежной способности нашихъ народныхъ массъ — это, прежде всего, политическій переворотъ. Поставленная въ условія современнаго мірового хозяйства, принужденная работать на міровой рынокъ, русская государственная машина оказывается непригодной — и пойдетъ на сломъ. И это неизбѣжно, несмотря на отчаянное упорство пережившей себя феодальной Россіи.

И мы уже видимъ, какъ законная историческая наслѣдница царской вотчины, россійская буржуазія, начинаетъ съ завистью посматривать на блестящія государственныя чудо-машины своихъ сосѣдей капиталистическаго міра и оглядывается съ безпокойствомъ на своего жалкаго смазчика — бюрократію, безрезультатно суетящагося вокругъ допотопнаго чудовища съ жалкой тряпкой царскаго манифеста въ рукахъ. Буржуазія не прочь помечтать о несравнимыхъ удобствахъ автоматической смазки: о государственной и общинной организаціи филантропіи; о гладкомъ ходѣ работы равныхъ для всѣхъ, „святыхъ“ буржуазныхъ законовъ. Ея воображенію рисуются незамѣнимые автоматическіе регуляторы: самоуправленіе народа, „честная“ бухгалтерія общественнаго контроля надъ финансами. И глядя, какъ дрожитъ готовое взорваться чудовище, она жадно ждетъ установки предохранительныхъ клапановъ. Успѣетъ ли во время буржуазія войти во владѣніе историческимъ наслѣдствомъ, и на мѣстѣ старой феодальной машины будетъ безъ катастрофъ установлена новая „конституціонная“, или же общій взрывъ погребетъ подъ обломками всѣ остатки былого, — во всякомъ случаѣ, дни чудовищной государственной системы сочтены, и едва ли не въ послѣдній разъ передъ глазами рабочихъ поучительно мелькаетъ старая сказочная тряпка манифеста самодержавной бюрократіи, на которой комично красуется архаическое: „Мы, божьей милостью“... и проч., и проч., и проч.

ЛИБЕРАЛИЗМЪ КИШИНЕВСКИХЪ ГРОМИЛЪ.

Либеральные намеки князя Мещерскаго и Столыпина о необходимости „полегчить“ евреямъ разрѣшились указомъ 11 августа о временныхъ измѣненіяхъ въ тѣхъ „временныхъ правилахъ“, которыми вотъ уже два десятилѣтія регулируется жизнь пятимилліонной массы.

На долю Мещерскаго и Столыпина выпала задача подготовить „общественное мнѣніе“ къ мысли, что улучшеніе юридическаго положенія евреевъ не есть покушеніе на отечественные устои. И, однако, недалеко отъ насъ то время, когда циркуляры Главнаго Управленія по дѣламъ печати запрещали газетамъ, вообще, писать объ еврейскомъ вопросѣ. „Могущественнѣйшее правительство“ боялось разговоровъ объ участи обитателей черты осѣдлости. Ибо нѣтъ такого позорнаго института въ нашей „конституціи“, который не сросся бы до такой степени съ „идеей самодержавія“, что всякое посягательство на него грозитъ этому послѣднему. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ тоже запрещалось говорить. Японскія побѣды заставили отмѣнить розгу. Онѣ же заставили прикоснуться къ насквозь прогнившему смрадному зданію „временныхъ правилъ“ о положеніи евреевъ въ государствѣ.

Какая бездна человѣческихъ страданій воплощена въ двадцатилѣтней исторіи этихъ, въ отмѣну закона, изданныхъ правилъ, къ которымъ нынѣ робко прикасаются реформаторы самодержавія! Какая масса лжи, насилія и произвола санкціонирована ими, какая полицейская коррупція разрослась на ихъ почвѣ! „Временныя правила“ съ ихъ крючкотворскими пунктами, съ ихъ недомолвками и двусмысленностями — это сущій кладъ для питающейся исторической падалью бюрократіи, которая продавала и продаетъ евреямъ „право“ на благожелательное для нихъ толкованіе въ каждомъ частномъ случаѣ того или другого параграфа. „Временныя правила“ питали и питаютъ политическое всемогущество бюрократіи и являются неизсякаемымъ источникомъ той общественной порчи, той политической азіатчины, внѣ которой не можетъ существовать режимъ самодержавія.

Не можетъ! Это хорошо понимаетъ третій изъ рептильныхъ писакъ, подготовлявшихъ публику къ „реформѣ“. Г. Суворинъ, который увѣряетъ, что онъ никогда не былъ антисемитомъ, тщится показать, что безправіе евреевъ не должно быть отмѣнено при настоящемъ режимѣ. Послѣ японскихъ побѣдъ онъ можетъ себѣ позволить роскошь выражаться такъ, чтобы допускать тотъ выводъ, что надо начать съ перемѣны режима. Послѣ японскихъ побѣдъ и Витте можетъ толковать свою знаменитую „записку“ въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія вопроса о земствѣ надо начать съ рѣшенія вопроса о самодержавіи.

Во всякомъ случаѣ, „Новое Время“ вѣрно поставило вопросъ: разговоры „наверху“ объ „еврейской реформѣ“ имѣли и имѣютъ въ виду не болѣе, какъ улучшеніе маленькихъ недостатковъ механизма чудовищнаго безправія. Новый законъ вовсе не касается положенія милліоновъ паріевъ, ютящихся въ чертѣ осѣдлости. Все его содержаніе — въ льготахъ и изъятіяхъ по праву жительства и праву пріобрѣтенія имущества для купцовъ (*первой* гильдіи) и дипломированныхъ интеллигентовъ и ихъ семействъ. Кое-что изъ этихъ льготъ распространяется на тѣхъ солдатъ-евреевъ, которые отличатся въ нынѣшней войнѣ (на семейства убитыхъ — царское правительство экономно въ „милостяхъ“! — „благодѣяніе“ не распространяется). Это — все. Прибавьте къ этому новыя неясности и двусмысленности, дающія поводъ для кривотолкованій со стороны администраціи — а, слѣдовательно, для новыхъ вымогательствъ — и размѣръ „царской милости евреямъ“ станетъ достаточно яснымъ.

Размѣры безправія, которому подвергнуты въ Россіи *всѣ* евреи, такъ чудовищны, что приходится придавать значеніе и тѣмъ крупицамъ льготъ, которыя получаютъ нѣкоторыя, хотя бы менѣе обдѣленныя судьбой, категоріи. Но это обстоятельство не можетъ заставить насъ забыть, что тамъ, гдѣ страдаютъ отъ рабскаго безправія милліоны, облегченіе участи немногихъ тысячъ является злой насмѣшкой надъ этими милліонами. И лживымъ, купленнымъ лицемѣріемъ звучатъ рѣчи тѣхъ — болѣе или менѣе „либеральныхъ“ — газетъ, которыя привѣтствуютъ „гуманное“ начало закона, еще разъ самыми своими изъятіями санкціонирующаго безпримѣрное гражданское безправіе цѣлаго народа.

И если какое-нибудь прогрессивное значеніе имѣетъ новый законъ — это только значеніе *симптома*, симптома затруднительнаго положенія самодержавія. Это симптоматическое значеніе ярко выступаетъ передъ нами, когда мы сопоставимъ нѣсколько моментовъ въ отношеніи государства къ евреямъ въ теченіе самаго послѣдняго времени — въ теченіе періода нынѣшней войны.

Выселеніе евреевъ изъ „оккупированныхъ“ Манчжуріи и Квантуна — приказъ фонъ-Плеве (напечатанный въ свое время въ легальныхъ газетахъ) о пріостановленіи, до окончанія войны, выселенія евреевъ изъ Сибири, въ виду неудобства „возбуждать неудовольствіе населенія“ въ столь тревожное время — освобожденіе солдатъ-евреевъ отъ клейма „черты осѣдлости“: таковы три частныхъ факта, характеризующихъ пройденный путь.

Систематическій походъ на еврейскіе карманы помощью терроризаціи еврейской буржуазіи угрозой погромовъ, какъ награда за ея „анти-патріотизмъ“: помпадурскія рѣчи о недостаточной поддержкѣ евреями краснаго креста и морского фонда, газетные слухи о помощи русскихъ и американскихъ евреевъ японцамъ и т. д. и т. д. — таковъ начальный пунктъ „еврейской политики“ этого періода.

Попытка подкупить крупную и среднюю еврейскую буржуазію въ Россіи и на Западѣ нѣкоторымъ ослабленіемъ „временныхъ правилъ“ — таковъ политическій смыслъ конечнаго пункта — закона 11 августа.

Органъ берлинской биржи „Berliner Tageblatt“ настойчиво повторяетъ свой совѣтъ германскимъ капиталистамъ — не давать ни копейки русскому правительству, пока оно не введетъ „реформъ“. Хладнокровно взвѣшиваетъ всемірная плутократія шансы дальнѣйшаго существованія царизма, и — черезъ два слова въ третье — напоминаетъ Россіи: „Кишиневъ!“. „Геніальный“ шахматный ходъ фонъ Плеве сорвалъ всѣ покровы съ государственнаго организма Россіи, и заставилъ задуматься финансовую плутократію Европы и Америки. „Еврейскій вопросъ“, какъ частная форма русской азіатчины, всталъ на первый планъ. И чѣмъ болѣе, въ ходѣ „міровой политики“ самодержавія, оно все болѣе и болѣе загоняется въ тупой переулокъ, откуда нѣтъ выхода съ его обычными ресурсами, — тѣмъ болѣе зловѣщій призракъ кишиневскихъ жертвъ встаетъ передъ нимъ, преграждая дорогу къ денежнымъ сундукамъ „евреевъ внутреннихъ и внѣшнихъ“. И въ привычныхъ надменныхъ звукахъ барскаго голоса нашихъ самодержцевъ вы уже слышите грубо-просительныя ноты: „жидъ, выручай!“.

Предстоящій внѣшній, а можетъ быть, и внутренній заемъ — вотъ о чемъ говоритъ намъ законъ 11 іюня. Жидъ, выручай! кричитъ самодержавіе еврейской буржуазіи[1]) Не надо быть близко знакомымъ съ „естественной исторіей“ этой разновидности всемірной породы эксплуататоровъ, чтобы не сомнѣваться, что она откликнется на этотъ призывъ. Тѣмъ болѣе, что либеральныя рептиліи сладко шепчутъ: вѣдь это только начало! Да, только начало, за которымъ — продолженіе слѣдуетъ! Это продолженіе не заставило себя долго ждать. 11 августа подписанъ новый законъ. 22 августа одновременно вспыхнули еврейскіе погромы въ Ровно и Смѣлѣ, на сей разъ быстро прекращенные энергіей полиціи и войска. Черезъ нѣсколько дней болѣе грозный погромъ вспыхнулъ въ Сосновицахъ. „Только“ нѣсколько десятковъ евреевъ ранены. Медовый мѣсяцъ былъ въ самомъ разгарѣ, а уже обозначилась оборотная сторона только что отчеканенной медали. И на этой сторонѣ уже выступаютъ зловѣщія буквы: Кишиневъ! Въ азартной игрѣ запутавшагося царизма всякая новая карта моментально оказывается битой.

Смыслъ событій очевиденъ, онъ бьетъ въ глаза. Вопросъ о правѣ милліоновъ на гражданское существованіе не можетъ быть ни разрѣшенъ, ни смягченъ маленькими поправками къ чудовищнымъ законамъ. Въ еврейскихъ погромахъ — этомъ періодическомъ явленіи русской жизни — символизируется коренная ненормальность положенія пятимилліоной массы бѣдняковъ, лишенныхъ элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ. Въ нихъ символизируется также вся азіатская сторона русской политической жизни, одичаніе остающихся внѣ русла революціоннаго обновленія люмпенскихъ и мелкобуржуазныхъ слоевъ народа.

---

[1]) Особенный пунктъ въ указѣ посвященъ льготамъ для гг. „мануфактуръ и коммерціи-совѣтниковъ“ изъ евреевъ, т. е. подлинной еврейской плутократіи — для „бароновъ биржи“.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Съ дороги.

Нашъ отъѣздъ изъ Сибири, видимо, совершался подъ счастливой звѣздой. Лишь только сѣли въ вагонъ, какъ пассажиры, купившіе на ближайшей станціи газеты, сообщили: „министръ внутреннихъ дѣлъ убитъ“. Туалетъ, да и вообще положеніе не вполнѣ легальныхъ путешественниковъ не позволяли болѣе или менѣе открыто проявлять себя и выражать такъ или иначе свое отношеніе къ полученному извѣстію, про себя только невольно подумалось: „слава богу, убили таки эту бѣшенную собаку!“.

Прислушиваешься къ разговорамъ. Не смотря на то, что публика ѣдетъ самая разнообразная, всѣхъ объединяетъ одна общая тема — война. Воздухъ насыщенъ войной. Всѣ разговоры ведутся о послѣднихъ „побѣдахъ“ и пораженіяхъ, о положеніи нашихъ войскъ въ Портъ-Артурѣ, Владивостокѣ. Съ разныхъ концовъ слышатся отрывки фразъ: „Куропаткинъ приказалъ... Двинули войско... Мобилизація... Японцы... Портъ Артуръ“... и т. д., и т. д.

Вотъ два, повидимому, торговца или прикащика изъ Портъ-Артура. Бомбы и разрывные снаряды заставили ихъ, забывъ всю прелесть легкой наживы, покинуть благодатный Дальній Востокъ и утечь во-свояси. Одинъ добрался до Чифу на китайской джонкѣ и только оттуда болѣе обыкновеннымъ способомъ. На лицахъ и во всей посадкѣ этихъ господъ чувствуется какой-то „азіатскій“ отпечатокъ. Это — первые, наиболѣе многочисленные носители „европейской“ культуры въ Азіи. Тотъ, что постарше, тертый гусь; виды онъ видалъ самые разнообразные, обо всемъ имѣетъ свое мнѣніе, которое высказываетъ съ удивительнымъ апломбомъ. „Плеве убили, — это, знаете ли, хорошо, — повѣтствуетъ онъ, — строгій былъ очень, ну и, конечно, студенты его убили. Для насъ, торговыхъ людей, онъ ничего былъ, а студентамъ насолилъ сильно, вотъ они его и прикончили“. Со стороны невольно удивляешься и даже завидуешь тому, какъ „свободно“ этотъ субъектъ произноситъ такія страшныя слова. Впрочемъ, онъ съ одинаковымъ увлеченіемъ ведетъ разговоръ какъ о Плеве и причинахъ его убійства, такъ и о привлекательныхъ качествахъ японскихъ гейшъ и о прочихъ прелестяхъ Манчжуріи. Какой-то расслѣвающей гнилью несетъ отъ этого человѣка. Чувствуешь, что кромѣ жажды легкой наживы и удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ, имъ не руководитъ никакое иное побужденіе. Она, эта жажда наживы, загнала его туда, на Дальній Востокъ, заставила до послѣдней минуты оставаться въ осажденномъ городѣ. „Сто на сто, знаете ли, наживали нѣкоторые, а иные и больше; у меня у самого, вѣдь, магазинъ въ Портъ-Артурѣ былъ“. И эта гниль, эти хищники крупнаго и мелкаго калибра жили и дѣйствовали тамъ на Востокѣ, внося всюду въ сферу своего вліянія ядъ разврата и беззастѣнчиваго хищничества, которымъ до мозга костей пропитаны они сами.

„У насъ, знаете ли, въ Манчжуріи очень просто. Теперь новый бракъ очень распространенъ „по манчжурски“. Сошлись мѣсяца на два, на три, потомъ онъ ее броситъ или она уйдетъ. Чаще, конечно, первое бываетъ. Спросишь иной разъ кого-нибудь: „вы женаты?“, — „Да, женатъ, „по манчжурски“. На Дальнемъ Востокѣ представителямъ русской культуры, видимо, очень быстро прививались восточные взгляды. Впрочемъ, и школа, ими проходимая, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, когда началась бомбардировка Портъ-Артура, была чисто азіатская. Не подтверди „показаній“ краснорѣчиваго торговца еще нѣсколько ѣхавшихъ въ одномъ съ нами вагонѣ портъ-артурцевъ, никогда бы нельзя повѣрить, что онъ говоритъ правду. Торговый человѣкъ, шутя, разсказалъ нѣсколько характерныхъ исторій. „У насъ генераломъ Стесселемъ очень недовольны, свою власть ужъ очень проявляетъ. Завелъ теперь моду: европейцевъ, — русскихъ, значитъ, за всякую провинность пороть[1]). Онъ каждый день на своей сѣрой кобылѣ по городу съ двумя казаками ѣздитъ, за порядкомъ, видите ли, наблюдаетъ, а больше смотритъ, не найдется ли такого, кто ему при встрѣчѣ не поклонится или просто не замѣтитъ. Бѣда тогда. Сейчасъ остановитъ, кто такой, имя-фамилію спроситъ, а потомъ и отправитъ куда слѣдуетъ съ запиской: всыпать такому-то штукъ 25-30 горячихъ. И не то, чтобы такъ, мужика или рабочаго, выпорютъ, — и чиновникамъ не разъ перепадало, которые не изъ крупныхъ! Просто бѣда. Еще, пожалуй, съ рабочими труднѣй такую штуку выкинуть. Сейчасъ въ Портъ-Артуръ изъ Петербурга много рабочихъ пріѣхало, тѣ, небось, себя въ обиду не дадутъ, народъ бывалый, такъ иной разъ и генералъ самъ ни съ чѣмъ отъѣдетъ, развѣ что на земляныя работы пошлетъ. Ужасно скверный человѣкъ, — резюмируетъ „торговый человѣкъ“ свои воспоминанія о Стесселѣ, — очень его портъ-артурцы не любятъ. И къ торговымъ людямъ никакого уваженія нѣтъ. То ли дѣло, господинъ Ф. (назвалъ какую-то фамилію) былъ, вѣжливый, деликатный; все для васъ готовъ сдѣлать. У меня, знаете ли, въ магазинѣ китаецъ прикащикомъ служилъ. Такъ, ничего себѣ, малый, расторопный, вѣжливый. Только прихожу разъ въ магазинъ, — нѣтъ моего китайца. Жду-пожду — нѣтъ. Въ магазинѣ все цѣло, а китайца нѣтъ. Явился на другой день пьяный. Сейчасъ же за работу принялся. Ну нѣтъ, думаю, голубчикъ, я тебя проучу, ты у меня будешь помнить. Сейчасъ же пишу записку генералу Ф.[2]): такъ и такъ, прошу примѣрно наказать китайца за самовольную отлучку. Съ этимъ народомъ иначе нельзя. Распустишь, потомъ бѣда — ничего знать не хотятъ. Вообще, съ китайцами у насъ не церемонятся. Много ихъ очень и дешевы. Онъ вамъ за грошъ готовъ, какъ волъ, работать. Ну-съ, посылаю, значитъ, записку съ этимъ самымъ китайцемъ. И сейчасъ же, моментально генералъ мою просьбу исполнилъ, приказалъ всыпать, сколько слѣдуетъ. Китаецъ мой домой, какъ встрепанный вернулся и послѣ ужъ не отлучался, — съ торжествомъ закончилъ торговецъ. А ужъ отъ Стесселя такой любезности не жди. Будь вы хоть купецъ первой гильдіи, за простое спасибо онъ вамъ ничего дѣлать не станетъ; за все пожалуйте вещественную благодарность. Въ Портъ-Артурѣ у меня магазинъ дамской и дѣтской обуви былъ. Просилъ я, какъ война началась, пока еще можно было, разрѣшить вывезти товаръ изъ города. Нѣтъ, не позволилъ, говоритъ — для нуждъ мѣстнаго населенія понадобится. Это обувь-то дѣтская, когда и ребятъ всѣхъ изъ города вывезли. А по сосѣдству изъ колоніальнаго магазина нѣсколько сотъ пудовъ консервовъ отправили подъ шумокъ въ безопасное мѣсто, кажется, ужъ они не нужны ли для населенія! Вездѣ, конечно, смазка нужна, — замѣчаетъ коммерсантъ, — ну, я и сглупилъ“.

Дальше онъ переходитъ на свою любимую тему — клубничку. Распространяется о ней съ наслажденіемъ и азіатской откровенностью. Слушать становится окончательно противно. Хорошо, что на ближайшей станціи онъ выходитъ. Вотъ онъ „единый изъ малыхъ сихъ“, одинъ изъ безчисленнаго полчища алчнаго воронья, налетѣвшаго съ матушки Россіи въ Манчжурію, почуявъ добычу. Они, дѣйствительно, внесли совсѣмъ особую новѣйшую культуру въ среду „варварской“ желтой расы. Генералы Стессели, пользующіеся данной имъ въ военное время неограниченной властью для того, чтобы возстановить дикія времена аракчеевщины и бироновщины, „симпатичные“ генералы Ф., которые, въ угоду „торговому человѣку“, готовы вернуть давно минувшія, но, увы, далеко еще не забытыя времена крѣпостного права, благо китаецъ невзыскателенъ и дешевъ очень, „манчжурскій“ бракъ... И надъ всѣмъ этимъ процентикъ „100 на 100, а то иной разъ и полтораста на сто“. Этотъ, только что вышедшій изъ вагона торговый господинъ — яркій представитель тѣхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, ради поддержанія интересовъ которыхъ на Дальнемъ Востокѣ наши войска совершаютъ такія славныя „побѣды“, ради которыхъ „русскій богатырь вышелъ на поединокъ съ желтолицымъ пигмеемъ“.

На каждомъ разъѣздѣ, на каждой станціи стоятъ воинскіе поѣзда. Все везутъ, везутъ туда на Востокъ, въ защиту колупаевскихъ, разуваевскихъ и „романовскихъ“ интересовъ сотни, тысячи солдатъ.

Больше запасныхъ. Вотъ прошла самарская, пензенская, новгородская губерніи. Тамъ москвичи, кіевляне... Конца-краю нѣтъ поѣздамъ грузнымъ, тяжелымъ, въ полсотню вагоновъ.

---

[1]) Этотъ невѣроятный фактъ, — что „геройское населеніе“ „Новаго Севастополя“ подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ по прихоти грубаго солдата, — опубликованъ теперь въ „Новомъ Времени“, въ бесѣдѣ одного изъ лицъ, бѣжавшихъ изъ Портъ-Артура. По его разсказамъ, сѣкутъ за „малѣйшее нарушеніе“ такихъ распоряженій, какъ приказъ не выходить изъ домовъ послѣ 8-ми час. вечера и не зажигать у себя огней. Ркд.

[2]) Кажется Флугъ, если я не ошибаюсь.

политическая тупость массы провинціальной „интеллигенціи“ и буржуазіи, разъѣдающая населеніе казенная идеологія человѣконенавистничества. Погромы въ Смѣлѣ и другихъ мѣстахъ пришли кстати, чтобы напомнить еврейской буржуазіи и передовой части русскаго общества то, о чемъ въ туманныхъ фразахъ говоритъ „Новое Время“: *что еврейское безправіе и питаемые имъ „погромы“ являются составной частью того политическаго уклада, который именуется русскимъ самодержавіемъ*. Никакія заплаты на дырявомъ рубищѣ „временныхъ правилъ“ не смогутъ скрыть отъ культурнаго міра той сплошной язвы, которая покрывается этимъ рубищемъ, которая заражаетъ всю русскую жизнь. Чтобы еврей пересталъ быть „*жидомъ*“, существомъ, подлежащимъ періодической „встряскѣ“ погромовъ — для этого необходимымъ предварительнымъ условіемъ является устраненіе изъ русскаго законодательства самаго слова „еврей“. А это невозможно безъ коренной ломки того строя, на которомъ красуется потертая вывѣска: „самодержавіе, православіе и народность“.

Погромы въ Смѣлѣ, Ровно и Сосновицахъ вскрываютъ еще разъ классовое неравенство, покрываемое общимъ гражданскимъ безправіемъ еврейскаго населенія. Что означаетъ для этихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и торговцевъ всѣ и всякія льготы для отдѣльныхъ единоплеменныхъ имъ представителей капитала и образованія? Погромы, какъ кульминаціонный пунктъ будничнаго, каждый день осязаемаго безправія, остаются неприкосновенными. Вѣчное обирательство и издѣвательство полицейскихъ чиновъ надъ еврейской массой остается въ силѣ и послѣ того, какъ право жительства и разселенія для нѣкоторыхъ категорій регулировано болѣе или менѣе прочными положеніями закона. Болѣе того: изъемля изъ подъ дѣйствія повседневнаго полицейскаго обложенія верхи еврейской буржуазіи — для того, чтобы обложить ихъ въ пользу самой „царской казны“ — самодержавіе, тѣмъ самымъ, отдаетъ еврейскую бѣдноту на потокъ и разграбленіе жадной полицейской сворѣ. И если въ борьбѣ за самосохраненіе самодержавіе и впредь будетъ откупаться отъ своей гибели, между прочимъ, продажей отдѣльныхъ льготъ верхамъ еврейства, оно, тѣмъ самымъ, будетъ все глубже и глубже погружать еврейскую бѣдноту въ тину его гетто. Тѣмъ самымъ, оно будетъ все глубже и глубже раскалывать еврейство, и, примиряя съ собой его буржуазную часть толкать его пролетарскіе элементы навстрѣчу той революціи, которая одна только похоронитъ на вѣки Кишиневскіе ужасы.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА „БУНДА“.

Нѣтъ ничего болѣе принижающаго, какъ духъ приходскаго самодовольства.

Группа людей, замкнувшаяся въ узкой чертѣ идейной осѣдлости, живетъ одними и тѣми же приходскими интересами, вращается неизмѣнно въ кругу однихъ и тѣхъ же понятій и психологическихъ ассоціацій и вырабатываетъ, въ концѣ концовъ, свой обиходный жаргонъ, позволяющій членамъ секты понимать другъ друга съ полуслова и какъ бы создающій вокругъ нихъ непроницаемый панцырь. Нѣкоторыя слова наполняются для нихъ мистическимъ содержаніемъ, совершенно недоступнымъ тому, кого не захватила и не поработила сектантская атмосфера; одинъ какой-нибудь предметъ олицетворяетъ собою въ ихъ сознаніи начало всякаго блага, источникъ истины и нравственнаго энтузіазма; въ противовѣсъ этому, другой предметъ сосредоточиваетъ въ себѣ для нихъ все темное, злое, уродливое и отверженное изъ міра личнаго и общественнаго. Нарушаются всякія перспективы и пропорціи: малое кажется грандіознымъ, великое — ничтожнымъ. Все человѣчество представляется однимъ коллективнымъ илотомъ, котораго исторія напоила, чтобъ ярче оттѣнить рядомъ съ его безобразіемъ внутреннюю красоту маленькаго мірка.

И когда кому-нибудь изъ этого микрокосма случится выставить наружу свою голову и увидѣть, что дѣлается въ великомъ божьемъ мірѣ, какіе тамъ вопросы, какіе интересы, какая суматоха, онъ презрительно покачаетъ головой и, мудрый приходской мудростью, изречетъ: „*У насъ* этого нѣтъ и — быть не можетъ!“

Спросите его: *почему?* и онъ въ отвѣтъ вамъ скажетъ: „Потому что мы — *Бундъ*“.

Вотъ, оно вѣщее, магическое, всеразрѣшающее слово: *Бундъ!*

Какъ и всякимъ фанатизированнымъ приходскимъ патріотамъ, „бундистамъ“ ихъ „община“ кажется не продуктомъ историческаго развитія, а разъ навсегда даннымъ, законченнымъ воплощеніемъ истины.

Въ самомъ дѣлѣ.

Бундъ выросъ въ той же общественной обстановкѣ, въ которой выросли мы, питался одной съ нами политической культурой, развивался на одной и той же литературѣ... Но въ то время, какъ мы оставляли позади нѣсколько „періодовъ“, изъ которыхъ каждый, являясь шагомъ впередъ въ нашемъ движеніи, представлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои односторонности и уродства, — Бундъ все время былъ вѣренъ себѣ, не зналъ ошибокъ, односторонностей, противорѣчій развитія, — не впадалъ ни въ „экономизмъ“, ни въ „политицизмъ“, — и если ему не удавалось удерживать на надлежащей высотѣ всю Партію, то самъ онъ всегда стоялъ на почвѣ строго марксистской программы... „Бундъ“ превращается, такимъ образомъ, въ загадочное явленіе совершенно необъяснимое матеріалистическимъ методомъ... Извѣстное четверостишіе Тютчева можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ мистическомъ отношеніи къ судьбѣ собственной организаціи, которое проявляютъ многіе товарищи изъ „Бунда“:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней во всемъ иная стать, —
Въ Россію можно *только вѣрить*...

Именно: только вѣрить!

Въ Партіи шли непрерывныя шатанія. На смѣну одностороннему „экономизму“, явилась „Искра“, „которая проповѣдывала политическій радикализмъ подъ соціалистическимъ соусомъ“. Старую „Искру“ смѣнила новая, которая „старательно пережевываетъ то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили“ экономисты („Вѣстникъ Бунда“, № 4).

А во время этихъ шатаній, причинившихъ много бѣдъ россійскому пролетаріату, одна изъ его частей, пролетаріатъ еврейскій, неуклонно шелъ по соціальдемократическому пути, — Ц. К. Бунда увѣренной рукой велъ свой избранный народъ. И этотъ фактъ представится намъ тѣмъ болѣе чудеснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ районѣ дѣятельности Бунда почти нѣтъ фабрично-заводскаго пролетаріата, который составляетъ главную силу международной соціальдемократіи, вслѣдствіе чего Бундъ сосредоточиваетъ свои революціонныя усилія на ремесленныхъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ, вообще, очень живуча мелкобуржуазная психологія; если мы вспомнимъ, далѣе, что политическая территорія Бунда не захватываетъ большихъ городовъ, концентрирующихъ умственную и политическую жизнь, придающихъ движенію оформленность и ясность; наконецъ, что надъ еврействомъ тяготѣетъ спеціальный гнетъ исключительныхъ законовъ, который, по общему правилу, долженъ затруднять дѣло развитія *классоваго* самосознанія пролетаріата.

Кромѣ этихъ спеціальныхъ препятствій, дѣятельность Бунда не можетъ не натaлкиваться на то основное затрудненіе, передъ которымъ снова и снова останавливается въ раздумьи наша Партія. Дѣйствительная классовая политика пролетаріата можетъ развернуться лишь тогда, когда буржуазія *является* не только экономически эксплуатирующей, но и политически правящей силой. При отсутствіи этого второго условія, стремленіе сохранить „чисто-классовый“ характеръ движенія можетъ приводить, какъ мы знаемъ изъ исторіи нашей Партіи, къ отказу отъ „политики“, и наоборотъ: переходъ къ политикѣ можетъ сопровождаться разрывомъ съ ея классовыми основами.

Отдали ли руководящіе элементы Бунда себѣ самимъ отчетъ въ этомъ противорѣчіи, опредѣлявшемъ до сихъ поръ всѣ внутреннія тренія въ Россійской Соціальдемократіи? Какими тактическими пріемами они преодолѣли его? Объ этомъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ товарищи изъ Бунда, осуждающіе и „экономизмъ“ „Рабочаго Дѣла“ и „политическій радикализмъ“ старой „Искры“ и подновленный „экономизмъ“ „Искры“ новой, не дали намъ ни одной теоретической страницы, которая показала бы или хотя бы лишь намекнула намъ, *какъ* подлинные соціальдемократы справляются съ коренными вопросами пролетарской борьбы, и облегчила бы намъ, филистимлянамъ, нелегкій трудъ тактическихъ исканій.

Обращаясь къ тѣмъ товарищамъ изъ Бунда, которыхъ приходскій патріотизмъ не дѣлаетъ слѣпыми и глухими, мы спрашиваемъ ихъ со всей серьезностью: какой кругъ идей питалъ васъ въ тѣ дни, когда мы, въ лицѣ теоретиковъ „экономизма“, обрѣзывали крылья марксистской доктрины, или тогда, когда мы, по вашимъ словамъ, принимали идеи вульгарнаго радикализма за идеи соціальдемократіи; какой кругъ идей питаетъ васъ, товарищи, сегодня, когда мы, по вашему мнѣнію, только „пережевываемъ“ то, что говорили отвергнутые нами вчера „экономисты“?

Вы, можетъ быть, попытаетесь отвѣтить, — въ частныхъ разговорахъ намъ приходилось слышать это возраженіе, — что вы *непосредственно* соединяете еврейскій пролетаріатъ съ источникомъ международной соціалистической мысли, и, такимъ образомъ, остаетесь въ сторонѣ отъ нашихъ „отечественныхъ“ ошибокъ, шатаній и прегрѣшеній. Но такой отвѣтъ лишенъ малѣйшей тѣни убѣдительности. Въ какой области происходятъ всѣ наши ошибки, шатанія и прегрѣшенія? Въ области *примѣненія къ русской общественно политической обстановкѣ* обобщеній и выводовъ теоретическаго и практическаго опыта міроваго соціалистическаго движенія. Невозможно непосредственно связать революціонную практику россійскаго пролетаріата или его части съ международнымъ соціализмомъ, минуя область тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены и брошюра „Объ агитаціи“, и „Credo“, и извѣстное приложеніе къ „Рабочей Мысли“, и статьи „Рабочаго Дѣла“, и брошюра „Что дѣлать?“ и нынѣшнія произведенія „меньшинства“. Что дали въ этой области вы, товарищи? Ничего, ровно ничего, кромѣ популяризаціи мыслей и взглядовъ этой самой литературы, — на чемъ же основано ваше право клеймить ее, какъ прокаженную? Ни на чемъ! Объ этомъ громко и внятно *для всѣхъ, кого* приходскій патріотизмъ не сдѣлалъ совершенно глухимъ, кричитъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ вашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ тѣ или другіе принципіальныя ошибки и грѣхи нашей Партіи выносятся на позорище лишь послѣ того, какъ мы уже преодолѣли эти грѣхи и успѣли, въ процессѣ борьбы съ ними, нажить новые, которые вы начнете, въ свою очередь, шельмовать лишь тогда, когда мы сами разъяснимъ вамъ ихъ внутреннюю природу.

Да и не можетъ быть иначе, ибо, хотя и много есть исключительныхъ законовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, но исключительный законъ политическаго развитія для *нея* не созданъ... Бундъ — реальный и историческій Бундъ, а не продуктъ сектантской мистики — проходилъ черезъ тѣ же стадіи, что и вся Партія. Правда, онъ не зналъ такого уродства, какъ „Credo“, и не вырабатывалъ еретическихъ теорій *объ отношеніи* „стихійности“ и „сознательности“, — но вѣдь, и Екатеринославскій Комитетъ не создавалъ своего „credo“, и Кавказскій Союзъ не писалъ брошюры „Что дѣлать?“ — не потому, что Екатеринославъ и Кавказъ были въ свое время выше этихъ произведеній, но исключительно потому, что „Credo“, и „Что дѣлать?“, и „Письмо къ товарищу“ представляютъ собою продуктъ всего движенія въ цѣломъ, *включая* сюда и Екатеринославъ, и Кавказъ, и „Бундъ“. Другими словами, Бундъ не имѣлъ своихъ *собственныхъ* теоретическихъ грѣховъ постольку, поскольку онъ вообще не впадалъ въ первородный грѣхъ *самостоятельнаго* познанія добра и зла.

Если бы наше матеріалистическое пониманіе политическаго развитія не исключало для насъ a priori возможности вѣрить въ то, что „Бундъ“ сумѣлъ, совершенно независимо отъ общаго политическаго состоянія Россіи и, въ частности, отъ уровня политическаго развитія россійскаго пролетаріата, сразу построить въ чертѣ еврейской осѣдлости подлинно-пролетарскую тактику, питающуюся безукоризненной научно-соціалистической идеологіей; еслибы даже, говоримъ мы, марксизмъ не вытравилъ изъ насъ безслѣдно вѣры въ историческія чудеса, мы могли бы оспорить утвержденіе о врожденной непогрѣшимости теоретиковъ и практиковъ Бунда и объ ихъ независимости отъ общепартійной литературы на основаніи данныхъ документальнаго характера.

Въ январѣ 1903 года, т. е. черезъ два года послѣ появленія „Искры“, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода брошюры „Что дѣлать?“, изданъ былъ Бундомъ переводъ статьи изъ № 28 „Arbeiterstimme“: „Наша ближайшая организаціонная задача“. Вотъ что въ этой статьѣ писалъ Ц. О. Бунда.

„Задачи профессіональнаго движенія далеко не исчерпываютъ соціальдемократической программы, поэтому, при наличности тѣсной связи нашихъ организацій съ профессіональными союзами, ихъ дѣятельность не можетъ отличаться соотвѣтствующимъ нашей программѣ широкимъ размахомъ. Вниманіе ихъ отвлекается отъ соціальдемократическихъ задачъ. Эти задачи незамѣтно отступаютъ на задній планъ, и ихъ мѣсто занимаютъ исключительно интересы профессіональнаго движенія. Такимъ образомъ, характеръ нашей работы суживается и принижается.“ (Стр. 10). Вся, вообще, статья, представляющая ученическое переложеніе тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ брошюры: „Что дѣлать?“, заканчивается такими соображеніями:

„Даже въ политически свободныхъ странахъ революціонныя партіи не объединяютъ ни всей массы, ни даже значительной части ея; онѣ состоятъ изъ относительно небольшого числа революціонеровъ. Партіи во всѣхъ странахъ образуютъ лишь передовые слои пролетаріата и интеллигенціи. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *на ряду съ массовымъ движеніемъ*, должна существовать крѣпкая *революціонная организація*, которая умѣла бы всегда придавать движенію революціонный характеръ. — Наша революціонная организація, нашъ „Бундъ“ долженъ состоять прежде всего изъ революціонеровъ. Вотъ къ чему мы должны стремиться, вотъ въ чемъ наша ближайшая задача“ (стр. 15, курсивъ автора). Ц. О. Бунда констатируетъ, такимъ образомъ, у себя тѣ же недочеты, отъ которыхъ страдала вся Партія. Указывая средства углубленія и расширенія работы по книжкѣ „Что дѣлать?“, Ц. О. Бунда перенимаетъ у т. Ленина всѣ его принципіальные грѣхи: сознательное или безсознательное отож-

---

окрашенныхъ въ мрачный темно-красный цвѣтъ, — цвѣтъ запекшейся крови. Изъ открытыхъ дверей смотрятъ задумчивыя, пытливыя, печальныя лица. „Нѣтъ ли газетки, дайте *почитать*, новенькой нѣтъ ли?“ — спрашиваютъ. Бросаешь или подаешь изъ окна газету, ее чуть не разрываютъ на части, такъ много охотниковъ почитать, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, а главное на войнѣ. Всѣ они давно уже изъ дому, уже не первую недѣлю въ дорогѣ. Вѣстей ни откуда нѣтъ. „Что дома дѣлается, — думаетъ каждый, — какъ тамъ на войнѣ наши управляются“. И съ жадностью слушаетъ цѣлый вагонъ чтеца, монотоннымъ голосомъ читающаго правительственныя телеграммы, написанныя такимъ варварскимъ языкомъ, что только общими силами, и то не всегда, удается выудить изъ нихъ окончательный смыслъ: „наши отступили, изъ строя выбыло столько то“. На душѣ становится еще тяжелѣе.

— „Вы откуда будете?“ — „Самарскіе“. — „Земляки, значитъ“. — „Какого уѣзда?“ — „Что, домой отправляетесь? Кланяйтесь тамъ нашимъ, можетъ быть, увидите. А въ вашемъ поѣздѣ раненыхъ нѣтъ?“ — слышится перекрестный разговоръ. „Вонъ тамъ, въ переднемъ вагонѣ, словно ѣдетъ какой то“. У передняго вагона собралась уже цѣлая толпа солдатъ изъ воинскаго поѣзда, а изъ окна, жестикулируя и повысивъ голосъ, передаетъ свои военныя впечатлѣнія раненый солдатикъ. Его слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но вотъ свистокъ воинскому поѣзду. „Эй, вы, садись, сейчасъ поѣдемъ!“ — кричатъ офицеры и унтеры. Поѣздъ медленно трогается. Изъ дверей вагоновъ густо, густо выставились головы солдатъ. „Прощайте, голубчики, будьте здоровы“ — раздается изъ пассажирскаго поѣзда, и это простое обычное привѣтствіе, которое произносишь обыкновенно, не вдумываясь въ его смыслъ, теперь какъ-то странно звучитъ въ ушахъ. Много ли изъ этихъ сотенъ живыхъ, здоровыхъ людей вернутся домой дѣйствительно здоровыми?...

„Голубчики мои, — вздыхаетъ сосѣдка моя, простая баба, — *на убой*, вѣдь, везутъ миленькихъ. У насъ на Дону такъ вотъ барановъ возятъ на бойню въ городъ. Натолкаютъ полонъ вагонъ, запрутъ и везутъ. И куда, зачѣмъ ихъ везутъ, въ даль такую?“.

Патріотическихъ разговоровъ совсѣмъ не слышно въ вагонѣ. Только одинъ старецъ, захудалый чиновникъ или писарь, что-то поминаетъ о царѣ и отечествѣ, но его слова тонутъ незамѣченными въ общемъ сосредоточенно мрачномъ настроеніи. Слишкомъ бьетъ въ глаза полная безсмысленность этой проклятой войны, слишкомъ подавляетъ зрѣлище ѣдущихъ на убой сотенъ здоровыхъ, полныхъ силъ людей, которыхъ слѣпая, безсмысленная, прогнившая насквозь, но сильная своей величиной громада, именуемая самодержавіемъ, оторвала отъ родныхъ гнѣздъ, семей и занятій и толкнула куда то въ невѣдомую даль для кровавой схватки съ такими же молодыми, миролюбивыми въ обычное время людьми, иной только расы, съ инымъ цвѣтомъ кожи. Воинскіе поѣзда становятся какимъ-то кошмаромъ. Они встрѣчаются намъ на ходу днемъ и ночью, стоятъ на станціяхъ, разъѣздахъ... И вездѣ васъ провожаютъ одни и тѣ же возгласы: „кланяйтесь нашимъ!“, а въ отвѣтъ звучитъ: „будьте здоровы!“. Вездѣ встрѣчаетесь вы съ вопросительно печальными взглядами: что тамъ на войнѣ слышно? Слова безсильнаго проклятія замираютъ на вашихъ устахъ. „Проклятье тебѣ, королю всѣхъ счастливыхъ!“...

⁂

Въ поѣздѣ ѣдетъ на казенный счетъ домой много женъ запасныхъ солдатъ, которыхъ забрали въ мобилизацію. Противъ меня сидитъ *понурая* беременная баба. Оказывается, — тоже солдатка. Возвращается домой въ Томскую губернію. „Мужа забрали, запасный онъ, а мнѣ билетъ выдали безплатный, вотъ и ѣду. Да вишь ты, обѣщали по 40 коп. въ день кормовыхъ выдавать во время дороги; говорили, на большихъ станціяхъ нужно къ воинскому начальнику обращаться, — онъ выдастъ, а гдѣ его тутъ искать, начальника-то. Такъ вотъ и ѣдешь, послѣдніе гроши проѣла. А еще отъ Томска на пароходѣ *сколько* ѣхать, не знаю, какъ и быть. Въ Иркутскѣ ходила къ воинскому начальнику, говоритъ: „не мое дѣло“. Такъ видно плакали мои денежки“. Солдатокъ ѣдетъ много изъ разныхъ концовъ Сибири, гдѣ мужья ихъ были на заработкахъ, такъ что, если гг. „начальники“ съ каждой въ день „сэкономятъ“ 40 к., въ общемъ, *соберется* довольно кругленькая сумма. Одна моя знакомка „скопила“ имъ за свою дорогу уже восемь рублей. „Мы въ Благовѣщенскѣ съ мужемъ жили. Онъ какъ кончилъ службу, домой не поѣхалъ. Думали въ городѣ остаться, заробить кой что. Да какое тутъ. Еще съ осени, вѣдь, объявили, чтобы запасные никуда не отлучались и чтобы ихъ на большія работы не нанимали, дескать, во всякое время потребовать могутъ. Ну, какъ мужъ придетъ куда наниматься, видятъ *по* паспорту, что запасный, нѣтъ, говорятъ, намъ такихъ не надо. Такъ и жилъ поденщиной. А на этомъ много ли заработаешь, коли запасныхъ въ городѣ, можетъ, не одна сотня скопилась. Перебивались съ хлѣба на воду, а теперь на дорогу послѣднее извела“, — закончила баба, безпомощно понуривъ голову и уныло осматривая свои узлы съ домашнимъ скарбомъ, въ которомъ заключалось все ея достояніе. Э-эхъ! Мало словъ, а горя рѣченька...

⁂

На большихъ станціяхъ стоятъ санитарные поѣзда, везущіе съ востока раненыхъ. Поѣзда поражаютъ непривычный глазъ своимъ блескомъ, чистотой, изяществомъ. Изъ оконъ выглядываютъ изящно завитыя головки сестеръ милосердія съ краснымъ крестомъ на груди. Кажется, вотъ ужъ гдѣ хорошо, тепло, мягко, покойно. Однако, такъ кажется только на первый взглядъ. Раненымъ солдатамъ прежде всего не хватаетъ воздуху. Не смотря на то, что поѣзда на станціяхъ стоятъ томительно долго, ихъ не выпускаютъ изъ вагоновъ. Многіе прекрасно могутъ ходить, не боясь повредить своей ранѣ, убѣдительно просятъ выпустить ихъ, погулять хоть немножко, — ничто не помогаетъ; офицеры приказываютъ сидѣть *по* вагонамъ. „Не хотятъ, видишь ты, — объяснилъ мнѣ одинъ раненый, — чтобы мы съ встрѣчными солдатами разговаривали. Тѣ, какъ увидятъ, кто съ войны возвращается, сейчасъ обступятъ, какъ, да что, каково на войнѣ было. Ну, а мы, извѣстно, много кое чего пораасказать могли бы: и про японца этого самаго, и про своихъ офицеровъ, и про пищу солдатскую. Въ одномъ мѣстѣ намъ не одинъ день подрядъ, вмѣсто хлѣба печеннаго, сырую муку выдавали, по два фунта на брата, что хочешь съ ней, то и дѣлай... Ну, вотъ видите, легокъ на поминѣ! Вонъ ужъ унтеръ несется сюда, сейчасъ въ вагонъ погонитъ. До свиданья!

— Эй, ты, лазаретный, что тамъ разболтался? Какъ смѣешь выходить, когда не приказано! Маршъ въ вагонъ!...

⁂

Въ одномъ съ нами поѣздѣ ѣдетъ цѣлая партія нѣмецкихъ матросовъ съ торговаго судна, привезшаго уголь во Владивостокъ или Портъ-Артуръ. Всѣхъ ихъ теперь на казенный счетъ отправляютъ черезъ Сибирь и Россію на родину. Правительство наше платитъ имъ суточныхъ 3¼ рубля каждому, капитану и старшимъ значительно больше. Всѣхъ ихъ около 70 человѣкъ и въ дорогѣ только до Петербурга они пробудутъ дней около 40. Дѣлаешь въ умѣ умноженіе и умиляешься, какъ предупредительно наше правительство съ иностранцами. Во сколько же, интересно, обошелся этотъ уголь, которому, можетъ быть, суждено теперь покоиться на днѣ морскомъ вмѣстѣ съ злосчастнымъ крейсеромъ или броненосцемъ.

Нѣмцы или „германы“, какъ ихъ зовутъ пассажиры III го класса, начали свое изученіе Россіи и Сибири съ самаго *интереснаго* пункта — каталажки. На ст. Байкалъ человѣкъ шесть изъ нихъ были туда посажены за непочтеніе къ полицейскимъ чинамъ и, въ частности, къ патріотизму байкальскихъ носильщиковъ. Въ самомъ началѣ пути предпріимчивые россіяне вытащили у нѣсколькихъ порядочную сумму денегъ. Нѣмцы подавали жалобы и проч., но полиція не могла разыскать воровъ. За Челябинскомъ кража повторилась, и „германы“, видя, что съ волками надо выть по волчьи, уличивъ воровъ, расправились съ ними своими средствами, т. е. по просту угостили ихъ боксомъ до полусмерти. Болѣе вдумчивые нѣмцы съ интересомъ наблюдали новую страну и народъ и съ удивленіемъ покачивали головами. „Знаете, что меня поражаетъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — вотъ мы уже болѣе полумѣсяца ѣдемъ, а до сихъ поръ я не видалъ ни одной школы, ни одного красиваго зданія, развѣ только церковь иногда въ глаза бросится, селенія такъ рѣдки... Ѣдешь, словно по какой-то пустынѣ. И зачѣмъ же Россіи Манчжурія понадобилась, когда и въ Сибири такъ просторно. Многое очень меня удивляетъ, — говорилъ словоохотливый нѣмецъ, — вотъ, напримѣръ, у васъ, оказывается, простой народъ въ большинствѣ случаевъ неграмотенъ. Какъ же Россія думаетъ насаждать культуру въ Китаѣ и Манчжуріи, когда сама такъ некультурна?“. Что было сказать на это разговорчивому нѣмцу? „И полиція у васъ странная какая-то, — продолжаетъ онъ отполитическая тупость массы провинціальной „интеллигенціи“ и буржуазіи, разъѣдающая населеніе казенная идеологія человѣконенавистничества. Погромы въ Смѣлѣ и другихъ мѣстахъ пришли кстати, чтобы напомнить еврейской буржуазіи и передовой части русскаго общества то, о чемъ въ туманныхъ фразахъ говоритъ „Новое Время“: *что еврейское безправіе и питаемые имъ „погромы“ являются составной частью того политическаго уклада, который именуется русскимъ самодержавіемъ.* Никакія заплаты на дырявомъ рубищѣ „временныхъ правилъ“ не смогутъ скрыть отъ культурнаго міра той сплошной язвы, которая покрывается этимъ рубищемъ, которая заражаетъ всю рускую жизнь. Чтобы еврей пересталъ быть „жидомъ“, существомъ, подлежащимъ періодической „встряскѣ“ погромовъ — для этого необходимымъ предварительнымъ условіемъ является устраненіе изъ русскаго законодательства самаго слова „еврей“. А это невозможно безъ коренной ломки того строя, на которомъ красуется потертая вывѣска: „самодержавіе, православіе и народность“.

Погромы въ Смѣлѣ, Ровно и Сосновицахъ вскрываютъ еще разъ классовое неравенство, покрываемое общимъ гражданскимъ безправіемъ еврейскаго населенія. Что означаетъ для этихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и торговцевъ всѣ и всякія льготы для отдѣльныхъ единоплеменныхъ имъ представителей капитала и образованія? Погромы, какъ кульминаціонный пунктъ будничнаго, каждый день осязаемаго безправія, остаются неприкосновенными. Вѣчное обирательство и издѣвательство полицейскихъ чиновъ надъ еврейской массой остается въ силѣ и послѣ того, какъ право жительства и разселенія для нѣкоторыхъ категорій регулировано болѣе или менѣе прочными положеніями закона. Болѣе того: изымая изъ подъ дѣйствія повседневнаго полицейскаго обложенія верхи еврейской буржуазіи — для того, чтобы обложить ихъ въ пользу самой „царской казны“ — самодержавіе, тѣмъ самымъ, отдаетъ еврейскую бѣдноту на потокъ и разграбленіе жадной полицейской сворѣ. И если въ борьбѣ за самосохраненіе самодержавіе и впредь будетъ откупаться отъ своей гибели, между прочимъ, продажей отдѣльныхъ льготъ верхамъ еврейства, оно, тѣмъ самымъ, будетъ все глубже и глубже погружать еврейскую бѣдноту въ тину его гетто. Тѣмъ самымъ, оно будетъ все глубже и глубже раскалывать еврейство, и, примиряя съ собой его буржуазную часть толкать его пролетарскіе элементы навстрѣчу той революціи, которая одна только похоронитъ на вѣки Кишиневскіе ужасы.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА „БУНДА“.

Нѣтъ ничего болѣе принижающаго, какъ духъ приходскаго самодовольства.

Группа людей, замкнувшаяся въ узкой чертѣ идейной осѣдлости, живетъ одними и тѣми же приходскими интересами, вращается неизмѣнно въ кругу однихъ и тѣхъ же понятій и психологическихъ ассоціацій и вырабатываетъ, въ концѣ концовъ, свой обиходный жаргонъ, позволяющій членамъ секты понимать другъ друга съ полуслова и какъ бы создающій вокругъ нихъ непроницаемый панцырь. Нѣкоторыя слова наполняются для нихъ мистическимъ содержаніемъ, совершенно недоступнымъ тому, кого не захватила и не поработила сектантская атмосфера; одинъ какой-нибудь предметъ олицетворяетъ собою въ ихъ сознаніи начало всякаго блага, источникъ истины и нравственнаго энтузіазма; въ противовѣсъ этому, другой предметъ сосредоточиваетъ въ себѣ для нихъ все темное, злое, уродливое и отверженное изъ міра личнаго и общественнаго. Нарушаются всякія перспективы и пропорціи: малое кажется грандіознымъ, великое — ничтожнымъ. Все человѣчество представляется однимъ коллективнымъ илотомъ, котораго исторія напоила, чтобъ ярче оттѣнить рядомъ съ его безобразіемъ внутреннюю красоту маленькаго мірка.

И когда кому-нибудь изъ этого микрокосма случится выставить наружу свою голову и увидѣть, что дѣлается въ великомъ божьемъ мірѣ, какіе тамъ вопросы, какіе интересы, какая суматоха, онъ презрительно покачаетъ головой и, мудрый приходской мудростью, изречетъ: „*У насъ* этого нѣтъ и — быть не можетъ!“

Спросите его: *почему?* и онъ въ отвѣтъ вамъ скажетъ: „Потому что мы — *Бундъ*“.

Вотъ, оно вѣщее, магическое, всеразрѣшающее слово: *Бундъ*!

Какъ и всякимъ фанатизированнымъ приходскимъ патріотамъ, „бундистамъ“ ихъ „община“ кажется не продуктомъ историческаго развитія, а разъ навсегда даннымъ, законченнымъ воплощеніемъ истины.

Въ самомъ дѣлѣ.

Бундъ выросъ въ той же общественной обстановкѣ, въ которой выросли мы, питался одной съ нами политической культурой, развивался на одной и той же литературѣ... Но въ то время, какъ мы оставили позади нѣсколько „періодовъ“, изъ которыхъ каждый, являясь шагомъ впередъ въ нашемъ движеніи, представлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои односторонности и уродства, — Бундъ все время былъ вѣренъ себѣ, не зналъ ошибокъ, односторонностей, противорѣчій развитія, — не впадалъ ни въ „экономизмъ“, ни въ „политицизмъ“, — и если ему не удавалось удерживать на надлежащей высотѣ всю Партію, то самъ онъ всегда стоялъ на почвѣ строго марксистской программы... „Бундъ“ превращается, такимъ образомъ, въ загадочное явленіе совершенно необъяснимое матеріалистическимъ методомъ... Извѣстное четверостишіе Тютчева можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ мистическомъ отношеніи къ судьбѣ собственной организаціи, которое проявляютъ многіе товарищи изъ „Бунда“:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней во всемъ иная стать, —
Въ Россію можно *только вѣрить*...

Именно: только вѣрить!

Въ Партіи шли непрерывныя шатанія. На смѣну одностороннему „экономизму“, явилась „Искра“, „которая проповѣдывала политическій радикализмъ подъ соціалистическимъ соусомъ“. Старую „Искру“ смѣнила новая, которая „старательно пережевываетъ то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили“ экономисты („Вѣстникъ Бунда“, № 4).

А во время этихъ шатаній, причинившихъ много бѣдъ россійскому пролетаріату, одна изъ его частей, пролетаріатъ еврейскій, неуклонно шелъ по соціальдемократическому пути, — Ц. К. Бунда увѣренной рукой велъ свой избранный народъ. И этотъ фактъ представится намъ тѣмъ болѣе чудеснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ районѣ дѣятельности Бунда почти нѣтъ фабрично-заводскаго пролетаріата, который составляетъ главную силу международной соціальдемократіи, вслѣдствіе чего Бундъ сосредоточиваетъ свои революціонныя усилія на ремесленныхъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ, вообще, очень живуча мелкобуржуазная психологія; если мы вспомнимъ, далѣе, что политическая территорія Бунда не захватываетъ большихъ городовъ, концентрирующихъ умственную и политическую жизнь, придающихъ движенію оформленность и ясность; наконецъ, что надъ еврействомъ тяготѣетъ спеціальный гнетъ исключительныхъ законовъ, который, по общему правилу, долженъ затруднять дѣло развитія *классоваго* самосознанія пролетаріата.

Кромѣ этихъ спеціальныхъ препятствій, дѣятельность Бунда не можетъ не наталкиваться на то основное затрудненіе, передъ которымъ снова и снова останавливается въ раздумьи наша Партія. Дѣйствительная классовая политика пролетаріата можетъ развернуться лишь тогда, когда буржуазія является не только экономически эксплуатирующей, но и политически правящей силой. При отсутствіи этого второго условія, стремленіе сохранить „чисто-классовый“ характеръ движенія можетъ приводить, какъ мы знаемъ изъ исторіи нашей Партіи, къ отказу отъ „политики“, и наоборотъ: переходъ къ политикѣ можетъ сопровождаться разрывомъ съ ея классовыми основами.

Отдали ли руководящіе элементы Бунда себѣ самимъ отчетъ въ этомъ противорѣчіи, опредѣлявшемъ до сихъ поръ всѣ внутреннія тренія въ Россійской Соціальдемократіи? Какими тактическими пріемами они преодолѣли его? Объ этомъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ товарищи изъ Бунда, осуждающіе и „экономизмъ“ „Рабочаго Дѣла“ и „политическій радикализмъ“ старой „Искры“ и подновленный „экономизмъ“ „Искры“ новой, не дали намъ ни одной теоретической страницы, которая показала бы или хотя бы лишь намекнула намъ, *какъ* подлинные соціальдемократы справляются съ коренными вопросами пролетарской борьбы, и облегчила бы намъ, филистимлянамъ, нелегкій трудъ тактическихъ исканій.

Обращаясь къ тѣмъ товарищамъ изъ Бунда, которыхъ приходскій патріотизмъ не дѣлаетъ слѣпыми и глухими, мы спрашиваемъ ихъ со всей серьезностью: какой кругъ идей питалъ васъ въ тѣ дни, когда мы, въ лицѣ теоретиковъ „экономизма“, обрѣзывали крылья марксистской доктрины, или тогда, когда мы, по вашимъ словамъ, принимали идеи вульгарнаго радикализма за идеи соціальдемократіи; какой кругъ идей питаетъ васъ, товарищи, сегодня, когда мы, по вашему мнѣнію, только „пережевываемъ“ то, что говорили отвергнутые нами вчера „экономисты“?

Вы, можетъ быть, попытаетесь отвѣтить, — въ частныхъ разговорахъ намъ приходилось слышать это возраженіе, — что вы *непосредственно* соединяете еврейскій пролетаріатъ съ источникомъ международной соціалистической мысли, и, такимъ образомъ, остаетесь въ сторонѣ отъ нашихъ „отечественныхъ“ ошибокъ, шатаній и прегрѣшеній. Но такой отвѣтъ лишенъ малѣйшей тѣни убѣдительности. Въ какой области происходятъ всѣ наши ошибки, шатанія и прегрѣшенія? Въ области *примѣненія къ русской общественно политической обстановкѣ* обобщеній и выводовъ теоретическаго и практическаго опыта міроваго соціалистическаго движенія. Невозможно непосредственно связать революціонную практику россійскаго пролетаріата или его части съ международнымъ соціализмомъ, минуя область тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены и брошюра „Объ агитаціи“, и „Credo“, и извѣстное приложеніе къ „Рабочей Мысли“, и статьи „Рабочаго Дѣла“, и брошюра „Что дѣлать?“ и нынѣшнія произведенія „меньшинства“. Что дали въ этой области вы, товарищи? Ничего, ровно ничего, кромѣ популяризаціи мыслей и взглядовъ этой самой литературы, — на чемъ же основано ваше право клеймить ее, какъ прокаженную? Ни на чемъ! Объ этомъ громко и внятно для всѣхъ, кого приходскій патріотизмъ не сдѣлалъ совершенно глухимъ, кричитъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ вашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ тѣ или другіе принципіальныя ошибки и грѣхи нашей Партіи выносятся на позорище лишь послѣ того, какъ мы уже преодолѣли эти грѣхи и успѣли, въ процессѣ борьбы съ ними, нажить новые, которые вы начнете, въ свою очередь, шельмовать лишь тогда, когда мы сами разъяснимъ вамъ ихъ внутреннюю природу.

Да и не можетъ быть иначе, ибо, хотя и много есть исключительныхъ законовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, но исключительный законъ политическаго развитія для нея не созданъ... Бундъ — реальный и историческій Бундъ, а не продуктъ сектантской мистики — проходилъ черезъ тѣ же стадіи, что и вся Партія. Правда, онъ не зналъ такого уродства, какъ „Credo“, и не вырабатывалъ еретическихъ теорій объ отношеніи „стихійности“ и „сознательности“, — но вѣдь, и Екатеринославскій Комитетъ не создавалъ своего „credo“, и Кавказскій Союзъ не писалъ брошюры „Что дѣлать?“ — не потому, что Екатеринославъ и Кавказъ были въ свое время выше этихъ произведеній, но исключительно потому, что „Credo“, и „Что дѣлать?“, и „Письмо къ товарищу“ представляютъ собою продуктъ всего движенія въ цѣломъ, включая сюда и Екатеринославъ, и Кавказъ, и „Бундъ“. Другими словами, Бундъ не имѣлъ своихъ *собственныхъ* теоретическихъ грѣховъ постольку, поскольку онъ вообще не впадалъ въ первородный грѣхъ *самостоятельнаго* познанія добра и зла.

Если бы наше матеріалистическое пониманіе политическаго развитія не исключало для насъ a priori возможности вѣрить въ то, что „Бундъ“ сумѣлъ, совершенно независимо отъ общаго политическаго состоянія Россіи и, въ частности, отъ уровня политическаго развитія россійскаго пролетаріата, сразу построить въ чертѣ еврейской осѣдлости подлинно пролетарскую тактику, питающуюся безукоризненной научно-соціалистической идеологіей; еслибы даже, говоримъ мы, марксизмъ не вытравилъ изъ насъ безслѣдно вѣры въ историческія чудеса, мы могли бы оспорить утвержденіе о врожденной непогрѣшимости теоретиковъ и практиковъ Бунда и объ ихъ независимости отъ общепартійной литературы на основаніи данныхъ документальнаго характера.

Въ январѣ 1903 года, т. е. черезъ два года послѣ появленія „Искры“, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода брошюры „Что дѣлать?“, изданъ былъ Бундомъ переводъ статьи изъ № 28 „Arbeiterstimme“: „Наша ближайшая организаціонная задача“. Вотъ что въ этой статьѣ писалъ Ц. О. Бунда.

„Задачи профессіональнаго движенія далеко не исчерпываютъ соціальдемократической программы, поэтому, при наличности тѣсной связи нашихъ организацій съ профессіональными союзами, ихъ дѣятельность не можетъ отличаться соотвѣтствующимъ нашей программѣ широкимъ размахомъ. Вниманіе ихъ отвлекается отъ соціальдемократическихъ задачъ. Эти задачи незамѣтно отступаютъ на задній планъ, и ихъ мѣсто занимаютъ исключительно интересы профессіональнаго движенія. Такимъ образомъ, характеръ нашей работы суживается и принижается.“ (Стр. 10). Вся, вообще, статья, представляющая ученическое переложеніе тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ брошюры: „Что дѣлать?“, заканчивается такими соображеніями:

„Даже въ политически свободныхъ странахъ революціонныя партіи не объединяютъ ни всей массы, ни даже значительной части ея; онѣ состоятъ изъ относительно небольшого числа революціонеровъ. Партіи во всѣхъ странахъ образуютъ лишь передовые слои пролетаріата и интеллигенціи. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *на ряду съ массовымъ движеніемъ*, должна существовать крѣпкая *революціонная организація*, которая умѣла бы всегда придавать движенію революціонный характеръ. — Наша революціонная организація, нашъ „Бундъ“ долженъ *состоять* прежде всего изъ революціонеровъ. Вотъ къ чему мы должны *стремиться*, вотъ въ чемъ наша ближайшая задача“ (стр. 15, курсивъ автора). Ц. О. Бунда констатируетъ, такимъ образомъ, у себя тѣ же недочеты, отъ которыхъ страдала вся Партія. Указывая средства углубленія и расширенія работы по книжкѣ „Что дѣлать?“, Ц. О. Бунда перенимаетъ у т. Ленина всѣ его принципіальные грѣхи: сознательное или безсознательное отож-

---

окрашенныхъ въ мрачный темно-красный цвѣтъ, — цвѣтъ запекшейся крови. Изъ открытыхъ дверей смотрятъ задумчивыя, пытливыя, печальныя лица. „Нѣтъ ли газетки, дайте почитать, новенькой нѣтъ ли?“ — спрашиваютъ. Бросаешь или подаешь изъ окна газету, ее чуть не разрываютъ на части, такъ много охотниковъ почитать, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, а главное на войнѣ. Всѣ они давно уже изъ дому, уже не первую недѣлю въ дорогѣ. Вѣстей ни откуда нѣтъ. „Что дома дѣлается, — думаетъ каждый, — какъ тамъ на войнѣ наши управляются“. И съ жадностью слушаетъ цѣлый вагонъ чтеца, монотоннымъ голосомъ читающаго правительственныя телеграммы, написанныя такимъ варварскимъ языкомъ, что только общими силами, и то не всегда, удается выудить изъ нихъ окончательный смыслъ: „наши отступили, изъ строя выбыло столько-то“. На душѣ становится еще тяжелѣе.

— „Вы откуда будете?“ — „Самарскіе“. — „Земляки, значитъ“. — „Какого уѣзда?“ — „Что, домой отправляетесь? Кланяйтесь тамъ нашимъ, можетъ быть, увидите. А въ вашемъ поѣздѣ раненыхъ нѣтъ?“ — слышится перекрестный разговоръ. „Вонъ тамъ, въ переднемъ вагонѣ, словно ѣдетъ какой-то“. У передняго вагона собралась уже цѣлая толпа солдатъ изъ воинскаго поѣзда, а изъ окна, жестикулируя и повысивъ голосъ, передаетъ свои военныя впечатлѣнія раненый солдатикъ. Его слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но вотъ свистокъ воинскому поѣзду. „Эй, вы, садись, сейчасъ поѣдемъ!“ — кричатъ офицеры и унтеры. Поѣздъ медленно трогается. Изъ дверей вагоновъ густо, густо выставились головы солдатъ. „Прощайте, голубчики, будьте здоровы“ — раздается изъ пассажирскаго поѣзда, и это простое обычное привѣтствіе, которое произносишь обыкновенно, не вдумываясь въ его смыслъ, теперь какъ-то странно звучитъ въ ушахъ. Много ли изъ этихъ сотенъ живыхъ, здоровыхъ людей вернутся домой дѣйствительно здоровыми?...

„Голубчики мои, — вздыхаетъ сосѣдка моя, простая баба, — на убой, вѣдь, везутъ миленькихъ. У насъ на Дону такъ вотъ барановъ возятъ на бойню въ городъ. Натолкаютъ полонъ вагонъ, запрутъ и везутъ. И куда, зачѣмъ ихъ везутъ, въ даль такую?“

Патріотическихъ разговоровъ совсѣмъ не слышно въ вагонѣ. Только одинъ старецъ, захудалый чиновникъ или писарь, что-то поминаетъ о царѣ и отечествѣ, но его слова тонутъ незамѣченными въ общемъ сосредоточенно мрачномъ настроеніи. Слишкомъ бьетъ въ глаза полная безсмысленность этой проклятой войны, слишкомъ подавляетъ зрѣлище ѣдущихъ на убой сотенъ здоровыхъ, полныхъ силъ людей, которыхъ слѣпая, безсмысленная, прогнившая насквозь, но сильная своей величиной громада, именуемая самодержавіемъ, оторвала отъ родныхъ гнѣздъ, семей и занятій и толкнула куда-то въ невѣдомую даль для кровавой схватки съ такими же молодыми, миролюбивыми въ обычное время людьми, иной только расы, съ инымъ цвѣтомъ кожи. Воинскіе поѣзда становятся какимъ-то кошмаромъ. Они встрѣчаются намъ на ходу днемъ и ночью, стоятъ на станціяхъ, разъѣздахъ... И вездѣ васъ провожаютъ одни и тѣ же возгласы: „кланяйтесь нашимъ!“, а въ отвѣтъ звучитъ: „будьте здоровы!“. Вездѣ встрѣчаетесь вы съ вопросительно печальными взглядами: что тамъ на войнѣ слышно? Слова безсильнаго проклятія замираютъ на вашихъ устахъ. „Проклятье тебѣ, королю всѣхъ счастливыхъ!“

* * *

Въ поѣздѣ ѣдетъ на казенный счетъ домой много женъ запасныхъ солдатъ, которыхъ забрали въ мобилизацію. Противъ меня сидитъ понурая беременная баба. Оказывается — тоже солдатка. Возвращается домой въ Томскую губернію. „Мужа забрали, запасный онъ, а мнѣ билетъ выдали безплатный, вотъ и ѣду. Да вишь ты, обѣщали по 40 коп. въ день кормовыхъ выдавать во время дороги, говорили, на большихъ станціяхъ нужно къ воинскому начальнику обращаться, — онъ выдастъ, а гдѣ его тутъ искать, начальника-то. Такъ вотъ и ѣдешь, послѣдніе гроши проѣла. А еще отъ Томска на пароходѣ сколько ѣхать, не знаю, какъ и быть. Въ Иркутскѣ ходила къ воинскому начальнику, говоритъ „не мое дѣло“. Такъ видно плакали мои денежки“. Солдатокъ ѣдетъ много изъ разныхъ концовъ Сибири, гдѣ мужья ихъ были на заработкахъ, такъ что, если гг. „начальники“ съ каждой въ день „съэкономятъ“ 40 к., въ общемъ, соберется довольно кругленькая сумма. Одна моя знакомка „скопила“ имъ за свою дорогу уже восемь рублей. „Мы въ Благовѣщенскѣ съ мужемъ жили. Онъ какъ кончилъ службу, домой не поѣхалъ. Думали въ городѣ остаться, заробить кой-что. Да какое тутъ. Еще съ осени вѣлѣли, объявили, чтобы запасные никуда не отлучались и чтобы ихъ на большія работы не нанимали: дескать, во всякое время потребовать могутъ. Ну, какъ мужъ придетъ куда наниматься, видятъ по паспорту, что запасный, нѣтъ, говорятъ, намъ такихъ не надо. Такъ и жилъ поденщиной. А на этомъ много ли заработаешь, коли запасныхъ въ городѣ, можетъ, не одна сотня скопилась. Перебивались съ хлѣба на воду, а теперь на дорогу послѣднее извела“, — закончила баба, безпомощно понуривъ голову и уныло осматривая свои узлы съ домашнимъ скарбомъ, въ которомъ заключалось все ея достояніе. „Эхъ!“ Мало словъ, а горя рѣченька...

* * *

На большихъ станціяхъ стоятъ санитарные поѣзда, везущіе съ востока раненыхъ. Поѣзда поражаютъ непривычный глазъ своимъ блескомъ, чистотой, изяществомъ. Изъ оконъ выглядываютъ изящно завитыя головки сестеръ милосердія съ краснымъ крестомъ на груди. Кажется, вотъ ужъ гдѣ хорошо, тепло, мягко, покойно. Однако, такъ кажется только на первый взглядъ. Раненымъ солдатамъ прежде всего не хватаетъ воздуху. Не смотря на то, что поѣзда на станціяхъ стоятъ томительно долго, ихъ не выпускаютъ изъ вагоновъ. Многіе прекрасно могутъ ходить, не боясь повредить своей ранѣ, убѣдительно просятъ выпустить ихъ, погулять хоть немножко, — ничто не помогаетъ; офицеры приказываютъ сидѣть по вагонамъ. „Не хотятъ, видишь ты, — объяснилъ мнѣ одинъ раненый, — чтобы мы съ встрѣчными солдатами разговаривали. Тѣ, какъ увидятъ, кто съ войны возвращается, сейчасъ обступитъ, какъ, да что, каково на войнѣ было. Ну, а мы, извѣстно, много кое чего порассказать могли бы: и про японца этого самаго, и про своихъ офицеровъ, и про пищу солдатскую. Въ одномъ мѣстѣ намъ не одинъ день подрядъ, вмѣсто хлѣба печеннаго, сырую муку выдавали, по два фунта на брата, что хочешь съ ней, то и дѣлай... Ну, вотъ видите, легокъ на поминѣ! Вонъ ужъ унтеръ несется сюда, сейчасъ въ вагонъ погонитъ. До свиданья!

— Эй, ты, лазаретный, что тамъ разболтался? Какъ смѣешь выходить, когда не приказано! Маршъ въ вагонъ!...

* * *

Въ одномъ съ нами поѣздѣ ѣдетъ цѣлая партія нѣмецкихъ матросовъ съ торговаго судна, привезшаго уголь во Владивостокъ или Портъ-Артуръ. Всѣхъ ихъ теперь на казенный счетъ отправляютъ черезъ Сибирь и Россію на родину. Правительство наше платитъ имъ суточныхъ 3¼ рубля каждому, капитану и старшимъ значительно больше. Всѣхъ ихъ около 70 человѣкъ и въ дорогѣ только до Петербурга они пробудутъ дней около 40. Дѣлаешь въ умѣ умноженіе и умиляешься, какъ предупредительно наше правительство съ иностранцами. Во сколько же, интересно, обошелся этотъ уголь, которому, можетъ быть, суждено теперь покоиться на днѣ морскомъ вмѣстѣ съ злосчастнымъ крейсеромъ или броненосцемъ.

Нѣмцы или „германы“, какъ ихъ зовутъ пассажиры III-го класса, начали свое изученіе Россіи и Сибири съ самаго интереснаго пункта — каталажки. На ст. Байкалъ человѣкъ шесть изъ нихъ были туда посажены за непочтеніе къ полицейскимъ чинамъ и, въ частности, къ патріотизму байкальскихъ носильщиковъ. Въ самомъ началѣ пути предпріимчивые россіяне вытащили у нѣсколькихъ порядочную сумму денегъ. Нѣмцы подавали жалобы и проч., но полиція не могла разыскать воровъ. За Челябинскомъ кража повторилась, и „германы“, видя, что съ волками надо выть по волчьи, уличивъ воровъ, расправились съ ними своими средствами, т. е. по просту угостили ихъ боксомъ до полусмерти. Болѣе вдумчивые нѣмцы съ интересомъ наблюдали новую страну и народъ и съ удивленіемъ покачивали головами. „Знаете, что меня поражаетъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — вотъ мы уже болѣе полумѣсяца ѣдемъ, а до сихъ поръ я не видалъ ни одной школы, ни одного красиваго зданія, развѣ только церковь иногда въ глаза бросится, селенія такъ рѣдки... Ѣдешь, словно по какой-то пустынѣ. И зачѣмъ же Россіи Манчжурія понадобилась, когда и въ Сибири такъ просторно. Многое очень меня удивляетъ, — говорилъ словоохотливый нѣмецъ, — вотъ, напримѣръ, у васъ, оказывается, простой народъ въ большинствѣ случаевъ неграмотенъ. Какъ же Россія думаетъ насаждать культуру въ Китаѣ и Манчжуріи, когда сама такъ некультурна?“ Что было сказать на это разговорчивому нѣмцу? „И полиція у васъ странная какая-то, — продолжаетъ онъ отдествленіе Партіи и „профессіонально-революціонной“ организаціи; непониманіе той мысли, что задачи *революціонной организаціи* состоятъ не въ томъ только, чтобы существующему „наряду (sic!) съ нею *массовому движенію*“ „всегда придавать революціонный характеръ“ (см. выше), но и въ томъ — и тутъ лишь начинается соціальдемократія! — чтобы между революціонной организаціей и массовымъ движеніемъ накоплять элементы *пролетарской партіи.* Въ стремленіи, отражающемъ „элементарный историческій процессъ“, для котораго не существуетъ черты еврейской осѣдлости, — въ стремленіи свести соціальдемократію къ боевой организаціи, придающей извнѣ революціонный характеръ движенію массъ, и выражается тотъ „политическій радикализмъ“, о которомъ *послѣдній* № „Вѣстника Бунда“ съ такой увѣренностью говоритъ, какъ объ идейномъ содержаніи всей старой „Искры“.

Допустимъ даже, что авторъ справедливъ въ своей несправедливой характеристикѣ „Искры“. Но чѣмъ же объяснить, что ни одинъ изъ членовъ делегаціи Бунда — не состоялъ ли въ ней авторъ статьи? — не обмолвился ни словомъ о томъ, что „Искра“, которую эта делегація выбирала своимъ Ц. Оргаганомъ, „въ идейной области проповѣдывала политическій радикализмъ подъ соціалистическимъ соусомъ“. Это обвиненіе стало психологически возможнымъ для автора изъ „Вѣстника Бунда“ лишь *послѣ* той критической работы, которая совершена въ нашей Партіи со времени ея второго съѣзда. Опираясь на эту критику въ цѣляхъ несообразно пристрастной оцѣнки старой „Искры“, „Вѣстникъ Бунда“ въ то же время презрительно третируетъ эксплуатируемыхъ имъ литераторовъ „меньшинства“, какъ сокровенныхъ „экономистовъ“.

Литераторы „Бунда“ побиваютъ насъ не только нашимъ оружіемъ, которое они хватаютъ за острый конецъ, поворачивая къ намъ рукоятью, — нѣтъ, они прибѣгаютъ иной разъ къ самостоятельному матеріалистическому анализу, пытаясь, напримѣръ, изъ нашего „политическаго радикализма“ вывести наше нетерпимое отношеніе къ „Бунду“, какъ къ „единственному представителю еврейскаго пролетаріата“. При помощи довольно натянутыхъ комбинацій доказывается, что въ нашей политикѣ всеопредѣляющимъ моментомъ является завоеваніе политической свободы, что ядромъ революціи для насъ является русскій пролетаріатъ, — вслѣдствіе чего, мы стараемся искусственно стянуть къ нему *всѣ силы*, не давая простору организаціямъ пролетаріата другихъ національностей.

Эта аргументація была бы, пожалуй, довольно прилична на первый взглядъ, еслибы она не вступала въ драматическую коллизію съ фактами. Мы знаемъ, что федеративный строй Партіи кажется тт. изъ Бунда идеальнымъ, разумѣется, съ точки зрѣнія интересовъ пролетарскаго развитія. Мы знаемъ, съ другой стороны, что тт. изъ Бунда считаютъ, вмѣстѣ съ нами и вслѣдъ за нами, „соціалистовъ-революціонеровъ“ самыми несомнѣнными представителями вульгарнаго политическаго радикализма. Пусть же они сопоставятъ съ этимъ тотъ фактъ, что „соціалисты-революціонеры“ открываютъ свои сердца и простираютъ свои руки всѣмъ „націямъ“, съ территоріей и безъ территоріи, съ „языкомъ“ и безъ „языка“, что они одобряютъ и обѣщаютъ всѣ федераціи — и государственно-правовыя и партійно организаціонныя, — почему? именно потому, что для нихъ вопросъ *систематической концентраціи всѣхъ силъ пролетаріата*, во имя его соціальной эмансипаціи, совершенно отступаетъ предъ вопросомъ *механическаго сочетанія всѣхъ силъ оппозиціи и революціи* во имя политическаго освобожденія Россіи.

Но въ области матеріалистическаго анализа теоретики Бунда не у себя дома, — не столько потому, что они вообще плохіе теоретики, сколько потому, что они теоретики-*апологеты* внутренне-противорѣчивой позиціи Бунда. И они очень охотно покидаютъ оружіе матеріалистическихъ объясненій для оружія націоналистическихъ обвиненій.

Въ своей прокламаціи, изданной по поводу выступленія Бунда изъ Партіи, Ц. К. Бунда восклицаетъ: „И, признавая въ теоріи право націи на самоопредѣленіе, *именно еврейскому* пролетаріату отказываютъ въ элементарнѣйшемъ правѣ, — въ правѣ на самостоятельную организацію!“ („Посл. Изв.“, № 162, курс. мой). Этотъ мотивъ повторяется всюду, — въ прокламаціяхъ, въ теоретической полемикѣ и въ популярныхъ статьяхъ. Разсчетъ ясенъ и простъ: въ такомъ свѣтѣ поведеніе Партіи, признающей *вообще* право націи на самоопредѣленіе, но отказывающей въ этомъ правѣ спеціально *еврейскому* пролетаріату, должно оскорбить элементарное чувство справедливости. Разумѣется, это будетъ „чувство“, ни мало не просвѣтленное соціалистическимъ сознаніемъ. Ибо при сколько нибудь вдумчивомъ отношеніи легко понять, что приведенное обвиненіе противъ Партіи есть политическая нелѣпость. Конечно, мы признаемъ право каждой націи на самоопредѣленіе, какъ мы признаемъ свободу слова, печати, собраній и союзовъ, — но значитъ ли это, что каждое „слово“ можетъ быть терпимо въ рамкахъ нашей Партіи? Значитъ ли это, что каждому „союзу“ она раскроетъ свои двери? Если бы она продѣлала это послѣдовательно до конца, она бы перестала быть *партіей*, слившись съ *государствомъ*.

Мы признаемъ право каждой націи на самоопредѣленіе, т. е. на самостоятельное опредѣленіе своей *политической* судьбы. Это значитъ, что *демократическая конституція*, которой мы добиваемся, должна гарантировать не только независимость національнаго мнѣнія, но и свободную реализацію національной воли. Право на національное самоопредѣленіе означаетъ, напримѣръ, свободу для еврея-пролетарія бороться за осуществленіе идеаловъ сіонизма. Эту свободу должно ему гарантировать демократическое государство, — и мы не устанемъ требовать отъ послѣдняго такихъ гарантій. Но въ нашей партіи не можетъ быть, разумѣется, мѣста организація *сіонистовъ*, хотя бы еврейскій пролетаріатъ въ союзѣ съ еврейской буржуазіей и опредѣлилъ, временно, разумѣется, свою „національную“ волю въ сторону сіонизма.

Мы, соціальдемократы, признаемъ право каждой *націи* на самоопредѣленіе, мы обязываемъ себя этимъ рѣшительно выступать противъ всякаго государственнаго давленія на національную волю, — но это не значитъ, что мы лишаемъ себя права бороться за соціалистическое, а не иное самоопредѣленіе *пролетаріата* каждой націи, это не значитъ, что мы не смѣемъ черезъ пролетаріатъ данной націи опредѣленнымъ образомъ воздѣйствовать на ея самоопредѣленіе.

Но какое отношеніе, вообще, имѣетъ вопросъ о правѣ *націи* на политическую самостоятельность къ вопросу о формѣ *пролетарской* организаціи? Теоретики Бунда были бы логичнѣе, еслибъ сказали: Россійская Соціальдемократія признаетъ свободу *всякихъ* союзовъ и *всякихъ* организацій, а, между тѣмъ, на практикѣ… и прочее. Разумѣется, мы отвѣтили бы имъ: федеративныя организаціи должны пользоваться такой же защитой демократическаго государства, какъ и всякія иныя, — но въ рамкахъ этого государства мы, соціалисты, должны бороться противъ федералистскихъ и національно-сепаратистскихъ тенденцій въ партіи пролетаріата.

Это азбучныя истины. Но литература „Бунда“ становится съ ними въ нагляднѣйшее противорѣчіе, чтобы конструировать фиктивное противорѣчіе между словомъ и дѣломъ нашей Партіи. Недешевой цѣной — искаженій, недомолвокъ и двусмысленностей — покупаются резолюціи рабочихъ собраній, одобряющія выступленіе Бунда изъ Партіи. Подобно тому, какъ Польская якобы — Соціалистическая Партія можетъ поддерживать свой престижъ въ глазахъ польскихъ рабочихъ лишь систематическимъ замалчиваніемъ или сознательнымъ преуменьшеніемъ успѣховъ русскаго революціоннаго движенія, точно такъ же и Бундъ, порвавшій организаціонныя узы между еврейскимъ и русскимъ сознательнымъ пролетаріатомъ, вынужденъ самыми „героическими“ доводами отстаивать свою сепаратистскую позицію въ глазахъ имъ же пробужденнаго къ сознанію еврейскаго пролетаріата. „Русская соціальдемократія, — жалуется новый популярный органъ Бунда на жаргонѣ, — которая признаетъ въ своей программѣ за каждой націей право на самоопредѣленіе, не хочетъ дать еврейскому пролетаріату элементарнѣйшее право имѣть собственную организацію.“ Почему? Потому что она не согласна признать вмѣстѣ съ „Бундомъ“, что „евреи *такая же* (sic) нація, какъ и всѣ остальныя націи“. „Евреи, — на взглядъ нашей Партіи, — *„чужіе“ въ странѣ, гдѣ они живутъ*, евреи не имѣютъ собственнаго „отечества“ и поэтому, они — не нація. Но это слова антисемитовъ и сіонистовъ, восклицаетъ газета, которые до мозга костей проникнуты буржуазными идеями „собственности“ на почвѣ грабежа и насилія. Если бы наши пра-прадѣды пришли въ эти мѣстности, какъ когда то пришли евреи въ Палестину, съ оружіемъ въ рукахъ, опустошили бы всю страну, перебили бы всѣхъ жителей и поселились бы на ихъ мѣстѣ, тогда это значило бы, что это земля ихъ „собственная“, ихъ „отечество“; если же наши предки пришли сюда, какъ мирные граждане, и сообща съ окрестными народами въ теченіе 1000 лѣтъ способствовали культурному развитію страны, бросивъ ее своимъ потомъ, напитавъ ее своею кровью и устлавъ ее своими костями, — *„евреи тутъ все же „не у себя дома“, все „чужіе“* … Можемъ ли мы, пролетаріи, спрашиваетъ газета, стоять на такой точкѣ зрѣнія?“

Комментировать эту недостойную цитату не нужно. Ее достаточно привести. Самое большее, что можно сдѣлать, это поставить рядомъ съ нею цитату изъ брошюры сіонистовъ „Возрожденія“.

„… Соціалистическія партіи, говоритъ эта брошюра, несмотря на теоретически-признанное ими положеніе о правѣ каждой націи на самоопредѣленіе, въ практической своей дѣятельности обыкновенно отступаютъ отъ него и разными софизмами оправдываютъ свою измѣну гуманному принципу національной свободы“… Такъ, въ отвѣтъ армянскимъ федералистамъ, *„Искра“* не преминула выступить съ поученіемъ, что не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію“ (Отчетъ конференціи „Возрожденія“, стр. 29).

Соціалистовъ „господствующихъ націй“ отличаютъ такія воззрѣнія:

„1. Не существуетъ еврейской націи.

„2. Евреи не имѣютъ права стремиться къ національной самодѣятельности.

„3. Утилитарный взглядъ на евреевъ, какъ на средство для тѣхъ народностей, среди которыхъ они живутъ“ (по „В. Б.“: стремленіе эксплуатировать еврейскій пролетаріатъ въ интересахъ политическаго радикализма).

И какъ бы для того, чтобы превратить сходство въ тождество, конференція „Возрожденія“ объясняетъ воззрѣнія соціалистовъ господствующей націи „систематически-грубымъ (sic!) толкованіемъ историческаго матеріализма и *невѣрно понятымъ интернаціонализмомъ*“ стр. 45), точь въ точь какъ и Ц. К. Бунда, который давно ужъ вывелъ ошибки нашей Партіи „изъ неправильнаго пониманія сущности идей международнаго соціализма“, — изъ игнорированія того, что „международность не есть космополитизмъ“…

И если руководящіе элементы „Бунда“ не боятся сами смѣшаться съ „соціалистическими“ продуктами разложенія сіонизма, которые начинаютъ уже клясться „пролетарской точкой зрѣнія“, то гдѣ же гарантіи того, что еврейскій пролетаріатъ сумѣетъ разобраться между этими, пока еще конкуррирующими, сторонами?

Литераторы Бунда дѣлаютъ, съ своей стороны, все, чтобы затруднить пролетаріату такое различеніе. Съ гораздо большей ревностью, чѣмъ сіонисты, они сѣютъ недовѣріе къ россійской соціальдемократіи въ рядахъ еврейскихъ рабочихъ, — и для того, чтобы успѣшнѣе идти по этому пути, они все рѣшительнѣе, вопреки своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ, переносятъ разногласія между Бундомъ и Партіей въ сферу сознательной спекуляціи на болѣзненное чувство угнетеннаго еврея. Они формулируютъ отношеніе Партіи къ Бунду съ явнымъ разсчетомъ на то, чтобы въ сознаніи пролетарія-еврея ихъ двусмысленная формулировка наполнилась глухимъ чувствомъ національной обиды.

Они говорятъ ему: Ты видишь эту партію, которая хочетъ быть твоей партіей? Не вѣрь ей! Она не признаетъ тебя своимъ равноправнымъ членомъ! Она считаетъ тебя чужакомъ на той землѣ, которая носитъ тебя! Угнетенный и придавленный рукою хищника хозяина, истерзанный и заушенный рукою полицейскаго государства, ты, несчастный парій, и въ русскомъ соціальдемократѣ встрѣчаешь не равнаго по оружію собрата, но члена господствующей націи, если не политическаго эксплуататора.

Путемъ систематической пропаганды такого рода Бундъ распространяетъ идею международной классовой солидарности пролетаріата, во имя которой онъ, надо думать, недавно посылалъ свою делегацію на Амстердамскій конгрессъ.

крывать Америки. — на каждой станціи, самой маленькой даже, по нѣсколько жандармовъ стоятъ, а, между тѣмъ, на глазахъ у всѣхъ совершаются такія кражи“. Лексиконъ мой былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы разъяснить благодушному нѣмцу, для чего, собственно, существуетъ у насъ такая масса полиціи и, въ частности, вокзальныхъ жандармовъ, да и вообще не хотѣлось смущать его мирную душу. „Спросите его, пожалуйста, — проситъ подсѣвшій къ намъ кадетикъ класса изъ четвертаго, ярый патріотъ, — видѣлъ онъ японскихъ солдатъ, какъ онъ ихъ находитъ сравнительно съ русскими? — Нѣмецъ высказываетъ давно уже извѣстныя всему свѣту истины: японецъ развитѣе, умнѣе, ловчѣе русскаго солдата. Начальство, офицеры заботятся о солдатахъ больше, аммуниція ихъ легче и удобнѣй русской и т. д., и т. д. Кадетикъ недоволенъ. „Ну, да, конечно, японецъ словно куколка наряженъ, — резюмируетъ онъ, — да и какъ нѣмцу не хвалить японцевъ, когда они по нѣмецкой системѣ обучены“. Военное сердце кадета оскорблено. Интересно, какъ будутъ теперь этимъ будущимъ офицерамъ объяснять наши печальныя пораженія, наше бѣгство передъ „японскими куколками“.

⁂

Поѣздъ съ солидной неторопливостью уноситъ насъ все дальше и дальше. Вотъ перевалили черезъ Уралъ. Начинаешь дышать полною грудью. Военныхъ поѣздовъ встрѣчается словно меньше, зато у большихъ городовъ раскинуты громадные лагери ожидающихъ своей очереди запасныхъ. Около Тамбова выросъ словно еще городъ изъ безчисленныхъ бѣлыхъ палатокъ. На дняхъ отсюда отправляется 16 тысячъ войска на Дальній Востокъ на… убой.

Въ вагонъ садятся нѣсколько молодыхъ крестьянокъ, ихъ провожаютъ солдаты въ желтыхъ рубахахъ и фуражкахъ. У тѣхъ и другихъ на глазахъ слезы. Второй звонокъ. „Ну, прощайте, голубушки!“. Поѣздъ тронулся. Женщины плачутъ тяжелыми, беззвучными слезами. „Мужьевъ проводили, бѣдненькія, — замѣчаетъ кто-то въ вагонѣ. — У насъ эдакъ-то одинъ запасный. Объявили мобилизацію, а у него жена родами померла. Пятерыхъ на рукахъ оставила. Онъ словно помѣшался совсѣмъ; куда, говоритъ, я дѣтей-то дѣну. Стали ихъ отправлять, въ поѣздъ сажать; онъ за часъ у офицера домой отпросился. „Вернусь, говоритъ, непремѣнно, вотъ вамъ истинный Господь“. И вѣрно, что вернулся, да такой веселый будто. „Теперь, говоритъ офицеру, мнѣ все равно, хоть на войну, хоть на каторгу, спокоенъ я“. А это онъ ребятишекъ-то всѣхъ и перерѣзалъ на прощанье. „Все равно, говоритъ, съ голоду помрете“. Всѣ какъ-то замолкли, подавленные страшно простымъ разсказомъ… „Господи, какую массу горя принесла эта ужасная война, — тяжело вздохнула какая-то дама рядомъ со мной, — и зачѣмъ она?“. Всѣ молча согласились съ ней, и вагонъ словно вздохнулъ весь подъ тяжестью этого горя.

И.

ПОДГОТОВКА МАНДЖУРСКАГО РАЗГРОМА.

Пораженіе подъ Ляояномъ и безпорядочное отступленіе Куропаткина на сѣверъ, которое можно сравнить развѣ съ разгромомъ наполеоновской арміи въ 1812 г., повидимому, окончательно опредѣлили исходъ кампаніи этого года. Японцы утвердятся въ южной Манджуріи, возьмутъ Портъ-Артуръ — его близкаго паденія теперь не отрицаетъ никто даже въ русскихъ оффиціальныхъ кругахъ, — можетъ быть, осадятъ Владивостокъ. Куропаткинъ ретируется въ Харбинъ и будетъ тамъ понемножку собирать громадную армію. Такимъ образомъ до слѣдующей весны, когда начнется новая кампанія, вѣроятно, никакихъ особенно крупныхъ событій не произойдетъ, если только японцы не умудрятся сыграть и зимой съ нашей арміей какую-нибудь скверную штуку — вѣдь, не помѣшалъ же имъ бить Куропаткина періодъ дождей, когда, по единогласному утвержденію газетъ, „всѣ операціи должны были неминуемо прекратиться“. Во всякомъ случаѣ, цѣлый періодъ войны фактически закончился (формально онъ закончится взятіемъ Портъ-Артура), и не мѣшаетъ теперь возвратиться къ вопросу о причинахъ, приведшихъ съ неумолимою неизбѣжностью къ полному и постыдному разгрому нашихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Незачѣмъ въ стотысячный разъ разъяснять, что первопричиной всего зла является самодержавный режимъ, — режимъ, при которомъ чиновникъ — военный или штатскій, это все равно — хочетъ и, главное, свободно можетъ искать въ службѣ только собственной выгоды, отнюдь не считаясь съ интересами „дѣла“, режимъ, при которомъ критеріемъ при раздачѣ мѣстъ являются не способности и опытъ, а умѣніе угождать начальствующимъ лицамъ, режимъ, при которомъ народныя деньги являются достояніемъ чиновной шайки, безконтрольно наполняющей ими свои карманы и карманы присосавшихся къ „пирогу“ рыцарей первоначальнаго и дальнѣйшаго накопленія, режимъ, при которомъ немыслимъ даже техническій прогрессъ, а всецѣло господствуетъ рутина, наконецъ, режимъ, основанный на невѣжествѣ и неразвитости народа, а, слѣдовательно, и всей массы войска, которое есть плоть отъ плоти этого народа. Все это давно извѣстно каждому мыслящему гражданину нашей родины, и настоящая война дала только богатый матеріалъ для разъясненія этой истины новымъ обширнымъ кругамъ населенія. Не вдаваясь, поэтому, въ общія разсужденія, мы приведемъ рядъ фактовъ и картинокъ, ясно показывающихъ, что за люди распоряжаются жизнью тысячъ русскихъ пролетаріевъ и крестьянъ на Дальнемъ Востокѣ.

Вотъ что очевидецъ, житель Портъ-Артура, говоритъ о порядкахъ, царившихъ въ тихо-океанскомъ флотѣ передъ войной. „Война показала полное незнаніе дѣла, неумѣніе обращаться съ аппаратами, снарядами, минами и т. п.“ Некогда было морякамъ думать о практикѣ и ученіи. Все время ихъ было занято сплошнымъ кутежомъ, карточной игрой и грандіозными скандалами, зачастую сопровождавшимися преступленіями. „Бѣшеные“ оклады — простой мичманъ получалъ до 400 руб. въ мѣсяцъ — и полнѣйшая безнаказанность давали полный просторъ развернуться „широкой русской натурѣ“. Когда эскадра приходила въ какой-нибудь портъ — коммерсанты, рестораторы и содержатели притоновъ ликовали, ибо деньги лились рѣкой, обыватели же, особенно женщины, должны были трепетать. Все сходило съ рукъ: во Владивостокѣ мичманъ держалъ пари, что пойдетъ изъ ресторана въ первый попавшійся меблированный домъ и обезчеститъ первую попавшуюся женщину. Пари было имъ выиграно. Потерпѣвшая оказалось женой сухопутнаго офицера и сумѣла добраться до адмирала. Но адмиралъ… приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дама „простила молодому человѣку его „шалость“, и дѣло было замято. Крайняя мѣра, предпринимавшаяся начальствомъ противъ безшабашности гг. защитниковъ отечества, заключалась въ переводѣ эскадры въ другой портъ, когда ея пребываніе становилось уже невтерпежъ обывателямъ. Тамъ, понятно, начиналась сызнова та же исторія. Денегъ на такую жизнь часто не хватало, а подъ руками была спасительница-казна; молодежи часто приходилось расплачиваться пулей въ лобъ, чины же постарше облаживали грѣшки по домашнему.

Въ морскомъ вѣдомствѣ, подъ покровительствомъ августѣйшаго адмирала, идетъ крупное и беззастѣнчивое воровство; благодаря этому, всѣ суда имѣютъ крупные изъяны и, только что спущенные на воду, требуютъ капитальнаго ремонта. На востокѣ грабежъ происходитъ, понятно, въ еще болѣе безстыдныхъ формахъ — ужъ тамъ-то никакое око не увидитъ. Представленіе объ этихъ порядкахъ можетъ дать исторія извѣстнаго на Дальнемъ Востокѣ коммерсанта — М. Гинзбурга. У всѣхъ моряковъ еще въ памяти тщедушный, обтрепанный „Мошка“, обдѣлывавшій разныя дѣлишки господамъ офицерамъ во время стоянокъ судовъ въ Нагасакахъ. Теперь — это милліонеръ, коммерціи совѣтникъ, имѣющій два русскихъ ордена; самъ августѣйшій адмиралъ при поѣздкахъ его въ Петербургъ пожимаетъ ему руку. Вотъ какъ наживаетъ капиталы этотъ „отецъ тихоокеанскаго флота“. Когда эскадра отправляется въ плаваніе по восточнымъ портамъ, изъ конторы Гинзбурга офицерамъ выдаются чековыя книжки. Чеки его всюду ходятъ, какъ деньги, и ими моряки оплачиваютъ всѣ свои кутежи, всѣ свои безумные расходы: Гинзбургъ же впослѣдствіи разсчитывается по нимъ. Такъ какъ гг. офицеры тратятъ гораздо больше чѣмъ получаютъ, то, понятно, значительная часть долговъ по чекамъ за ними пропадаетъ; но г. Гинзбургъ не остается въ накладѣ: какъ не посодѣйствовать такому милому человѣку въ полученіи подрядовъ на флотъ? И Гинзбургъ получаетъ подряды на условіяхъ, какія онъ самъ пожелаетъ установить.

Если бы этотъ „благодѣтель“ захотѣлъ предать гласности свои дѣла съ морскимъ вѣдомствомъ, то получилась бы интересная „лѣтопись русскаго флота“, и стало бы вполнѣ понятно, почему „славный, гордый и могущественный флотъ“, на который затрачены сотни милліоновъ народныхъ денегъ, въ минуту испытанія оказался жалкимъ и безсильнымъ[1].

Въ сухопутной арміи господствуютъ такіе же порядки. Съ нескрываемымъ ужасомъ добродѣтельный нѣмецъ, корреспондентъ вѣнской буржуазной газеты „Zeit“, повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкій ротмистръ, представитель стариннаго графскаго рода, жаловался ему на то, что съ перечисленіемъ изъ гвардіи въ пограничную стражу, онъ, вмѣсто 23 коп., сталъ „зарабатывать“ по 14 коп. въ сутки съ каждой лошади своего эскадрона. Насъ, россіянъ, этимъ не удивишь, — мы видывали вещи и похуже, — и мы вполнѣ были, поэтому, подготовлены къ разгрому русскихъ войскъ, тогда какъ западно-европейскіе буржуа, питавшіе какой то мистическій страхъ передъ арміей восточнаго самодержца, до сихъ поръ не могутъ придти въ себя отъ удивленія, что эта грозная сила на повѣрку оказалась насквозь прогнившей постройкой, разсыпающейся отъ первыхъ же основательныхъ ударовъ. Теперь только корреспонденты европейскихъ газетъ начинаютъ открывать глаза своимъ соотечественникамъ, теперь только они узнаютъ, что „вошедшая въ пословицу азіатская продажность русскаго чиновничества распространяется и на весь офицерскій корпусъ и пустила такіе глубокіе корни, что казнокрадство приняло видъ системы, терпимой и даже отчасти регулируемой всѣми высшими чинами“[2]. Теперь только оказывается, что „самое колоссальное невѣжество“ отличаетъ все русское офицерство, что „движеніе по службѣ обусловливается протекціей, создающей 30-лѣтнихъ подполковниковъ генеральнаго штаба, наряду съ значительно превосходящими ихъ по своимъ военнымъ познаніямъ 45-лѣтними поручиками линейныхъ войскъ, сыновьями неимущихъ мелкихъ дворянъ“. „Я никакъ не могъ понять, говоритъ тотъ же корреспондентъ, несмотря на мои интимныя отношенія къ нѣсколькимъ штабнымъ, чему собственно они учатся или должны учиться въ Генеральномъ Штабѣ". И послѣдній выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ своихъ наблюденій надъ русскимъ офицерствомъ: „ни въ одной арміи міра — за исключеніемъ турецкой — доносъ и шпіонство за товарищами не играютъ такой роли въ карьерѣ, какъ здѣсь".

---

[1] Въ свое время, въ началѣ войны, корреспондентъ „Русск. Вѣдомостей“ сообщалъ свои бесѣды съ этимъ самымъ Гинзбургомъ, бѣжавшимъ изъ Портъ-Артура. Гинзбургъ объяснялъ свое бѣгство предусмотрительнымъ соображеніемъ, что, если онъ попадется въ плѣнъ японцамъ, они его повѣсятъ.

[2] „Die Zeit“ № 677.

О томъ, какъ начальство обкрадываетъ солдата, какъ мало позаботились о томъ, чтобы онъ имѣлъ хоть самое необходимое на войнѣ, не говоря уже объ удобствахъ, о томъ, какъ возмутительно организована была медицинская помощь, не разъ говорилось уже не только въ нелегальной печати, но даже кое-что проскользнуло и въ подневольную прессу. Приведемъ еще отрывокъ изъ письма врача: ...„Пріѣхалъ помогать раненымъ. Да, гдѣ же помогать? Ничего не приготовлено. Медикаментовъ мало, матеріаловъ мало, пищи нѣтъ; не ожидали такого погрома, бараки строили на сто, а принимать приходится сотни... Вотъ теперь... Принесли 500 раненыхъ, а баракъ... О, господи, боже мой, развѣ же это баракъ? Со мной еще одинъ докторъ, молодой... Посмотрѣли другъ на друга — жутко, страшно... „Ну, чтожъ, говорю, давайте работать!" Наиболѣе тяжело раненыхъ помѣстили въ баракѣ; изорвали все бѣлье свое, у всѣхъ взяли, что было можно, кое какъ справились, а остальныхъ 400 разложили подъ небомъ. Дождь хлынулъ. Что дѣлать? Что дѣлать? Ночью умерло 117 человѣкъ... Да что же это будетъ?...

„Воровство идетъ ужасное. Солдаты плохо одѣты, плохо питаются... Не хватаетъ сѣделъ, уздечекъ, на эскадронъ три скребницы... Вотъ доставила фабрика Алафузовыхъ изъ Казани 4000 паръ сапогъ; черезъ недѣлю — негодны. Интендантство вздумало насѣсть на насъ: „не пріучили де сапогъ носить, какъ слѣдуетъ". Ну, да и мы не дураки, спуску имъ не даемъ; *хоть это все равно, — ничего не сдѣлаешь*..."

Изъ печатающагося у насъ письма солдата видно, что не обильное и безъ того снабженіе арміи одеждой и другими предметами необходимости еще ухудшается благодаря рутинѣ, до сихъ поръ мѣшающей отмѣнить дурацкій обычай, согласно которому солдатъ долженъ тащить на себѣ около $1^1/_2$ пудовъ разнаго скарба.

И вдобавокъ эта несчастная армія, состоящая изъ голодныхъ, неодѣтыхъ и забитыхъ солдатъ подъ командой невѣжественныхъ грабителей и мучителей офицеровъ, имѣетъ своими руководителями не менѣе невѣжественныхъ, безчестныхъ и безталанныхъ генераловъ. Китайскій походъ 1900 г. выдвинулъ разныхъ „героевъ" — Линевича, Штакельберга, Стесселя, Ренненкампфа и другихъ, — которые оказались только и годными для грабежа мирныхъ и беззащитныхъ китайцевъ, и сильными только противъ опереточной китайской арміи. Теперь всѣ эти господа занимаютъ самые видные посты въ дѣйствующей арміи[1]), и всѣмъ извѣстно, сколько бѣдъ они уже успѣли натворить. Вотъ что, напр., пишетъ офицеръ про одного изъ „вождей":

...„Раненые офицеры ругаютъ Штакельберга. Въ битвѣ при Вафангоу не была указана общая цѣль обороны, позиція не разбита на участки, не указанъ путь отступленія, и потому на позиціи былъ кавардакъ. Части столпились, не знали, что имъ дѣлать, глупые держали людей подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, выказывая „мужество", поумнѣе — отошли, но, отходя, перерѣзали другъ другу путь; а главное — полная неизвѣстность, что дѣлать, какъ и куда наступать, или отступать, упорно ли защищаться или нѣтъ. И таковы всѣ генералы"...

Оцѣнивъ всѣ эти данныя, нельзя не прійти къ тому заключенію, что подобная армія, столкнувшись съ противникомъ, представляющимъ во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность, неминуемо должна была быть разбита. Это понимали даже многіе „патріоты" и всѣ свои надежды они возлагали, поэтому, на то, во-первыхъ, что, въ концѣ концовъ, Россія возьметъ неистощимостью своего человѣческаго матеріала и, во-вторыхъ, что у Японіи не хватитъ денегъ. Что касается первой надежды, то она оказалась разбитой вслѣдствіе полной несостоятельности двухъ „перловъ нынѣшняго царствованія" — Сибирской и Манджурской дорогъ, которыя способны подвезти приблизительно такое количество солдатъ, какое за тотъ же срокъ выбываетъ изъ строя. Второй же разсчетъ — на финансовый крахъ Японіи — былъ основанъ на полномъ непониманіи характера международной буржуазіи, которая даетъ деньги тому, кто имѣетъ успѣхъ.

Итакъ, кампанія 1904 г. кончилась полнымъ крахомъ самодержавной военной организаціи. Въ 1905 г. патріоты надѣются взять реваншъ, согнавъ къ тому времени на бойню еще сотни и сотни тысячъ крестьянъ и пролетаріевъ. Не беремся предсказывать, оправдаются ли ихъ чаянія; мы знаемъ только, что за это время мы будемъ неустанно работать надъ пробужденіемъ и организаціей рабочихъ массъ и приложимъ всѣ усилія къ тому, чтобы эти массы потребовали возможно скорѣе прекращенія преступной авантюры. И мы знаемъ также, что чѣмъ дальше затянется война, чѣмъ больше трудовыхъ грошей она высосетъ изъ народа, чѣмъ больше сыновъ его будетъ принесено въ жертву кровожадному Молоху — тѣмъ страшнѣе будетъ расплата трудящагося люда со своимъ вѣковымъ угнетателемъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Самара 15-го іюля ст. ст. изъ Самары вышелъ на Дальній Востокъ Бугульминскій полкъ. Не доѣхавъ до Уфы, солдаты убили командира и выбросили изъ окна вагона фельдфебеля. Наказаній не послѣдовало.

До отправки тотъ же полкъ погнали изъ Самары верстъ за 40 на маневры при 35°—40° жары. Пройдя нѣсколько верстъ, отъ солнечнаго удара свалился одинъ солдатъ; командиръ, приставивъ къ нему часового, скомандовалъ „впередъ". Пройдя еще нѣсколько верстъ, снова случай солнечнаго удара и снова, приставивъ часового, команда „впередъ". Наконецъ третій случай удара, и солдаты на команду „впередъ" не сдвинулись съ мѣста. На угрозы командира спокойно отвѣтили тѣмъ-же и послѣ того, какъ командиръ ускакалъ въ городъ, они рѣшили возвратиться. Наказаній никакихъ.

По отзывамъ военныхъ врачей, отправляемыхъ на востокъ, ихъ снабжаютъ заржавленными инструментами и самымъ незначительнымъ количествомъ перевязочнаго матеріала. Жалованье выдается весьма неаккуратно и только послѣ неоднократныхъ заявленій. До сихъ поръ нѣкоторые врачи, участвовавшіе въ Китайской кампаніи, не получили всего слѣдуемаго жалованья и судятся съ военнымъ министерствомъ.

Изъ частнаго письма. „При посадкѣ войскъ въ Пензѣ случилось нѣсколько эпизодовъ, обрисовывающихъ нашихъ офицеровъ. Подполковникъ Оминъ встрѣтилъ солдатъ, не уступившихъ ему дороги и ударилъ одного изъ нихъ. Тотчасъ вступилась публика, а сами солдаты пошли въ аттаку на него и изрядно помяли ему бока, такъ что бѣдному подполковнику пришлось защищаться шашкой и едва унести ноги. Въ тотъ же день, когда садились на поѣздъ, подъѣхалъ поѣздъ съ фельдшерами. Какой-то офицеръ тоже за что-то ударилъ фельдшера; тогда они всѣ съ грубой руганью бросились на него и начали колотить; жандармскіе чины и коменданты скрылись, а офицеръ успѣлъ ускользнуть въ вокзалъ и запереть двери и тотчасъ же на извозчикѣ задалъ ходу въ городъ".

Описанные выше эпизоды не только характеризуютъ поведеніе офицеровъ, но, до извѣстной степени, свидѣтельствуетъ и о пробужденіи чувства собственнаго достоинства въ русскомъ солдатѣ. Изъ разныхъ источниковъ приходятъ свѣдѣнія, что солдату не такъ легко уже сѣсть на шею, какъ это было прежде.

Ростовъ н/Д. Послѣ того, какъ толки о пріѣздѣ въ наши края Ники-Милуши провожать на войну донскихъ казаковъ затихли было, послѣднее время обыватель снова занялся пересудами на тему: „не побоится ли пріѣхать, когда именно пріѣдетъ" и т. д. Общее мнѣніе таково, что „долженъ пріѣхать", чтобы умилостивить казаковъ, высказавшихъ недовольство въ инцидентѣ со 100 руб. Какъ вамъ извѣстно уже изъ легальныхъ газетъ, казакамъ, отправляющимся теперь на войну, было назначено пособіе по 100 руб. каждому. Мѣстная администрація распорядилась зачесть пособіе въ счетъ недоимокъ и выдать на руки лишь остатки, за покрытіемъ этихъ послѣднихъ. Въ такомъ распоряженіи было много усердія, но не было разумности. Былыя времена, когда казачество въ массѣ могло безъ особыхъ тяготъ и, во всякомъ случаѣ, безъ риска въ конецъ подорвать свое хозяйство, выставлять для мобилизаціи своихъ сыновъ во всеоружіи, давно миновали. Экономическое положеніе массы донскихъ казаковъ въ настоящее время таково, что обычныя даже снаряженія сыновъ для отбыванія воинской повинности становятся непосильными, сплошь и рядомъ подрывая хозяйство настолько, что оно уже послѣ не оправляется.

Назначеніе пособій и являлось, въ сущности, оффиціальнымъ констатированіемъ разоренности казаковъ. Правда, при этомъ имѣлось въ виду не столько поддержаніе хозяйствъ, — такъ какъ затраты на снаряженіе далеко превышаютъ 100 руб. — сколько патріотическій подкупъ. Такъ именно и посмотрѣла на дѣло мѣстная администрація, рѣшивъ, что моральное значеніе подкупа не мѣняется отъ того, будутъ ли деньги выданы на руки или зачтены за недоимки. Не совсѣмъ такъ отнеслись казаки. Говорятъ, что одинъ казачій офицеръ (теперь сидящій, якобы, въ тюрьмѣ) обратился къ казакамъ съ рѣчью въ томъ духѣ, что администрація не имѣетъ права дѣлать вычеты изъ пособій[1]). Такъ это или нѣтъ (мы не имѣемъ возможности провѣрить молву), только недовольство казаковъ мѣрой администраціи настолько стало пробиваться наружу, что понадобились совѣщанія и даже запугиванія военной силой. Одинъ рабочій, бывшій свидѣтелемъ проявленія недовольства, передавалъ, что казаки на запугиванія военной силой отвѣчали: „это мы были дураки, что стрѣляли въ рабочихъ. Солдаты не станутъ въ насъ стрѣлять"... Разыгрывался крупный скандалъ, конецъ которому поспѣшили положить распоряженіемъ о выдачѣ пособій на руки полностью. Въ періодъ недовольства въ мѣстахъ сбора запасныхъ казаковъ, было распространено Донскимъ Комитетомъ 1000 шт. прокламацій: „Къ запаснымъ рядовымъ".

Новочеркасскъ. На дняхъ у насъ въ Новочеркасскѣ имѣлъ мѣсто довольно интересный арестъ. Арестовали офицера Лейбъ-Гвардіи казачьяго полка Миронова за рѣчь къ войскамъ, отправляющимся на Дальній Востокъ, и за раздачу имъ книжекъ, по одной версіи, прокламацій — по другой. За городской рощей собрался 24-й полкъ и стоялъ тамъ лагеремъ, ожидая выступленія; и вотъ среди этого-то полка, какъ передаютъ, Мироновъ въ теченіе двухъ дней доказывалъ казакамъ вредъ войны. Содержанія рѣчи и книжекъ пока не знаю. Говорятъ, что съ нимъ арестовали одну дѣвицу. За достовѣрность послѣдняго ареста не ручаюсь.

Погромъ въ Смѣлѣ (Кіевск. губ.). Какъ уже, вѣроятно, Вамъ извѣстно, въ Смѣлѣ вспыхнулъ неожиданный погромъ. Ни о подпольной агитаціи въ пользу погрома, ни разговоровъ о немъ, какъ, напримѣръ, въ Кишиневѣ, ничего заранѣе не слышно было. Начался онъ совершенно неожиданно и сразу же принялъ грандіозные размѣры. Уже за нѣсколько станцій до Смѣлы на вокзалахъ, преимущественно въ III-мъ классѣ, мнѣ встрѣтились бѣглецы изъ Смѣлы, — жертвы погрома. Достаточно было только посмотрѣть на ихъ лица, чтобы сразу понять весь ужасъ ихъ положенія. Тутъ были и женщины съ грудными дѣтьми, и старики, еле умѣющіе самостоятельно передвигаться, и молодыя дѣвушки, и зажиточные купцы. У нихъ на лицахъ была печать глубокой растерянности и отчаянія; безпросвѣтнымъ пессимизмомъ сквозило каждое ихъ слово; тяжелое страданіе чуялось въ каждомъ ихъ вздохѣ. На вопросы они отвѣчали крайне неохотно, какъ будто окружающіе только изъ любопытства допытывались подробностей погрома. Толпа сочувствующихъ любопытныхъ окружала бѣглецовъ, и тутъ пришлось выслушивать душераздирающія вещи. Одна мать, еле сдерживая рыданія, разсказывала, какъ чуть было не задушила собственнаго ребенка, который не унимался отъ плача на чердакѣ, куда она съ нимъ спряталась; другая разсказывала о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытала ея беременная дочь. И такъ всю ночь разсказывалось объ ужасахъ, испытанныхъ населеніемъ въ этотъ злосчастный день. Подробностей отъ нихъ никакъ нельзя было добиться. Только лишь на утро, когда мнѣ удалось пріѣхать въ Смѣлу, я узналъ слѣдующее: погромъ начался совершенно случайно, о какихъ бы то ни было подготовленіяхъ къ нему никто не слыхалъ. Началось со слѣдующаго: одна деревенская баба зашла къ еврейкѣ купить товару и не хотѣла уплатить; ее избили. По городу тогда распространился слухъ, что эта женщина убита евреями. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы на призывъ: „бей жидовъ!" откликнулись всѣ мѣстные и пріѣзжіе крестьяне. Стали грабить лавки и дома. Цѣлыми шайками ходили громилы по улицамъ, разоряя рѣшительно все до тла. Съ поразительной жестокостью они уничтожали даже имущество самыхъ бѣдныхъ слоевъ населенія. Грабили не только крестьяне, грабили также и имущіе классы; нѣкоторые изъ главныхъ служащихъ сахарнаго завода цѣлыми биндюгами привозили къ себѣ домой награбленные товары; мѣстный священникъ явно поощрялъ громилъ. Людей, однако, громилы не затрагивали. Погромъ начался въ воскресенье въ 12 час. дня и продолжался до ночи. Къ утру нѣкоторые изъ евреевъ рѣшили устроить самооборону. Вѣсть о погромѣ быстро распространилась по окрестностямъ, и изъ Черкассъ человѣкъ 40 молодежи (мужчинъ и женщинъ) поспѣшили на помощь евреямъ, захвативъ съ собою оружіе (то были исключительно экстерны). Въ Смѣлѣ тоже нашлось человѣкъ 45, которые присоединились къ этимъ 40. Такимъ образомъ, составилась оборона изъ 85 чел., конечно, почти невооруженная. Несмотря, однако, на такую малочисленность обороны, она заняла въѣздъ въ главную Владимірскую улицу и отстояла ее до 9 час. утра, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпустила послѣднюю пулю. Количество нападавшихъ громилъ достигало до 1000 человѣкъ. Таково дѣйствіе отпора! Въ 9 час. толпа ворвалась въ городъ и продолжала безчинствовать. Только къ 12 часамъ въ понедѣльникъ прибылъ губернаторъ съ войскомъ. Губернаторъ сейчасъ же далъ приказаніе... евреямъ разойтись по домамъ и, какъ говорятъ, составилъ протоколъ о сопротивленіи громиламъ. Толпа, увидя войско, разбѣжалась, и не удалось даже на мѣстѣ арестовать ни одного изъ громилъ. Теперь арестовываются тѣ, у кого находятъ товары.

Относительно участія въ погромѣ рабочихъ сахарнаго завода точныхъ свѣдѣній, несмотря на всѣ мои старанія и на весь мой интересъ именно къ этому вопросу, мнѣ не удалось установить. Иные говорили, что рабочіе принимали такое же участіе, какъ и крестьяне, другіе же, наоборотъ, говорили, что рабочіе и пальцемъ не дотронулись до грабежа. Подтверждали они это положеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ понедѣльникъ утромъ рабочіе ходили на работу, проходя мимо разрушаемыхъ магазиновъ и ничего не трогали. Болѣе данныхъ есть за то, что рабочіе не принимали въ погромѣ участія. Смѣла теперь представляетъ вполнѣ разрушенный городъ. Все населеніе до крайности обѣднѣло, не имѣя даже откуда ждать помощи. Только четыре магазина остались въ Смѣлѣ нетронутыми! Долженъ упомянуть еще объ одномъ, очень важномъ обстоятельствѣ: на Ковалевкѣ (незначительная часть города), гдѣ евреи оказывали сопротивленіе, — погрома не было. Таковы уроки жизни. Передъ еврейскимъ населеніемъ во всей своей величинѣ снова встаетъ „погромный" вопросъ, а оно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть, что только въ организованности массоваго сопротивленія лежитъ его разгадка.

Членъ Елисаветградской соц.-дем. организаціи.

Кутаисъ. 6 іюля сего года изъ м. Чіатуры шесть стражниковъ конвоировало въ Кутаисскую губернскую тюрьму пятерыхъ арестантовъ, изъ которыхъ четверо были политическіе. На углу Тифлисской и Ольденбургской улицъ было произведено вооруженное нападеніе на конвой. Въ исторіи революціоннаго движенія подобные факты встрѣчаются довольно рѣдко. Причиною нападенія было слѣдующее обстоятельство: въ м. Чіатуры вначалѣ іюля были арестованы на собраніи, по указанію одного изъ шпіоновъ, четверо пропагандистовъ. Между ними былъ одинъ изъ лучшихъ агитаторовъ на Кавказѣ, который принималъ участіе въ разныхъ мѣстахъ въ организаціи стачекъ и демонстрацій и укрывался четыре года отъ отбыванія воинской повинности. Благодаря всему этому, полиція давно его разыскивала и онъ проживалъ нелегально, обративъ все свое вниманіе на районъ Кутаис. Ком. На допросѣ послѣ поимки въ Чіатурахъ онъ назвалъ себя Сихарулидзе и представилъ фальшивый паспортъ. Полиція не могла себѣ представить, кого она захватила и подъ легкимъ конвоемъ (шесть стражниковъ на пять человѣкъ), отправила въ Кутаисъ. Среди чіатурскихъ рабочихъ онъ пользовался популярностью и, узнавъ объ его захватѣ, рабочіе очень опечалились. Особенно опечалила его поимка одного изъ близкихъ товарищей крестьянина, Прокопія Лежава, который, зная, что его ожидаетъ тяжелое наказаніе съ неизбѣжнымъ установленіемъ личности, рѣшился, во что бы то ни стало, освободить его изъ рукъ полиціи. Свое намѣреніе сообщилъ онъ Кутаисскому Комитету, который началъ отговаривать Лежава отъ этого поступка, могущаго кончиться для него печально. Комитетъ, когда увидѣлъ его непреклонную рѣшимость, только тогда далъ свое согласіе и вотъ въ іюлѣ, когда ихъ вели въ тюрьму съ желѣзнодорожнаго вокзала, покойный Лежава, давно поджидавшій моментъ, бросился на конвой стражниковъ, предварительно выстрѣливъ въ воздухъ (комитетъ рѣшилъ избѣгать, по возможности, пролитія крови, надѣясь на то, что выстрѣлъ произведетъ замѣшательство въ конвоѣ, чѣмъ воспользуется названный политическій товарищъ Сихарулидзе, чтобы освободиться отъ башибузуковъ: ему заранѣе дано было знать о желаніи его товарища освободить посредствомъ нападенія), чѣмъ произвелъ среди нихъ замѣшательство, благодаря чему Сихарулидзе и другому товарищу удалось убѣжать. Въ это время стражники успѣли опомниться и все свое вниманіе устремили на нападающаго Лежава, который успѣлъ произвести еще два выстрѣла. Первымъ выстрѣломъ онъ контузилъ одного, а другого серьезно ранилъ въ голову. Въ это время стражники выстрѣлами уложили на мѣстѣ энергичнаго товарища. Среди собравшейся публики арестовали двухъ, которыхъ обвиняютъ въ соучастіи.

Состояніе соціальдемократической работы въ Одессѣ. Революціонная работа ведется въ нашемъ городѣ довольно вяло[1]). И въ прежнее время размахъ былъ не особенно значительный, но за послѣдніе два мѣсяца дѣло революціонизированія рабочихъ массъ стало итти совсѣмъ уже медленно. Вотъ въ чемъ заключаются условія, тормозящія нашу работу.

Прежде всего, отмѣтимъ чрезвычайно развившіеся за послѣднее время сыскъ и шпіонство... Кромѣ невѣроятнаго количества шпиковъ и провокаторовъ (особенно на Пересыпи), большимъ зломъ являются дворники, имѣющіе строжайшія инструкціи слѣдить за всѣми жильцами и поощряемые къ ревностному исполненію этой почетной службы наградами, щедро раздаваемыми нашимъ градоначальникомъ. Недавно „институтъ" этотъ введенъ и въ дачныхъ мѣстечкахъ. Незачѣмъ пояснять, какъ сильно этимъ затрудняется веденіе кружковыхъ занятій, устройство собраній и т. п.

Еще тяжелѣе даетъ себя чувствовать отсутствіе умѣлыхъ и знающихъ пропагандистовъ и агитаторовъ. За послѣднее время у насъ — не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ — сильно распространился типъ, который я назвалъ бы „уличнымъ революціонеромъ". Это — зеленая молодежь обоего пола, едва соскочившая со школьной скамьи и не воспринявшая еще толкомъ и азовъ соціальдемократіи. Всегда вы встрѣтите этихъ юнцовъ разгуливающими въ красныхъ рубахахъ съ дубинками въ рукахъ, толкающимися по базарамъ, паркамъ и трактирамъ. Пренебрегая какими-то тамъ „конспираціями", они смѣло идутъ „на бой кровавый, святой и правый"... И что отсюда получается, покажутъ слѣдующіе примѣры. Недавно, въ каменоломнѣ за Слободкой Романовкой была устроена массовая сходка[2]). Участниковъ предполагалось человѣкъ 150, но явилось только 70, изъ которыхъ половина ушла до открытія собранія, такъ какъ „патрули" сообщили, что полиція пронюхала про сходку. Тѣмъ не менѣе, руководитель сходки не распустилъ и началъ говорить агитаціонную рѣчь о войнѣ; но не успѣлъ онъ кончить, какъ явилась „эскадра" и всѣхъ присутствовавшихъ, въ числѣ около 40 человѣкъ, препроводила въ участки. Градоначальникъ приговорилъ ихъ къ аресту отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а взятый тамъ же интеллигентъ Л. Ханинъ преданъ суду. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одинъ и тотъ же день и часъ провалились двѣ сходки въ городѣ, тоже по 40 человѣкъ; арестованныхъ разсадили по участкамъ и многихъ избили. Арестованный на одной изъ этихъ сходокъ интеллигентъ далъ ложный адресъ, за что подвергся страшному избіенію. Когда полиціи удалось, наконецъ, добиться отъ него правильныхъ указаній, она при обыскѣ нашла на его квартирѣ 4500 экземпляровъ только что выпущенной Комитетомъ прокламаціи о войнѣ и безработицѣ. Нужно ли распространяться о томъ, что такіе факты свидѣтельствуютъ о самомъ возмутительномъ авантюризмѣ? Между тѣмъ, съ этимъ зломъ серьезно не считаются, хотя оно несомнѣннѣйшимъ образомъ роняетъ престижъ нашей Партіи какъ въ глазахъ болѣе развитыхъ рабочихъ, такъ и въ глазахъ общества. Почему мы не выясняемъ этимъ юнцамъ, что раньше, нежели они смогутъ стать полезными активными работниками для нашихъ организацій, имъ необходимо посидѣть дома надъ книжками, легальными и нелегальными? Что тогда только не будетъ такъ сильно бить въ глаза колоссальная невѣжественность и характерная несамостоятельность во всемъ нашихъ рядовыхъ работниковъ? Что въ наше время, когда каждая силенка такъ нужна, когда растущее движеніе требуетъ все больше и больше рукъ — что въ такое время *преступникомъ* является тотъ, кто, думая, что онъ совершаетъ великій подвигъ, идетъ на вѣрную, но безполезную гибель и увлекаетъ за собой другихъ? Пора нашимъ руководителямъ сдѣлать что-нибудь для искорененія этого больного нароста. Слѣдовало бы устраивать частыя совѣщанія съ примыкающей къ движенію молодежью о конспираціи и другихъ вопросахъ революціонной практики, не мѣшало бы также издать брошюрку на тему: „что долженъ знать и помнить каждый революціонеръ".

Полицейскій терроръ и отсутствіе опытныхъ и умѣлыхъ руководителей, какъ сказано было выше, сильно тормозятъ устную пропаганду и агитацію. Между тѣмъ, болѣе благопріятную почву для революціоннаго сѣятеля, чѣмъ сейчасъ, трудно себѣ представить. Война, неудачи русскихъ войскъ, новыя и новыя мобилизаціи, *колоссальнѣйшая безработица, доходящая до того, что людей буквально подбираютъ на улицахъ и скверахъ обезсиленными отъ голода*, страшное вздорожаніе предметовъ первой необходимости — все это неуклонно революціонизируетъ рабочую интимныя отношенія къ нѣсколькимъ штабнымъ, чему собственно они учатся или должны учиться въ Генеральномъ Штабѣ“. И послѣдній выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ своихъ наблюденій надъ русскимъ офицерствомъ: „ни въ одной арміи міра — за исключеніемъ турецкой — доносъ и шпіонство за товарищами не играютъ такой роли въ карьерѣ, какъ здѣсь“.

---

[1]) Нѣтъ только почему-то одного изъ славнѣйшихъ „героевъ" — Грибскаго, который въ 1900 г. потопилъ подъ Благовѣщенскомъ 3000 полунищихъ китайцевъ.

[1]) Это, повидимому, тотъ же случай, о которомъ сообщаютъ изъ Новочеркасска (см. ниже). Ред.

[1]) Судя по болѣе новымъ свѣдѣніямъ, работа въ Одессѣ начинаетъ въ послѣднее время поправляться.

Ред.

[2]) Раньше подобныя „массовки" сильно оживляли дѣятельность мѣстнаго комитета, но за послѣднее время, въ силу указанныхъ въ текстѣ причинъ, онѣ устраиваются гораздо рѣже.

О томъ, какъ начальство обкрадываетъ солдата, какъ мало позаботились о томъ, чтобы онъ имѣлъ хоть самое необходимое на войнѣ, не говоря уже объ удобствахъ, о томъ, какъ возмутительно организована была медицинская помощь, не разъ говорилось уже не только въ нелегальной печати, но даже кое-что проскользнуло и въ подневольную прессу. Приведемъ еще отрывокъ изъ письма врача: ...„Пріѣхалъ помогать раненымъ. Да, гдѣ же помогать? Ничего не приготовлено. Медикаментовъ мало, матеріаловъ мало, пищи нѣтъ: не ожидали такого погрома, бараки строили на сто, а принимать приходится сотни... Вотъ теперь... Принесли 500 раненыхъ, а баракъ... О, господи, боже мой, развѣ же это баракъ? Со мной еще одинъ докторъ, молодой... Посмотрѣли другъ на друга — жутко, страшно... „Ну, чтожъ, говорю, давайте работать!“ Наиболѣе тяжело раненыхъ помѣстили въ баракѣ; изорвали все бѣлье свое, у всѣхъ взяли, что было можно, кое какъ справились, а остальныхъ 400 разложили подъ небомъ. Дождь хлынулъ. Что дѣлать? Что дѣлать? Ночью умерло 117 человѣкъ... Да что же это будетъ?...

„Воровство идетъ ужасное. Солдаты плохо одѣты, плохо питаются... Не хватаетъ сѣделъ, уздечекъ, на эскадронъ три скребницы.. Вотъ доставила фабрика Алафузовыхъ изъ Казани 4000 паръ сапогъ; черезъ недѣлю — негодны. Интендантство вздумало насѣсть на насъ: „не пріучили де сапогъ носить, какъ слѣдуетъ“. Ну, да и мы не дураки, спуску имъ не даемъ; *хоть это все равно, — ничего не сдѣлаешь...*“

Изъ печатающагося у насъ письма солдата видно, что не обильное и безъ того снабженіе арміи одеждой и другими предметами необходимости еще ухудшается благодаря рутинѣ, до сихъ поръ мѣшающей отмѣнить дурацкій обычай, согласно которому солдатъ долженъ тащить на себѣ около 1½ пудовъ разнаго скарба.

И вдобавокъ эта несчастная армія, состоящая изъ голодныхъ, неодѣтыхъ и забитыхъ солдатъ подъ командой невѣжественныхъ грабителей и мучителей офицеровъ, имѣетъ своими руководителями не менѣе невѣжественныхъ, безчестныхъ и безталанныхъ генераловъ. Китайскій походъ 1900 г. выдвинулъ разныхъ „героевъ“ — Линевича, Штакельберга, Стесселя, Ренненкампфа и другихъ, — которые оказались только и годными для грабежа мирныхъ и беззащитныхъ китайцевъ, и сильными только противъ опереточной китайской арміи. Теперь всѣ эти господа занимаютъ самые видные посты въ дѣйствующей арміи[1]), и всѣмъ извѣстно, сколько бѣдъ они уже успѣли натворить. Вотъ что, напр., пишетъ офицеръ про одного изъ „вождей“:

„Раненые офицеры ругаютъ Штакельберга. Въ битвѣ при Вафангоу не была указана общая цѣль обороны, позиція не разбита на участки, не указанъ путь отступленія, и потому на позиціи былъ кавардакъ. Части столпились, не знали, что имъ дѣлать, глупые держали людей подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, выказывая „мужество“, поумнѣе — отошли, но, отходя, перерѣзали другъ другу путь, а главное — полная неизвѣстность, что дѣлать, какъ и куда наступать, или отступать, упорно ли защищаться или нѣтъ. И таковы всѣ генералы“...

Оцѣнивъ всѣ эти данныя, нельзя не прійти къ тому заключенію, что подобная армія, столкнувшись съ противникомъ, представляющимъ во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность, неминуемо должна была быть разбита. Это понимали даже многіе „патріоты“ и всѣ свои надежды они возлагали, поэтому, на то, во-первыхъ, что, въ концѣ концовъ, Россія возьметъ неистощимостью своего человѣческаго матеріала и, во-вторыхъ, что у Японіи не хватитъ денегъ. Что касается первой надежды, то она оказалась разбитой вслѣдствіе полной несостоятельности двухъ „перловъ нынѣшняго царствованія“ — Сибирской и Манджурской дорогъ, которыя способны подвезти приблизительно такое количество солдатъ, какое за тотъ же срокъ выбываетъ изъ строя. Второй же разсчетъ — на финансовый крахъ Японіи — былъ основанъ на полномъ непониманіи характера международной буржуазіи, которая даетъ деньги тому, кто имѣетъ успѣхъ.

Итакъ, кампанія 1904 г. кончилась полнымъ крахомъ самодержавной военной организаціи. Въ 1905 г. патріоты надѣются взять реваншъ, согнавъ къ тому времени на бойню еще сотни и сотни тысячъ крестьянъ и пролетаріевъ. Не беремся предсказывать, оправдаются ли ихъ чаянія; мы знаемъ только, что за это время мы будемъ неустанно работать надъ пробужденіемъ и организаціей рабочихъ массъ и приложимъ всѣ усилія къ тому, чтобы эти массы потребовали возможно скорѣе прекращенія преступной авантюры. И мы знаемъ также, что чѣмъ дальше затянется война, чѣмъ больше трудовыхъ грошей она высосетъ изъ народа, чѣмъ больше сыновъ его будетъ принесено въ жертву кровожадному Молоху — тѣмъ страшнѣе будетъ расплата трудящагося люда со своимъ вѣковымъ угнетателемъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Самара. 15-го іюля ст. ст. изъ Самары вышелъ на Дальній Востокъ Бугульминскій полкъ. Не доѣхавъ до Уфы, солдаты убили командира и выбросили изъ окна вагона фельдфебеля. Наказаній не послѣдовало.

До отправки тотъ же полкъ погнали изъ Самары верстъ за 40 на маневры при 35—40° жары. Пройдя нѣсколько верстъ, отъ солнечнаго удара свалился одинъ солдатъ, командиръ, приставивъ къ нему часового, скомандовалъ „впередъ“. Пройдя еще нѣсколько верстъ, снова случай солнечнаго удара и снова, приставивъ часового, команда „впередъ“. Наконецъ третій случай удара, и солдаты на команду „впередъ“ не сдвинулись съ мѣста. На угрозы командира спокойно отвѣтили тѣмъ же и послѣ того, какъ командиръ ускакалъ въ городъ, они рѣшили возвратиться. Наказаній никакихъ.

По отзывамъ военныхъ врачей, отправляемыхъ на востокъ, ихъ снабжаютъ заржавленными инструментами и самымъ незначительнымъ количествомъ перевязочнаго матеріала. Жалованье выдается весьма неаккуратно и только послѣ неоднократныхъ заявленій. До сихъ поръ нѣкоторые врачи, участвовавшіе въ Китайской кампаніи, не получили всего слѣдуемаго жалованья и судятся съ военнымъ министерствомъ.

Изъ частнаго письма. „При посадкѣ войскъ въ Пензѣ случилось нѣсколько эпизодовъ, обрисовывающихъ нашихъ офицеровъ. Подполковникъ Оминъ встрѣтилъ солдатъ, не уступившихъ ему дороги, и ударилъ одного изъ нихъ. Тотчасъ вступилась публика, а сами солдаты пошли въ аттаку на него и изрядно помяли ему бока, такъ что бѣдному подполковнику пришлось защищаться шашкой и едва унести ноги. Въ тотъ же день, когда садились на поѣздъ, подъѣхалъ поѣздъ съ фельдшерами. Какой-то офицеръ тоже за что-то ударилъ фельдшера; тогда они всѣ съ грубой руганью бросились на него и начали колотить; жандармскіе чины и коменданты скрылись, а офицеръ успѣлъ ускользнуть въ вокзалъ и запереть двери и тотчасъ же на извощикѣ задалъ ходу въ городъ“.

Описанные выше эпизоды не только характеризуютъ поведеніе офицеровъ, но, до извѣстной степени, свидѣтельствуетъ и о пробужденіи чувства собственнаго достоинства въ русскомъ солдатѣ. Изъ разныхъ источниковъ приходятъ свѣдѣнія, что солдату не такъ легко уже сѣсть на шею, какъ это было прежде.

Ростовъ н/Д. Послѣ того, какъ толки о пріѣздѣ въ наши края Ники-Милуши провожать на войну донскихъ казаковъ затихли было, послѣднее время обыватель снова занялся пересудами на тему: „не побоится ли пріѣхать, когда именно пріѣдетъ“ и т. д. Общее мнѣніе таково, что „долженъ пріѣхать“, чтобы умилостивить казаковъ, высказавшихъ недовольство въ инцидентѣ со 100 руб. Какъ вамъ извѣстно уже изъ легальныхъ газетъ, казакамъ, отправляющимся теперь на войну, было назначено пособіе по 100 руб. каждому. Мѣстная администрація распорядилась зачесть пособіе въ счетъ недоимокъ и выдать на руки лишь остатки, за покрытіемъ этихъ послѣднихъ. Въ такомъ распоряженіи было много усердія, но не было разумности. Былыя времена, когда казачество въ массѣ могло безъ особыхъ тяготъ и, во всякомъ случаѣ, безъ риска въ конецъ подорвать свое хозяйство, выставлять для мобилизаціи своихъ сыновъ во всеоружіи, давно миновали. Экономическое положеніе массы донскихъ казаковъ въ настоящее время таково, что обычныя даже снаряженія сыновъ для отбыванія воинской повинности становятся непосильными, сплошь и рядомъ подрывая хозяйство настолько, что оно уже послѣ не оправляется.

Назначеніе пособій и являлось, въ сущности, оффиціальнымъ констатированіемъ разоренности казаковъ. Правда, при этомъ имѣлось въ виду не столько поддержаніе хозяйствъ, — такъ какъ затраты на снаряженіе далеко превышаютъ 100 руб. — сколько патріотическій подкупъ. Такъ именно и посмотрѣла на дѣло мѣстная администрація, рѣшивъ, что моральное значеніе подкупа не мѣняется отъ того, будутъ ли деньги выданы на руки или зачтены за недоимки. Не совсѣмъ такъ отнеслись казаки. Говорятъ, что одинъ казачій офицеръ (теперь сидящій, якобы, въ тюрьмѣ) обратился къ казакамъ съ рѣчью въ томъ духѣ, что администрація не имѣетъ права дѣлать вычеты изъ пособій[1]. Такъ это или нѣтъ (мы не имѣемъ возможности провѣрить молву), только недовольство казаковъ мѣрой администраціи настолько стало пробиваться наружу, что понадобились увѣщанія и даже запугиванія военной силой. Одинъ рабочій, бывшій свидѣтелемъ проявленія недовольства, передавалъ, что казаки на запугиванія военной силой отвѣчали: „это мы были дураки, что стрѣляли въ рабочихъ. Солдаты не станутъ въ насъ стрѣлять“... Разыгрывался крупный скандалъ, конецъ которому поспѣшили положить распоряженіемъ о выдачѣ пособій на руки полностью. Въ періодъ недовольства въ мѣстахъ сбора запасныхъ казаковъ, было распространено Донскимъ Комитетомъ 1000 шт. прокламацій „Къ запаснымъ рядовымъ“.

Новочеркасскъ. На дняхъ у насъ въ Новочеркасскѣ имѣлъ мѣсто довольно интересный арестъ. Арестовали офицера Лейбъ-Гвардіи казачьяго полка Миронова за рѣчь къ войскамъ, отправляющимся на Дальній Востокъ, и за раздачу имъ книжекъ, по одной версіи, прокламацій — по другой. За городской рощей собрался 24-й полкъ и стоялъ тамъ лагеремъ, ожидая выступленія; и вотъ среди этого-то полка, какъ передаютъ, Мироновъ въ теченіе двухъ дней доказывалъ казакамъ вредъ войны. Содержанія рѣчи и книжекъ пока не знаю. Говорятъ, что съ нимъ арестовали одну дѣвицу. За достовѣрность послѣдняго ареста не ручаюсь.

Погромъ въ Смѣлѣ (Кіевск. губ.). Какъ уже, вѣроятно, Вамъ извѣстно, въ Смѣлѣ вспыхнулъ неожиданный погромъ. Ни о подпольной агитаціи въ пользу погрома, ни разговоровъ о немъ, какъ, напримѣръ, въ Кишиневѣ, ничего заранѣе не слышно было. Начался онъ совершенно неожиданно и сразу же принялъ грандіозные размѣры. Уже за нѣсколько станцій до Смѣлы на вокзалахъ, преимущественно въ III-мъ классѣ, мнѣ встрѣтились бѣглецы изъ Смѣлы, — жертвы погрома. Достаточно было только посмотрѣть на ихъ лица, чтобы сразу понять весь ужасъ ихъ положенія. Тутъ были и женщины съ грудными дѣтьми, и старики, еле умѣющіе самостоятельно передвигаться, и молодыя дѣвушки, и зажиточные купцы. У нихъ на лицахъ была печать глубокой растерянности и отчаянія; безпросвѣтнымъ пессимизмомъ сквозило каждое ихъ слово, тяжелое страданіе чуялось въ каждомъ ихъ вздохѣ. На вопросы они отвѣчали крайне неохотно, какъ будто окружающіе только изъ любопытства допытывались подробностей погрома. Толпа сочувствующихъ любопытныхъ окружала бѣглецовъ, и тутъ пришлось выслушивать душераздирающія вещи. Одна мать, еле сдерживая рыданія, разсказывала, какъ чуть было не задушила собственнаго ребенка, который не унимался отъ плача на чердакѣ, куда она съ нимъ спряталась. Другая разсказывала о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытала ея беременная дочь. И такъ всю ночь разсказывалось объ ужасахъ, испытанныхъ населеніемъ въ этотъ злосчастный день. Подробностей отъ нихъ никакъ нельзя было добиться. Только лишь на утро, когда мнѣ удалось пріѣхать въ Смѣлу, я узналъ слѣдующее: погромъ начался совершенно случайно, о какихъ бы то ни было подготовленіяхъ къ нему никто не слыхалъ. Началось со слѣдующаго: одна деревенская баба зашла къ еврейкѣ купить товару и не хотѣла уплатить; ее избили. По городу тогда распространился слухъ, что эта женщина убита евреями. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы на призывъ „бей жидовъ!“ откликнулись всѣ мѣстные и пріѣзжіе крестьяне. Стали грабить лавки и дома. Цѣлыми шайками ходили громилы по улицамъ, разоряя рѣшительно все до тла. Съ поразительной жестокостью они уничтожали даже имущество самыхъ бѣдныхъ слоевъ населенія. Грабили не только крестьяне, грабили также и имущіе классы: нѣкоторые изъ главныхъ служащихъ сахарнаго завода цѣлыми биндюгами привозили къ себѣ домой награбленные товары, мѣстный священникъ явно поощрялъ громилъ. Людей, однако, громилы не затрагивали. Погромъ начался въ воскресенье въ 12 час. дня и продолжался до ночи. Къ утру нѣкоторые изъ евреевъ рѣшили устроить самооборону. Вѣсть о погромѣ быстро распространилась по окрестностямъ, и изъ Черкассъ человѣкъ 40 молодежи мужчинъ и женщинъ поспѣшили на помощь евреямъ, захвативъ съ собою оружіе (то были исключительно [illegible]). Въ Смѣлѣ тоже нашлось человѣкъ 45, которые присоединились къ этимъ 40. Такимъ образомъ, составилась оборона изъ 85 чел., конечно почти невооруженная. Несмотря, однако, на такую малочисленность обороны, она заняла въѣздъ въ главную Владимірскую улицу и отстояла ее до 9 час. утра, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпустила послѣднюю пулю. Количество нападавшихъ громилъ достигало до 1000 человѣкъ. Таково дѣйствіе отпора! Въ 9 час. толпа ворвалась въ городъ и продолжала безчинствовать. Только къ 12 часамъ въ понедѣльникъ прибылъ губернаторъ съ войскомъ. Губернаторъ сейчасъ же далъ приказаніе евреямъ разойтись по домамъ и, какъ говорятъ, составилъ протоколъ о сопротивленіи громиламъ. Толпа, увидя войско, разбѣжалась, и не удалось даже на мѣстѣ арестовать ни одного изъ громилъ. Теперь арестовываются тѣ, у кого находятъ товары.

Относительно участія въ погромѣ рабочихъ сахарнаго завода точныхъ свѣдѣній, несмотря на всѣ мои старанія и на весь мой интересъ именно къ этому вопросу, мнѣ не удалось установить. Иные говорили, что рабочіе принимали такое же участіе, какъ и крестьяне, другіе же, наоборотъ, говорили, что рабочіе и пальцемъ не дотронулись до грабежа. Подтверждали они это положеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ понедѣльникъ утромъ рабочіе ходили на работу, проходя мимо разрушаемыхъ магазиновъ, и ничего не трогали. Болѣе данныхъ есть за то, что рабочіе не принимали въ погромѣ участія. Смѣла теперь представляетъ вполнѣ разрушенный городъ. Все населеніе до крайности обѣднѣло, не имѣя даже откуда ждать помощи. Только четыре магазина остались въ Смѣлѣ нетронутыми! Долженъ упомянуть еще объ одномъ, очень важномъ обстоятельствѣ: на Ковалевкѣ (незначительная часть города), гдѣ евреи оказывали сопротивленіе, — погрома не было. Таковы уроки жизни. Передъ еврейскимъ населеніемъ во всей своей величинѣ снова встаетъ „погромный“ вопросъ, а оно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть, что только въ организованности массоваго сопротивленія лежитъ его разгадка.

Членъ Елисаветградской соц.-дем. организаціи.

Кутаисъ. 6 іюля сего года изъ м. Чіатуры шесть стражниковъ конвоировало въ Кутаисскую губернскую тюрьму пятерыхъ арестантовъ, изъ которыхъ четверо были политическіе. На углу Тифлисской и Ольденбургской улицъ было произведено вооруженное нападеніе на конвой. Въ исторіи революціоннаго движенія подобные факты встрѣчаются довольно рѣдко. Причиною нападенія было слѣдующее обстоятельство: въ м. Чіатуры вначалѣ іюля были арестованы на собраніи, по указанію одного изъ шпіоновъ, четверо пропагандистовъ. Между ними былъ одинъ изъ лучшихъ агитаторовъ на Кавказѣ, который принималъ участіе въ разныхъ мѣстахъ въ организаціи стачекъ и демонстрацій и укрывался четыре года отъ отбыванія воинской повинности. Благодаря всему этому, полиція давно его разыскивала и онъ проживалъ нелегально, обративъ все свое вниманіе на районъ Кутаис. Ком. На допросѣ послѣ поимки въ Чіатурахъ онъ назвалъ себя Сихарулидзе и представилъ фальшивый паспортъ. Полиція не могла себѣ представить, кого она захватила и подъ легкимъ конвоемъ (шесть стражниковъ на пять человѣкъ), отправила въ Кутаисъ. Среди чіатурскихъ рабочихъ онъ пользовался популярностью и, узнавъ объ его захватѣ, рабочіе очень опечалились. Особенно опечалила его поимка одного изъ близкихъ товарищей крестьянина, Прокопія Лежава, который, зная, что его ожидаетъ тяжелое наказаніе съ неизбѣжнымъ установленіемъ личности, рѣшился, во что бы то ни стало, освободить его изъ рукъ полиціи. Свое намѣреніе сообщилъ онъ Кутаисскому Комитету, который началъ отговаривать Лежава отъ этого поступка, могущаго кончиться для него печально. Комитетъ, когда увидѣлъ его непреклонную рѣшимость, только тогда далъ свое согласіе и вотъ въ іюлѣ, когда ихъ вели въ тюрьму съ желѣзнодорожнаго вокзала, покойный Лежава, давно поджидавшій моментъ, бросился на конвой стражниковъ, предварительно выстрѣливъ въ воздухъ (комитетъ рѣшилъ избѣгать, по возможности, пролитія крови, надѣясь на то, что выстрѣлъ произведетъ замѣшательство въ конвоѣ, чѣмъ воспользуется названный политическій товарищъ Сихарулидзе, чтобы освободиться отъ башибузуковъ; ему заранѣе дано было знать о желаніи его товарища освободить посредствомъ нападенія), чѣмъ произвелъ среди нихъ замѣшательство, благодаря чему Сихарулидзе и другому товарищу удалось убѣжать. Въ это время стражники успѣли опомниться и все свое вниманіе устремили на нападающаго Лежава, который успѣлъ произвести еще два выстрѣла. Первымъ выстрѣломъ онъ контузилъ одного, а другого серьезно ранилъ въ голову. Въ это время стражники выстрѣлами уложили на мѣстѣ энергичнаго товарища. Среди собравшейся публики арестовали двухъ, которыхъ обвиняютъ въ соучастіи.

Состояніе соціальдемократической работы въ Одессѣ. Революціонная работа ведется въ нашемъ городѣ довольно вяло[1]. И въ прежнее время размахъ былъ не особенно значительный, но за послѣдніе два мѣсяца дѣло революціонизированія рабочихъ массъ стало итти совсѣмъ уже медленно. Вотъ въ чемъ заключаются условія, тормозящія нашу работу.

Прежде всего, отмѣтимъ чрезвычайно развившееся за послѣднее время сыскъ и шпіонство... Кромѣ невѣроятнаго количества шпиковъ и провокаторовъ (особенно на Пересыпи), большимъ зломъ являются дворники, имѣющіе строжайшія инструкціи слѣдить за всѣми жильцами и поощряемые къ ревностному исполненію этой почетной службы наградами, щедро раздаваемыми нашимъ градоначальникомъ. Недавно „институтъ“ этотъ введенъ и въ дачныхъ мѣстечкахъ. Незачѣмъ пояснять, какъ сильно этимъ затрудняется веденіе кружковыхъ занятій, устройство собраній и т. п.

Еще тяжелѣе даетъ себя чувствовать отсутствіе умѣлыхъ и знающихъ пропагандистовъ и агитаторовъ. За послѣднее время у насъ — не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ — сильно распространился типъ, который я назвалъ бы „уличнымъ революціонеромъ“. Это — зеленая молодежь обоего пола, едва соскочившая со школьной скамьи и не воспринявшая еще толкомъ и азовъ соціальдемократіи. Всегда вы встрѣтите этихъ юнцовъ разгуливающими въ красныхъ рубахахъ съ дубинками въ рукахъ, толкающимися по базарамъ, паркамъ и трактирамъ. Пренебрегая какими-то тамъ „конспираціями“, они смѣло идутъ „на бой кровавый, святой и правый“. И что отсюда получается, покажутъ слѣдующіе примѣры. Недавно, въ каменоломнѣ за Слободкой Романовкой была устроена массовая сходка[2]. Участниковъ предполагалось человѣкъ 150, но явилось только 70, изъ которыхъ половина ушла до открытія собранія, такъ какъ „патрули“ сообщили, что полиція пронюхала про сходку. Тѣмъ не менѣе, руководитель сходки не распустилъ и началъ говорить агитаціонную рѣчь о войнѣ, но не успѣлъ онъ кончить, какъ явилась „эскадра“ и всѣхъ присутствовавшихъ, въ числѣ около 40 человѣкъ, препроводила въ участки. Градоначальникъ приговорилъ ихъ къ аресту отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а взятый тамъ же интеллигентъ Л. Ханинъ преданъ суду. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одинъ и тотъ же день и часъ провалились двѣ сходки въ городѣ, тоже по 40 человѣкъ; арестованныхъ разсадили по участкамъ и многихъ избили. Арестованный на одной изъ этихъ сходокъ интеллигентъ далъ ложный адресъ, за что подвергся страшному избіенію. Когда полиціи удалось, наконецъ, добиться отъ него правильныхъ указаній, она при обыскѣ нашла на его квартирѣ 4500 экземпляровъ только что выпущенной Комитетомъ прокламаціи о войнѣ и безработицѣ. Нужно ли распространяться о томъ, что такіе факты свидѣтельствуютъ о самомъ возмутительномъ авантюризмѣ? Между тѣмъ, съ этимъ зломъ серьезно не считаются, хотя оно несомнѣннѣйшимъ образомъ роняетъ престижъ нашей Партіи какъ въ глазахъ болѣе развитыхъ рабочихъ, такъ и въ глазахъ общества. Почему мы не выясняемъ этимъ юнцамъ, что раньше, нежели они смогутъ стать полезными активными работниками для нашихъ организацій, имъ необходимо посидѣть дома надъ книжками, легальными и нелегальными? Что тогда только не будетъ такъ сильно бить въ глаза колоссальная невѣжественность и характерная несамостоятельность во всемъ нашихъ рядовыхъ работниковъ? Что въ наше время, когда каждая силенка такъ нужна, когда растущее движеніе требуетъ все больше и больше рукъ, — что въ такое время *преступникомъ* является тотъ, кто, думая, что онъ совершаетъ великій подвигъ, идетъ на вѣрную, но безполезную гибель и увлекаетъ за собой другихъ? Пора нашимъ руководителямъ сдѣлать что-нибудь для искорененія этого больного нароста. Слѣдовало бы устраивать частыя совѣщанія съ примыкающей къ движенію молодежью о конспираціи и другихъ вопросахъ революціонной практики, не мѣшало бы также издать брошюрку на тему: „что долженъ знать и помнить каждый революціонеръ“.

Полицейскій терроръ и отсутствіе опытныхъ и умѣлыхъ руководителей, какъ сказано было выше, сильно тормозятъ устную пропаганду и агитацію. Между тѣмъ, болѣе благопріятную почву для революціоннаго сѣятеля, чѣмъ сейчасъ, трудно себѣ представить. Война, неудачи русскихъ войскъ, новыя и новыя мобилизаціи, *колоссальнѣйшая безработица, доходящая до того, что людей буквально подбираютъ на улицахъ и скверахъ обезсиленными отъ голода*, страшное вздорожаніе предметовъ первой необходимости — все это неуклонно революціонизируетъ рабочую массу и даже мѣщанъ-обывателей. Въ такой-то моментъ оказала бы незамѣнимыя услуги литература, которая бы систематически вводила читателей въ кругъ соціальдемократическаго міровоззрѣнія и соціальдемократической критики существующихъ отношеній; распространяемая въ большомъ количествѣ, она бы помогла, до извѣстной степени, заполнить пробѣлъ, заключающійся въ слабомъ устномъ воздѣйствіи на массы. И спросъ на нее имѣется громадный. Но она отсутствуетъ эта литература, отсутствуетъ до такой степени, что прямо иной разъ въ тупикъ становишься! Ни одной брошюры! Ни одного номера „Искры“! Суррогатомъ такой литературы долгое время служили у насъ листки мѣстнаго комитета, выходившіе довольно часто и въ количествѣ не менѣе 10 тысячъ экземпляровъ. Правда, они распространялись не очень удачно — особенно мало ихъ попадало въ широкіе круги *русской* массы — но, все таки, они значительно помогали веденію массовой работы. За послѣднее же время и листки стали выходить довольно рѣдко и въ такомъ количествѣ, которое совершенно не удовлетворяетъ наличной потребности.

---

[1] Нѣтъ только почему-то одного изъ славнѣйшихъ „героевъ“ — Грибскаго, который въ 1900 г. потопилъ подъ Благовѣщенскомъ 3000 полунищихъ китайцевъ.

[1] Это, повидимому, тотъ же случай, о которомъ сообщаютъ изъ Новочеркасска (см. ниже). Ред.

[1] Судя по болѣе новымъ свѣдѣніямъ, работа въ Одессѣ начинаетъ въ послѣднее время поправляться. Ред.

[2] Раньше подобныя „массовки“ сильно оживляли дѣятельность мѣстнаго комитета, но за послѣднее время, въ силу указанныхъ въ текстѣ причинъ, онѣ устраиваются гораздо рѣже.

Работа въ нашемъ городѣ зашла въ тупой уголъ, и необходимо приложить громадныя усилія, чтобы поднять ее на должную высоту.

Одесса. Недавно провалилось большое массовое собраніе устроенное мѣстной организаціей Бунда. При возвращеніи со сходки взято было больше 130 чел., которые черезъ нѣкоторое время были освобождены градоначальникомъ, по случаю рожденія высочайшаго младенца. При освобожденіи приставъ Александровскаго участка Рацшевскій нахально отобралъ у многихъ изъ нихъ деньги, заявивъ имъ, что эти деньги пойдутъ въ пользу войны. Провалы какъ этого, такъ и трехъ меньшихъ собраній, устроенныхъ комитетомъ нашей Партіи сильно расшевелили нашихъ обывателей; всѣ на разные лады истолковываютъ смыслъ происходящихъ событій.

Изъ подмосковной деревни. Два года назадъ движенія здѣсь не было и въ поминѣ, и о соціалистахъ говорили не иначе, какъ съ прибавленіемъ крѣпкихъ словъ. Еще во время студ. волненій 1902 г. самые умные изъ здѣшнихъ рабочихъ ругали „царскихъ ослушниковъ“. Но вотъ годъ тому назадъ у насъ появился долго гдѣ то пропадавшій рабочій и привезъ съ собой двѣ брошюрки. Книжки произвели впечатлѣніе. Черезъ полгода была установлена связь съ комитетомъ, образовался кружокъ энергичныхъ лицъ, и началась работа. О результатахъ ея можно судить по слѣдующему факту. Изъ одной глухой деревни, отстоящей отсюда въ 30 верстахъ (туда недавно стали посылать литературу, которая очень понравилась и вызвала дальнѣйшій спросъ) пріѣхалъ гонецъ, сообщившій, что у нихъ произошли недоразумѣнія съ помѣщикомъ, вызвавшія сильное возбужденіе среди крестьянъ. „Начинайте“, сказалъ онъ здѣшнимъ рабочимъ, „а мы — шесть деревень — подхватимъ и разнесемъ имѣніе и полицію“. И — пусть негодуютъ гг. соціаль-реакціонеры! — рабочіе нашли его предложеніе глупымъ и разъяснили, что необходимо дожидаться „общаго возстанія“. Крестьянинъ уѣхалъ убѣжденный, захвативъ съ собой новый запасъ литературы.

Несочувствующихъ движенію въ нашемъ округѣ, за исключеніемъ единицъ, не осталось; литературу всѣ читаютъ съ величайшей охотой, и всегда просятъ сами доставлять ее. Къ сожалѣнію, въ душѣ крестьянина слишкомъ еще крѣпко сидитъ вѣра въ „помазанника“; кромѣ того, крестьяне очень боязливы и не рѣшаются проявить какую либо активность, хотя бы даже передать другому книжку. Однако, революціонное сознаніе растетъ, и одинъ рабочій опредѣляетъ положеніе такъ: „стоитъ машина съ разведенными парами, не достаетъ механика, который привелъ бы ее въ дѣйствіе, и только за этимъ дѣло и стало“.

Не хватаетъ и у насъ хорошей соціальдемократической литературы для крестьянъ: въ ходу одна только, хотя и очень уважаемая, книжка Ленина: „Къ деревенской бѣднотѣ“. И все же населеніе охотнѣе читаетъ соц.-дем. брошюры для рабочихъ, чѣмъ писанія къ крестьянамъ соц. революціонеровъ: литература послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространяется, но случайно и не соц.-революціонерами. Слѣды ихъ „ученій“ иногда еще встрѣчаются. Такъ, одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что существуютъ двѣ партіи: „демократическая“ и „революціонная“. Конечно, безъ революціи мы ничего не достигнемъ, прибавилъ онъ, и былъ страшно удивленъ, когда я разъяснилъ ему, что „демократическая партія“ подготовляетъ революцію. Рабочее населеніе у насъ довольно развитое, и с.-ровская литература симпатіями среди нихъ не пользуется.

Мѣстная полиція сбилась съ ногъ, разыскивая источники крамолы; на подмогу ей пріѣзжалъ высшій жандармскій чинъ. Нашъ унтеръ распрашиваетъ всѣхъ и вся, но пока ничего открыть не можетъ. Весной у насъ, однако, были уже аресты.

Изъ Нижегородской тюрьмы. 7 го іюля въ 4 часа дня пом. нач. Введенскій, проходя подъ окнами барака, закричалъ на М. Тихомірова, чтобы тотъ слѣзъ съ окна. Тихоміровъ отвѣтилъ, что онъ вылѣзъ подышать свѣжимъ воздухомъ, что онъ боленъ, не выходитъ даже на прогулку. Введенскій схватилъ пару сколоченныхъ, заостренныхъ кольевъ и закричалъ, пересыпая слова площадной бранью: „слѣзь, а то я тебя ссажу этимъ“. Вслѣдъ затѣмъ онъ размахнулся и ударилъ... Но Тихоміровъ уже успѣлъ убрать голову внутрь камеры. Ударъ пришелся по рѣшеткѣ. Введенскій съ остервенѣніемъ продолжая ругаться, началъ тыкать заостренными концами въ окно. Тихоміровъ пустилъ въ него кружкой съ простоквашей, которая окатила его съ ногъ до головы. Отряхнувшись Введенскій бросилъ колья и со словами: „Я тебя сволочь этакая, свяжу сейчасъ!“, взявъ надзирателя пошелъ въ камеру Тихомірова. „Въ контору!“ Тихоміровъ отказался итти, такъ какъ онъ давно уже изъ камеры не выходитъ. „Взять его!“ и еще моментъ и человѣка больного (чахотка и страшное нервное растройство) связали бы и потащили бы въ карцеръ. Во всѣхъ камерахъ барака застучали, неистово требуя начальника. Послѣдній пришелъ скоро. Онъ прежде всего высказалъ намъ свое сожалѣніе, что *Введенскій не застрѣлилъ Тихомірова.* („Онъ имѣлъ право стрѣлять, если не исполняютъ его приказаній“) и хотѣлъ тоже силой увести „въ контору“. Только на мольбы тов. В. Е. Лазарева онъ согласился предварительно послать за врачемъ, освидѣтельствовать здоровье Тихомірова. Черезъ полчаса пришелъ съ врачемъ тов. прокурора, который, выслушавъ заявленія заключенныхъ, оставилъ Тихомірова въ покоѣ. Теперь докторъ началъ лечить его, а помощники начальника не заходятъ даже на повѣркѣ въ его камеру. 5 человѣкъ послали прокурору прошенія разслѣдовать это дѣло. Теперь прошенія пересланы къ губернатору.

Лугансвъ. Послѣ голодовки (см. № 71 въ тюрьмѣ установился каторжный режимъ. Надзиратели, поощряемые начальствомъ, обращаются очень грубо. Деньги, какія у кого были, отобраны администраціей, и выписку дѣлать не на что; съ воли же принимаютъ только табакъ, сахаръ и чай; передавать провизію изъ камеры въ камеру запрещается. Такимъ образомъ, приходится сидѣть исключительно на казенной пищѣ. Всего сидитъ здѣсь 40 чел., большинство по юзовскому дѣлу, нѣсколько человѣкъ переведены сюда изъ Бахмута и Екатеринослава.

Въ началѣ мая изъ здѣшней тюрьмы бѣжалъ Даніилъ Яшникъ, исторія котораго будетъ небезынтересна для читателей „Искры“. Онъ содержался въ Екатеринославской тюрьмѣ въ качествѣ уголовнаго. Познакомившись съ политическими, онъ сталъ брать у нихъ книжки, въ числѣ которыхъ кое когда попадались и нелегальныя брошюрки. Мало по малу, онъ сталъ понимать, къ чему стремятся сознательные рабочіе, чего хотятъ соціальдемократы, и всецѣло примкнулъ къ ихъ ученію. Какъ ревностный прозелитъ, онъ старался спропагандировать своихъ сожителей по камерѣ, много говорилъ съ ними и читалъ имъ брошюры. Начальство обратило на это вниманіе, въ камерѣ былъ произведенъ обыскъ, найдена литература и собственныя замѣтки Яшника и въ результатѣ онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 251 ст. и переведенъ, въ качествѣ уже политическаго, въ Луганскую тюрьму. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Луганскъ пріѣзжалъ тюремный инспекторъ и сообщилъ, что его скоро отправятъ въ Екатеринославскія арестантскія роты, куда онъ приговоренъ на 3 г. за свое уголовное преступленіе, а тамъ — обѣщалъ инспекторъ — изъ него ужъ выбьютъ дурь. Яшникъ не сталъ дожидаться, и черезъ полторы недѣли его уже не было въ тюрьмѣ. Бѣжалъ онъ очень просто: переодѣлся бабой, накинулъ на голову большой сѣрый платокъ и вмѣстѣ съ посѣтителями прошелъ черезъ ворота.

Екатеринодаръ. (Борьба въ тюрьмѣ). Антисанитарныя условія, произвольныя притѣсненія и грубое обращеніе тюремной администраціи дѣлали пребываніе въ здѣшней тюрьмѣ невыносимымъ. Начальникъ тюрьмы Скачко является дѣятельнымъ помощникомъ жандармовъ, примѣняя всевозможныя репрессіи съ цѣлью выжать изъ арестованныхъ нужныя показанія: лишаетъ табаку, книгъ, ограничиваетъ прогулку, отказываетъ въ пріемѣ съѣстныхъ припасовъ, оставляетъ въ камерахъ параши на цѣлыя сутки. Кромѣ того онъ еще страдаетъ маніей величія: онъ требуетъ, чтобы его называли „превосходительствомъ“ и накидывается съ грубой бранью на политическихъ и ихъ родныхъ, если его осмѣлятся назвать просто „начальникомъ“. Заключенныхъ онъ даже сажалъ за это въ карцеръ.

Товарищи, находящіеся во власти этого звѣря, наконецъ не выдержали и начали голодовку, выставивъ слѣдующія требованія: 1) прогулка въ теченіе по крайней мѣрѣ одного часа въ день, 2) удаленіе изъ камеръ „парашъ“, 3) разрѣшеніе курить, 4) безпрепятственная передача съѣстныхъ припасовъ и 5) улучшеніе обращенія съ заключенными. Въ голодовкѣ приняли участіе всѣ сидящіе: семь рабочихъ и три интеллигента. Голодовка кончилась на девятый день удовлетвореніемъ всѣхъ требованій. Одного заключеннаго — В. С. Попова — перевели въ Усть-Лабинскую тюрьму. Во время голодовки Кубанскій Комитетъ выпустилъ листокъ.

Протестъ ссыльныхъ Красноярскаго уѣзда. Жизнь политическихъ ссыльныхъ становится за послѣднее время все болѣе невыносимой. Поощряемая свыше, мѣстная администрація издаетъ цѣлый рядъ циркуляровъ, посягающихъ даже на тѣ жалкія права, которыхъ не отнимаютъ у насъ русскіе законы. Терпѣть дальше такія наглыя издѣвательства нѣтъ возможности; выносить безъ протеста всѣ эти дикія насилія было бы недостойно революціонера. Моментъ борьбы назрѣлъ. Мы, политическіе ссыльные Красноярскаго уѣзда, заявляемъ свою полную солидарность съ якутскими товарищами, которые первыми отважно выступили на борьбу. Мы вполнѣ солидарны со всѣми ихъ требованіями и такъ же, какъ они, готовы бороться, не отступая даже передъ кровавыми репрессаліями. Мы призываемъ всѣхъ находящихся въ ссылкѣ товарищей начать борьбу. Мѣста ссылки теперь настолько переполнены, насъ, политическихъ ссыльныхъ, насчитывается такое огромное количество, что, при организованныхъ дѣйствіяхъ, мы можемъ представлять довольно внушительную силу.

Просимъ всѣ органы нелегальной прессы перепечатать это заявленіе съ фамиліями всѣхъ подписавшихся:

1) Богдановъ (дѣло Сѣв. Раб. Союза), 2 3) Брагловскій и Зельдинъ-Браиловская (по дѣлу Кременч. Ком. Р. С.-Д. Р. П.), 4) Басовъ (одесское дѣло соц.-рев.), 5) Мякутинъ (Тихорѣцк. стачка), 6) Бернавикъ (дѣло Бунда), 7) Шиманскій (по дѣлу С.-Д. П. и Л.), 8) Теръ—Акоповъ (Бакинск. дѣло С.-Д.), 9) Фельдманъ (дѣло Южн. Раб.), 10) Гинзбургъ, 11) Анна Ривкина, 12) Фанни Ривкина, 13) Линкинъ (всѣ четверо по рославск. дѣлу соц.-рев.), 14) Нагель (по дѣлу ростовск. демонстр., вѣчное поселеніе).

Мая 1904 г.

При обсужденіи вопроса о протестѣ часть товарищей высказалась за подачу коллективнаго заявленія иркутскому ген.-губернатору, другая же часть находила, что обращаться въ настоящее время къ ген.-губернатору не имѣетъ никакого смысла и гораздо цѣлесообразнѣе послать заявленіе съ подписями въ рев. органы. При баллотировкѣ мнѣнія раздѣлились поровну. Семь товарищей подали еще заявленіе и ген.-губернатору и въ то же время просили включить ихъ подписи въ настоящее заявленіе (семь послѣднихъ фамилій).

Къ этому протесту присоединились:
Самуилъ Персонъ, Борухъ Носель и Бейле Вольфсонъ.

Архангельскъ. Новый губернаторъ начинаетъ показывать когти. Изъ Архангельска высылаютъ безъ всякихъ мотивовъ въ уѣздъ пол. ссыльныхъ: Марію Смирнову (заявленіе послѣдней, что ей нужно отдать дочь въ гимназію, остается безъ отвѣта. Его превосход. заявляетъ, что не можетъ входить въ разсмотрѣніе и т. д. Коротко и ясно!) и Конст. Покровскаго. Изъ Пинеги за самовольную отлучку высланъ на Печору, въ село Кедву, Матвѣевъ, за намѣреніе бѣжать (!?). Кирилловъ высланъ изъ Шенкурска въ Усть-Цыльму; за проводы этаповъ высланы въ уѣздъ изъ Холмогоръ — Толмачевы, Львовичъ и Добронравовъ.

Съ Ледовитаго Океана. Онега — захолустный уѣздный городишко съ $2^1/_2$ тысячъ жителей. Жизнь здѣсь течетъ вяло, дрябло; духовныхъ интересовъ пока никакихъ. Но вотъ въ затхлую атмосферу обывательщины ворвалась живая струя: въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца въ городѣ только и было разговору, что о политикахъ, соціализмѣ и пр. и пр. Началось съ майскаго праздника. 18 апрѣля мѣстные политическіе ссыльные устроили банкетъ. Въ квартирѣ одного изъ товарищей было устроено собраніе. Квартира эта выходитъ на людную площадь. Въ окна были выставлены красные флаги. Обыватель былъ въ высшей степени заинтересованъ новымъ явленіемъ и пытался разобраться въ немъ. „Политики говорятъ, что Бога нѣтъ и что царя не надо — безъ царя хорошо будетъ!“ — такъ дѣлились впечатлѣніями по поводу праздника обыватели.

Скоро, впрочемъ, обыватель долженъ былъ убѣдиться, что политики не только отрицаютъ бога и царя, но и активно вступаются въ защиту безправнаго обывателя. 13 апрѣля въ арестномъ помѣщеніи былъ избитъ мѣщанинъ Кучепатовъ (проболена барабанная перепонка). Уѣздный врачъ Пженборскій, къ которому обратился потерпѣвшій, отказался выдать ему свидѣтельство въ томъ, что, дѣйствительно, барабанная перепонка повреждена. Тогда Кучепатовъ обратился къ доктору Савину (политическому ссыльному). Савинъ выдалъ просимое свидѣтельство, а другіе политическіе ссыльные посовѣтовали подать жалобу прокурору. Когда исправникъ узналъ объ этомъ, то немедленно настрочилъ доносъ губернатору на Савина. „Если Савина не уберутъ отсюда — писалъ онъ между прочимъ — не ручаюсь за спокойствіе Онеги“. Результатъ доноса уже сообщался въ „Искру“. Савинъ былъ арестованъ и высланъ въ Кузомень. Интересны нѣкоторыя подробности. Когда арестованнаго Савина везли въ полицію — товарищи провожали его съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Пароходъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Савинъ, опоздалъ: тогда послѣдняго оставили ночевать въ полиціи. Неизвѣстно кѣмъ были пущены слухи, что политики намѣреваются отбить Савина. Слухи эти возымѣли свое дѣйствіе: полицейское управленіе было забаррикадировано, во дворѣ поставлены городовые. Нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхавшій жандармскій офицеръ Петровскій (сдѣлалъ обыски у десяти ссыльныхъ — безъ результата) организовалъ по городу патрулированіе при помощи солдатъ и жандармовъ. Можно было подумать, что Онега, по крайней мѣрѣ, наканунѣ революціи. Наконецъ, когда сажали Савина на пароходъ — были вызваны войска: 30 солдатъ конвойной команды. Общество, оцѣнившее Савина, какъ врача и человѣка, было возмущено его высылкой. Это возмущеніе, между прочимъ, выразилось въ исключеніи изъ членовъ клуба доктора Пженборскаго, отказавшагося выдать свидѣтельство Кучепатову.

Въ 20-хъ числахъ мая по городу и въ погостѣ (рабочій кварталъ), а также и на другомъ берегу Онеги (на лѣсопильномъ заводѣ) были разбросаны двѣ гектографированныя прокламаціи Бѣломорскаго соц.-дем. союза: „Къ обществу“ (50 штукъ) и „Къ рабочимъ“ (100 штукъ) и листокъ „Война противъ войны“ (перепечатка группы соц.-дем. Дальняго Сѣвера — 40 штукъ). Кромѣ того, по рукамъ были распущены другія изданія группы. Листки эти вызвали страшный переполохъ: весь городъ заговорилъ о „телеграммахъ“ (такъ окрестили листки, съ виду походившіе на гектограф. телеграммы о военныхъ дѣйствіяхъ). Мѣстная интеллигенція заинтересовалась ими чрезвычайно. Обыватели говорили: „Онега не созрѣла еще для революціи, но такіе листки — дѣло хорошее!“ Одинъ либералъ провозглашалъ въ обществѣ тостъ за Бѣломорскій Союзъ.

Въ отношеніи къ революціи и къ ссыльнымъ (которыхъ обыватели совершенно неосновательно считали причастными къ листкамъ) произошла перемѣна: прежде обыватели говорили, что политики хотятъ сжечь Онегу и фабрикуютъ бомбы для взрыва собора, теперь, когда жандармы стали пускать слухи, что 27 мая политики сожгутъ городъ(!?) — обыватели не вѣрили имъ,

Исправникъ былъ взбѣшенъ и не придумалъ ничего лучшаго, какъ скупать листки по 20 коп. за штуку. Черезъ три дня цѣнность прокламацій утроилась: управляющій лѣсопильнаго завода скупалъ листки по 60 коп. за штуку. Но не всѣ рабочіе соблазнялись на деньги, не мало было такихъ, которые говорили: „Пусть платитъ по 60 коп., а я все же не отдамъ ему листка“. Отношеніе рабочихъ къ листкамъ было самое сочувственное. Одинъ старикъ-рабочій, прочтя прокламацію „Къ рабочимъ“ даже заплакалъ: „хорошо — говоритъ — написано, куда наши деньги идутъ!“ Встрѣчаясь съ политиками, рабочіе пожимали руки и говорили: „мы думали — вы студенты, а вы — наши же братья-рабочіе“. Многіе изъ обывателей обижались на политиковъ, „зачѣмъ не дали листка прочитать“.

Не обошлось безъ курьезовъ: одна старушка передала въ церкви священнику записку на поминовеніе. Когда попъ разсмотрѣлъ записку — пришелъ въ ужасъ. Имена за упокой были написаны на обратной сторонѣ прокламаціи „возмутительнаго“ содержанія. Попъ немедленно послалъ за жандармами. Три бравыхъ солдата являются въ церковь, арестовываютъ „распространительницу“ и пр. На допросѣ выясняется, что женщина — безграмотна, и, къ своему прискорбію, жандармы вынуждены ее освободить.

Онежскій мѣщанинъ.

P. S. „Политикамъ“ грозили послѣ листковъ ссылкой въ Калгачиху и Золотицу — въ глушь уѣзда.

Борьба съ крамолой въ школѣ. Изъ Одесскаго округа намъ доставлено слѣдующее секретное циркулярное распоряженіе:

„Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года учебно-окружнымъ начальствомъ было представлено на усмотрѣніе М. Н. П. ходатайство о разрѣшеніи, для огражденія учебныхъ заведеній округа отъ вредныхъ элементовъ, увольнять изъ числа учащихся тѣхъ изъ нихъ, которые, по убѣжденію непосредственнаго ихъ начальства, могутъ быть сочтены политически неблагонадежными, хотя бы фактовъ противъ нихъ не было.

Вслѣдствіе сего г. управляющій М. Н. П. предложеніемъ отъ 30 мая 1904 г. за № 475 увѣдомилъ меня, что его высокопревосходительство разрѣшаетъ, для огражденія учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа отъ вредныхъ элементовъ, увольнять изъ числа учащихся въ нихъ тѣхъ, которые, по убѣжденію ближайшаго начальства, могутъ быть сочтены политически неблагонадежными, хотя бы фактовъ противъ нихъ не было, но не иначе, какъ по предварительномъ обсужденіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса объ увольненіи въ педагогическомъ совѣтѣ училища. Объ изложенномъ сообщается и т. д.“

Подписалъ Попечитель Х. П. Сольскій

Ростовъ н/Д. Недѣли двѣ тому назадъ стали снова замѣчаться проявленія жандармской дѣятельности, послѣ короткаго перерыва отъ средины іюня. Приходилось слышать объ арестѣ то одного, то другого рабочаго. Такъ, числа 7 августа былъ арестованъ раб. Антонъ Левинъ и препровожденъ въ участокъ, за неимѣніемъ мѣстъ въ тюрьмѣ. При обыскѣ найденъ номеръ „Искры“. Затѣмъ пришлось узнать объ арестѣ еще двухъ ростовскихъ рабочихъ, изъ которыхъ одинъ арестованъ въ Новочеркаскѣ и заключенъ тамъ въ тюрьму. При обыскѣ, сдѣланномъ въ Ростовѣ на дому у товарища, съ которымъ онъ жилъ, найдено кое-что изъ нелегальной литературы. Наконецъ, въ ночь съ 11 на 12, послѣдовали обыски и аресты многихъ лицъ. Арестовано, какъ говорятъ, человѣкъ 10: раб. Ткачемовъ, Милицкій и др., бухгалтеръ мельницы Паримова г. Суррай.

Арестованный около 1 мая с. г. рабочій **Петръ Максимовъ** оказался **предателемъ** — предалъ многихъ рабочихъ. Въ настоящее время выпущенъ на свободу. Въ организаціи былъ извѣстенъ подъ кличкой Купидонъ. Примѣты: выше средняго роста, нѣсколько сутуловатый, бѣлокурый, худощавый, съ родинкой у нижней губы. На дняхъ однимъ рабочимъ, явившимся къ нему, было сдѣлано въ него четыре выстрѣла. Однимъ выстрѣломъ раненъ въ руку на вылетъ, другимъ въ бокъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Кіевъ. Обыскъ въ армейскомъ корпусѣ. Война и жестокія пораженія „непобѣдимаго“ войска заставили много-много сонныхъ вѣрноподданническихъ россійскихъ мозговъ призадуматься и пойти къ истинѣ путемъ сомнѣнія. Зашевелилась и опора царя-батюшки — христолюбивое воинство. Еще до войны у насъ, въ Кіевѣ, эту опору кое гдѣ и, по большей части, стихійно подтачивала крамола. Война ускорила процессъ. Солдатики съ жадностью набрасывались на телеграммы, по своему толковали ихъ, но, такъ какъ эти телеграммы слишкомъ мало приносили благопріятныхъ и „патріотическихъ“ вѣстей, то начальство стало коситься и на телеграммы, предпочитая держать солдатъ въ блаженномъ невѣдѣніи, а для подогрѣванія „доблестныхъ“ чувствъ на видныхъ мѣстахъ въ лагеряхъ вывѣсило лубочныя картины съ изображеніями всевозможныхъ „лихихъ дѣлъ“, по выраженію Его Величества. Спросъ на литературу возросъ, среди солдатиковъ появились брошюрки и листки, и, — какъ неизбѣжные спутники ихъ, — начались обыски: сначала по ротно, по-батальоно и, наконецъ, 7 го августа былъ произведенъ обыскъ въ цѣломъ армейскомъ корпусѣ!.. Этотъ обыскъ, если не ошибаемся, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, бывшихъ когда-либо въ арміи и потому стоитъ того, чтобы его описать подробно, хотя бы для вразумленія и назиданія... 7 августа въ 3 часа дня былъ данъ сигналъ — сборъ офицеровъ. Ихъ раздѣлили на группы подъ руководствомъ капитановъ и штабъ-офицеровъ. Около 4 часовъ второй сигналъ — всѣ на линейку (средняя аллея въ лагеряхъ) и въ то же время лагерь былъ оцѣпленъ патрулями. Солдаты выстроились рядами. Обыски дѣлались по-заводно такимъ образомъ: ротный отбираетъ у солдатъ ключи отъ сундуковъ: затѣмъ солдаты идутъ въ палатки, приносятъ сундуки и тутъ же на линейкѣ самымъ тщательнымъ образомъ провѣряется все содержимое (сундуки отсутствующихъ запечатывались и отправлялись въ цейхгаузъ). Нѣкоторые ротные и батальонные заставляли кой-кого изъ солдатъ раздѣваться до-нага, полковой командиръ Херсонскаго полка заставилъ раздѣть всѣхъ солдатъ своего полка. Въ каждомъ полку кое-что нашли и двадцать человѣкъ отправили на гауптвахту. Въ ночь на понедѣльникъ (8/9 августа) была общая облава. Многихъ не нашли на мѣстахъ — по большей части, унтеръ-офицеровъ, писарей, фельдшеровъ. Кого разжаловали, кого засадили подъ арестъ отъ 10 до 20 сутокъ. Рѣшили, видно, взять солдатиковъ въ ежевыя рукавицы: совершенно запрещены отлучки въ городъ, свиданія съ родными и знакомыми допускаются только въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ въ арестантскихъ ротахъ. Курьезъ: за естественными надобностями разрѣшается ходить только „командами“, т. е., по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, а отнюдь не въ одиночку.

Солдаты страшно возмущены. Предполагаютъ, что поводомъ для обыска послужилъ доносъ какого-то солдата.

Нужно ли еще добавлять, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ обыскъ „по-корпусно“? Солдатики закопошились, заговорили. Непосвященные, видя всю торжественность, всю помпу приготовленія къ обыску, воображали, что будетъ прочитанъ манифестъ, сообщена какая-нибудь „высочайшая милость“ и вдругъ… обыскъ. Нѣкоторые изъ „темныхъ“ разсказывали, что будто бы „студенты“ раздавали „телеграммы“, въ которыхъ написана правда, а начальство скрываетъ отъ солдатъ правду и, чтобы разыскать „телеграммы съ правдой“, устроило облаву. Разумѣется, „телеграммы съ правдой“ не заставили себя долго ждать, разъ было такое повышенно-чуткое настроеніе. Распространялись и усиленно циркулировали среди солдатъ такія бумажки, переданныя мѣстнымъ комитетомъ: „Война противъ войны“, „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“, „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“, „Уроки войны“, „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“.

Нѣкоторыя изъ этихъ бумажекъ до слезъ трогали солдатъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Стачка на Путиловскомъ заводѣ. 16 августа вспыхнула стачка на Путиловскомъ заводѣ въ кузнечной мастерской (1000 чел.). Главное требованіе: прибавка расцѣнковъ на 20 %. На Путиловскомъ заводѣ въ послѣднее время во всѣхъ мастерскихъ сильно понизились расцѣнки, а въ кузнечной и литейной особенно. Дѣлая сравненіе заработковъ за послѣдніе четыре года, мы видѣли, что уменьшился заработокъ въ 2 ½ раза! Производство не сокращено, хотя весной и былъ сокращенъ штатъ, но стали примѣнять въ широкомъ масштабѣ сверхурочныя работы. Весной послѣ Пасхи была стачка, расцѣнки немного увеличили, но лѣтомъ ихъ сбавили до minimum'а. Не такъ давно депутація отъ кузнецовъ ходила къ завѣдующему мастерской требовать прибавки, но была имъ выгнана. Теперь перехожу къ ходу стачки. Въ первый день директоръ не вышелъ къ рабочимъ; на второй день появились казаки, были спрятаны въ стѣнахъ завода полицейскіе, и уже подъ ихъ прикрытіемъ появился директоръ. Выходитъ депутатъ отъ рабочихъ — не желаетъ говорить съ ними.

„Товарищи! Онъ не желаетъ говорить съ вашимъ депутатомъ, чтожъ, идемъ отсюда“. Толпа начинаетъ расходиться. Увидя такое единодушіе, „онъ“ заговорилъ: „Не время, братцы, мутить, война теперь, пушки нужны, Куропаткинъ страдаетъ на войнѣ отъ недостатка орудій и вагонетокъ, не время теперь для бунта“. „Чертъ съ нимъ, съ Куропаткинымъ“, заглушается голосъ директора голосами изъ толпы. Директоръ обѣщаетъ все уладить. Въ тотъ же день говорилъ съ рабочими окружной фабричный инспекторъ, обѣщалъ, что расцѣнки будутъ къ 1 сентябрю прибавлены. Въ тотъ же самый день появилось объявленіе, что не ставшіе на работы будутъ уволены. На работу стали, но усиленно говорятъ о томъ, что теперь не дадутся ужъ въ обманъ, какъ весною, что если надуютъ, то стачка будетъ громадная. Арестовъ не было, хотя шпики изъ кожи лѣзли, чтобы выловить хотя одну сходку. Обсудивъ положеніе дѣлъ съ товарищами Путилов. завода, комитетъ рѣшилъ выпустить прокламацію.

Требованія слѣдующія: 1) повышеніе расцѣнокъ на 20 %, отмѣна сверхъурочныхъ работъ; 2) трудъ подростковъ (вѣрнѣе, дѣтей, такъ какъ тамъ работаютъ 11-12 лѣтъ) сократить до 6 часовъ въ день и не принимать меньше 15 лѣтъ; 3) Выборъ самими рабочими цеховыхъ старшинъ (теперь назначаются мастерами); 4) Не преслѣдовать бастовавшихъ; 5) Вѣжливаго обращенія со стороны администраціи.

Недовольство большое среди всѣхъ рабочихъ Путиловскаго завода и легко можно было бы вызвать всеобщую забастовку. Но пока комитетъ высказывается противъ этого. У обуховцевъ тоже большое недовольство. Тамъ недавно арестовали 6 чел. рабочихъ. У ткачей — сокращеніе производства и непомѣрная эксплуатація. Интересно, что сами рабочіе отмѣтили во время забастовки, что зубатовское общество, которое свиваетъ себѣ гнѣздо въ районѣ Пут. зав. и которое такъ усиленно трактовало объ экономической борьбѣ, теперь абсолютно уклонилось отъ борьбы, члены даже не участвовали въ рядахъ стачечниковъ.

Варшава. Намъ сообщаютъ, что 25 авг. въ Варшавѣ вспыхнула стачка строительныхъ рабочихъ, въ которой принимаетъ участіе 10,000 человѣкъ. Стачкой руководитъ Варшавскій комитетъ С.-Д. Ц. П. и Л. Требованія каменьщиковъ слѣдующія: 10-часовой рабочій день, повышеніе заработной платы до 25 коп. въ часъ для каменьщиковъ и до 8 коп. — для сподручныхъ, включеніе времени выдачи платы въ рабочее время, предоставленіе рабочимъ на всякой постройкѣ отдѣльнаго помѣщенія для храненія одежды и пищи, а также для защиты отъ непогоды, 9-часовой раб. день въ канунъ праздниковъ и др.

До объявленія стачки въ теченіи недѣли устроены были соціальдемократической организаціей за городомъ три собранія подъ открытымъ небомъ; устроенное въ первый день стачки собраніе было въ высшей степени удачно. Стачечники, собравшіеся въ большомъ числѣ на улицѣ Хлодной — своего рода биржа труда для каменьщиковъ — устно передавая другъ другу приглашеніе, направились въ предмѣстье Воля, гдѣ, такимъ образомъ, сошлась толпа человѣкъ въ 600. Двумя членами организаціи были произнесены рѣчи по поводу стачки, о положеніи каменьщиковъ и политическомъ безправіи рабочаго класса; ораторъ призывалъ стачечниковъ къ солидарности и стойкости, послѣ чего вся толпа подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ и восторженныхъ кликовъ въ честь соціальдемократіи, потекла назадъ къ городу. По пути къ шествію присоединялись рабочіе изъ окрестныхъ фабрикъ. Полиція предмѣстья ничего не могла сдѣлать, она совершенно потеряла голову. Единственное, что „мѣстныя“ власти могли сдѣлать, это дать знать по телефону варшавскому оберъ-полиціймейстеру о „революціи на Волѣ“, и возвращавшіеся рабочіе уже издали могли замѣтить около городской заставы изрядное количество казаковъ и городовыхъ. Стачечники предпочли, однако, разочаровать предупредительно поскакавшихъ имъ на встрѣчу казаковъ и полицейскихъ: рабочіе, прежде чѣмъ приблизиться къ заставѣ, успѣли по одиночкѣ и маленькими группами разсѣяться, такъ что „властямъ“ пришлось тоже разсѣяться, не солоно хлебавши.

Ростовъ н/Д. Кризисъ, какъ слѣдствіе войны, даетъ себя знать и въ Ростовѣ. Здѣсь онъ не принялъ пока острой формы, какъ въ Лодзи, Варшавѣ, но всѣ чувствуютъ, что онъ медленно, но неуклонно развертывается. Пока было лишь нѣсколько банкротствъ торговыхъ фирмъ; ожидаютъ, что число банкротствъ къ осени возрастетъ. Число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Крупныя промышленныя предпріятія, какъ табачныя фабрики (Кушнарева, Асмолова и др.), отправлявшія массу товаровъ на Дальній Востокъ, желѣзнодорожныя мастерскія Влад. жел. дороги постепенно сокращаютъ число рабочихъ. Дѣлается это и прямо, а чаще обходными путями. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ограничили выдачу „процентовъ“. Раньше рабочій могъ на поденную плату заработать 100% и все получалъ, теперь больше 40% не платятъ. На табачныхъ фабрикахъ практикуется иной способъ пониженія заработка: съ машинной работы переводятъ на ручную. Дѣлается это съ двойной цѣлью: во первыхъ, сократить производство, а во-вторыхъ, удерживать рабочихъ при фабрикѣ, не опасаясь, что въ нужный моментъ ихъ не окажется подъ рукою, и это достигается, при томъ же за счетъ заработка рабочихъ. Работница, зарабатывавшая раньше 70-75 коп., должна довольствоваться 30-40 коп. При малѣйшемъ недовольствѣ охотно даютъ разсчетъ.

Изъ всѣхъ промышленныхъ заведеній Ростова у одного только Пастухова (мех. зав.) много работы, и то исключительно котельной. Въ настоящее время у Пастухова на 700 чел. рабочихъ на заводѣ человѣкъ 500 однихъ котельщиковъ. Объясняется это срочными заказами на нѣсколько баржъ. Но вотъ заказы будутъ сданы и начнется разсчетъ, а пока котельщики работаютъ день и ночь. До чего призракъ безработицы тяготѣетъ теперь надъ умами рабочихъ, особенно выяснилось на массовкѣ изъ рабочихъ завода Пастухова, созванной со спеціальной задачей обсужденія вопроса о забастовкѣ. Съ горечью самимъ же рабочимъ пришлось тутъ сознаться, что, несмотря на много поводовъ для забастовки, несмотря на массу притѣсненій рабочихъ на заводѣ Пастухова, начиная съ грубаго обращенія и кончая нерегулярной двухнедѣльной расплатой и пр. и пр., — разсчитывать на солидарность рабочихъ нельзя. Большинство будетъ работать.

Но если въ данный моментъ — когда у массы живетъ еще надежда получить работишку или удержаться на своихъ мѣстахъ — общее настроеніе ростовскаго рабочаго приниженное, — то, по отношенію къ недалекому будущему, когда безработица разовьется широкой волной, когда не будетъ мѣста вышеуказанной надеждѣ, можно почти навѣрное утверждать, что оно чревато крупными событіями. Ростовскіе рабочіе пережили ноябрьскіе и мартовскіе дни, и они не забыли ихъ. И если тогда „бунтъ противъ правительства“ гналъ всѣхъ на улицу, то въ недалекомъ будущемъ „бунтъ за кусокъ хлѣба“ будетъ служить лозунгомъ. Мѣстной организаціи останется только сдѣлать и его „бунтомъ противъ правительства“… и противъ капиталистическаго общества.

Юзовка. „Русская Бельгія“, какъ называютъ нашъ горнопромышленный районъ, въ духовномъ отношеніи и съ точки зрѣнія темпа общественной жизни недалеко ушла впередъ отъ самыхъ глухихъ уголковъ всетерпящей матушки Россіи. Отзывчивой и мало-мальски оригинально мыслящей политически интеллигенціи здѣсь почти совершенно нѣтъ, не больше, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городишкѣ. Сознательныхъ пролетаріевъ, живо реагирующихъ на всѣ явленія нашей политической жизни, разумѣется, много, и во всякомъ другомъ, менѣе значительномъ промышленномъ центрѣ они составляли бы силу. Здѣсь же они тонутъ въ громадной массѣ совершенно сѣрыхъ шахтеровъ, вѣчно переходящихъ изъ деревни въ шахту и изъ шахты въ деревню. Въ этомъ весь трагизмъ нашего положенія. Въ другихъ мѣстностяхъ, при меньшемъ даже процентѣ дѣйствительно сознательныхъ рабочихъ, но при наличности массы, хотя бы только слегка наслышавшейся и съагитированной, сознательному меньшинству гораздо легче дается руководство. Любознательности же и готовности воспринять агитацію у шахтеровъ очень много. Товарищи, которые въ послѣднее время отправлялись съ листками, буквально перехватывались у порога и не успѣвали донести листки до назначеннаго мѣста. Ихъ вырывали изъ рукъ. Какъ бы то ни было число дѣйствительно организованныхъ еще незначительно, и организація потому слаба. Вполнѣ понятно поэтому, какая благодарная у насъ здѣсь почва для предпринимательскаго экономическаго и полицейско-политическаго гнета. Оба врага русскаго пролетарія отлично понимаютъ эти преимущества своего положенія и пользуются ими со свойственной русскому живодеру наглостью. Экономически здѣшній пролетаріатъ явно распадается на три группы: 1) рабочіе городскихъ мастерскихъ и мелкихъ заводовъ; 2) около двѣнадцати тысячъ рабочихъ завода Юза; 3) громадная масса рабочихъ на непосредственно прилегающихъ и окрестныхъ шахтахъ. Эти послѣдніе, какъ наименѣе сознательные, лишь въ самой незначительной долѣ организованные, находятся въ самомъ тяжеломъ положеніи. Лучшей иллюстраціей можетъ служить такой фактъ: на трехъ шахтахъ, изъ которыхъ крайнія отстоятъ другъ отъ друга на 15 верстъ, поденная плата забойщику колеблется отъ 90 коп. до 2 р. 50 к. Еще ярче сказывается полная безпомощность шахтера въ его борьбѣ съ эксплуататорами при несчастныхъ случаяхъ, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одинъ день. Безцеремонность, съ которой ведутъ себя наши кормильцы, положительно достойна пера художника. И въ этомъ отношеніи самый мелкій арендный владѣлецъ какой-нибудь шахты и милліонеры Юзы — совершенно одинаковы. Новый законъ объ увѣчныхъ, который они поняли не какъ ловкій маневръ и самую обыкновенную ложь правительства, а какъ дѣйствительную измѣну ихъ всегдашняго покровителя[1], эти господа называютъ прямымъ грабежемъ и, при помощи полиціи, преблагополучно обходятъ. Фактически уже бывали такіе случаи, что у Юза рабочему, которому оторвало палецъ, выдавали желѣзнодорожный билетъ, 10 рублей денегъ и отправляли его на родину. Дѣлалось это съ такимъ апломбомъ, что рабочій не рѣшался и пикнуть. Въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ откровенный торгъ и не менѣе откровенныя угрозы быстро заставляютъ неопытнаго и не видящаго за своей спиной никакой поддержки рабочаго сдаться. Пройдите вы въ обѣденное время или вечеромъ мимо главной конторы директора Юза и вы всегда увидите тамъ толпу увѣчныхъ или ихъ женъ, съ тоской ожидающихъ своей участи. Нерѣдко вы услышите такой разговоръ какого-нибудь калѣки: „А онъ мнѣ и говоритъ: бери, говоритъ, 300 руб. за ногу, а не хочешь — судись!“

Положеніе рабочихъ на заводѣ немногимъ лучше. Бывали такіе случаи, когда рабочіе дружно отстаивали свои интересы и потому начальство уже обращается съ ними осторожнѣе, чѣмъ на шахтахъ. Но организованной силы за рабочими и прежде всего единодушія между отдѣльными мастерскими[2] и цехами начальство не чувствуетъ и потому при всякомъ удобномъ случаѣ старается прижать рабочаго не хуже шахтовладѣльца. При увѣчьяхъ тѣ же излюбленные пріемы, очень развитая система штрафовъ и пр. Что же касается продолжительности рабочаго времени, то въ этомъ отношеніи для завода, повидимому, никакихъ законовъ не существуетъ. Если мастеръ приказываетъ рабочему, проработавшему цѣлый день, остаться еще и на ночь, то ни о какихъ возраженіяхъ не можетъ быть и рѣчи — иначе разсчетъ. И такая работа — двѣ смѣны подрядъ — явленіе вовсе не рѣдкое, но даже обычное, бываютъ же случаи работы даже три смѣны подрядъ. При этомъ работа крайне напряженная, что достигается вѣчными угрозами, штрафами и руганью. Такіе полицейски-кулачные таланты, какъ, напр., мастеръ Рудаковъ и монтеръ Токаревъ, прямо изощрялись въ искусствѣ выжимать послѣдніе соки изъ живой рабочей машины. Къ вечеру рабочіе совершенно истощены, и недавно былъ случай, когда рабочій Хайчинъ пошелъ послѣ работы выкупаться въ прудѣ и утонулъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, хотя умѣлъ плавать. А вотъ еще примѣръ того, какъ начальство смотритъ у насъ на рабочихъ. На „старой вальцовкѣ“ предложили слесарю сдѣлать какую-то починку у машины, стоя на тонкихъ трясущихся доскахъ надъ громадными вертящимися шестернями. Когда онъ отказался такъ сумасбродно рисковать своею жизнью, его уволили и съ нимъ пять поддерживавшихъ его товарищей. Случай этотъ совпалъ съ уничтоженіемъ аккорда въ механическомъ цехѣ, т. е. съ уменьшеніемъ средняго заработка слесаря съ 2 руб. на 1 р. 20 к. Рабочіе и безъ того волновались, въ воздухѣ пахло стачкой, и уволенныхъ всѣхъ приняли обратно въ другіе цехи.

Городскіе рабочіе въ общемъ дружнѣе и стачки у нихъ проходили удачно, но предпріятія эти мелки и хозяева зорко слѣдятъ за тѣми, кто раньше въ чемъ былъ замѣченъ, и ловко стараются выжить такихъ изъ города. Среди пекарей, портныхъ и пр. есть такіе, которые уже совсѣмъ потеряли надежду прочно устроиться въ какой-либо мастерской и кормятся только благодаря тому, что въ нихъ нуждаются и время отъ времени тотъ или другой хозяинъ даетъ имъ временную работу. Сейчасъ застой въ дѣлахъ мелкихъ предпріятій уже начался и кризисъ не за горами.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, какой характеръ здѣсь носитъ собственно политическое движеніе: оно растетъ экстенсивно. Для активныхъ проявленій и протестовъ разница между сознательной частью городскихъ и заводскихъ рабочихъ, съ одной стороны, и сѣрой толпой шахтеровъ и доменщиковъ — съ другой, еще слишкомъ велика. Нельзя упускать изъ виду и еще одно обстоятельство: пролетаріатъ здѣсь, можетъ быть, такъ, какъ нигдѣ болѣе въ Россіи, предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Революціонной интеллигенціи совершенно нѣтъ. Нѣтъ, поэтому, и связей съ либеральной буржуазіей. Доходы организаціи составляются исключительно изъ скромныхъ лептъ самихъ работниковъ. Понятно, поэтому, также, почему мы и здѣсь чувствуемъ хроническую и при томъ острую нужду въ пропагандистахъ для нашихъ кружковъ и въ ораторахъ для нашихъ собраній. Всѣ, кто обладаетъ этими способностями, разрываются на части и все таки не успѣваютъ удовлетворить весь спросъ. Этимъ же объясняется, почему провалы у насъ всегда вызываютъ, если не пріостановку, то все же временное сокращеніе движенія. Литературный голодъ истекшаго года, терпимый еще въ мѣстахъ съ большими пропагандистскими силами, для насъ былъ особенно тяжелъ. Вся масса рабочихъ, не смогшая войти въ кружки, слышала живое слово только на „массовкахъ“.

— О томъ же, какъ именно теперь возросъ интересъ къ чисто политическимъ вопросамъ, и говорить нечего. О войнѣ всѣ хотятъ слышать правду. И у насъ здѣсь съ самаго начала войны того общественнаго разврата, который эта война внесла въ общественную жизнь нѣкоторыхъ другихъ городовъ, совершенно не было замѣтно. Патріотическія манифестаціи, если можно такъ назвать оркестръ казачьей музыки, за которымъ бѣжитъ сотня мальчиковъ и пьяныхъ, встрѣчались насмѣшками. Стройна и многочисленна была только одна февральская манифестація *сіонистовъ*. Нерѣдко отъ рабочихъ, далеко не передовыхъ, которымъ это никто не объяснялъ, вы можете услышать мнѣніе, что война эта должна привести къ гибели самодержавія.

Не дремлетъ у насъ, разумѣется, и полиція. Въ мартѣ она проэктировала погромъ. Ея агенты и босяки очень откровенно о немъ разговаривали, но отвѣты организованныхъ рабочихъ были также откровенны и рѣшительны — и полиція отказалась отъ своихъ плановъ.

Набѣги свои она дѣлаетъ постоянно, но нельзя сказать чтобы удачно. Въ концѣ марта она сдѣлала большой набѣгъ, обыскала и арестовала массу лицъ, изъ которыхъ большую часть немедленно выпустила, а остальныхъ освобождаетъ постепенно теперь, при чемъ имъ выдаютъ на руки и паспорта, такъ какъ прокуратура отъ обвиненія отказалась. Въ іюнѣ арестованы одинъ городской рабочій (сидитъ сейчасъ въ Луганскѣ), одинъ рабочій съ рудника (выпущенъ въ іюлѣ) и одна дѣвица (выпущена черезъ нѣсколько дней). Въ послѣднее время арестованы рабочіе Малкинъ и Платовъ и приказчикъ Подольскій (сидятъ), обысканъ былъ рабочій Левандовскій. И это несмотря на то, что добровольный сыскъ, которымъ занимаются здѣсь почтенные бюргеры, у насъ крайне развитъ, а наши сатрапы Бабичевъ и Андрейченко даже отъ подобранныхъ на улицѣ пьяныхъ пытаются узнать что-нибудь о крамолѣ.

10 августа 1904 г.

Иваново-Вознесенскъ. Подвиги казаковъ. Опричнина еще не перевелась на Руси. По улицамъ Иванова-Вознесенска разъѣзжаютъ конные казаки, по два и по три. Любимое ихъ занятіе — отбирать деньги у играющихъ на улицахъ въ „орлянку“ или „кости“. Галопомъ налетаютъ они на группу играющихъ, которые разсыпаются въ разныя стороны, и забираютъ оставленныя на песку деньги (иногда до десяти рублей). Однажды по той же улицѣ, гдѣ играли, шелъ рабочій. Играющіе, при появленіи казаковъ, по обыкновенію, разбѣжались. Рабочій шелъ спокойно впередъ. „Это что за храбрецъ нашелся?“ — крикнулъ одинъ казакъ. Оба казака наѣхали на рабочаго, приперли его лошадьми къ забору и отдавили ему ногу такъ, что онъ почти потерялъ сознаніе. „Знай нашихъ!“ — только и всего. Двѣ недѣли пролежалъ рабочій въ больницѣ и до сихъ поръ нога его сильно болитъ.

Трое рабочихъ въ кустахъ расположились съ бутылкой водки. Недалеко 12 казаковъ прокашивали траву для своихъ лошадей. Одинъ казакъ подходитъ и требуетъ налить ему стаканъ. „Пошелъ ты къ…!“ — отвѣчаетъ рабочій. Казакъ беретъ *всю* бутылку и уходитъ. Загорѣлось сердце у ребятъ. Побѣжали слѣдомъ, дали „раза“ казаку и отняли бутылку. Явилась вся дюжина опричниковъ, снова отняли водку, избили всѣхъ троихъ и представили въ городъ полиціймейстеру.

„Вотъ они, демократы, сидятъ въ кустахъ и что то непотребное читаютъ!“. Сдѣлали у нихъ обыскъ, ничего не нашли и отпустили избитыхъ домой.

Жандармы — агитаторы. Печатаемый ниже документъ является очень характернымъ свидѣтельствомъ того, какъ правительственные агенты, усердствуя въ искорененіи крамолы, содѣйствуютъ намъ, соціальдемократамъ. Это — письмо, посланное мѣстнымъ рабочимъ Иваново-Вознесенскому жандарму Тимофееву, когда его за неспособность перевели въ Суздаль. Замѣнившій его новый офицеръ, кажется, еще менѣе способенъ оправдать надежды начальства. На сколько онъ ловокъ въ своихъ пріемахъ видно изъ того, что при немъ казаки стали разъѣзжать по окрестнымъ дорогамъ и распрашивать у проходящихъ, гдѣ можно найти „демократовъ“: „начальство де велѣло достать, а мы не знаемъ“. Съ такими вопросами обращались, между прочимъ, и къ самимъ „демократамъ“, возвращавшимся со сходки.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОЗНАТЕЛЬНЫМЪ.

Г-нъ Тимофеевъ! Какъ я вамъ благодаренъ! Вы открыли мнѣ глаза. Припомните, за что вы арестовали меня первый разъ? Я, право, и самъ не знаю! Такъ-то, многоуважаемый, вы являетесь истребителемъ крамолы! Намъ нужны люди, арестуйте, пожалуйста арестуйте больше молодежи! Какъ сейчасъ помню я свой первый арестъ. Пришли жандармы, произвели обыскъ, ничего не нашли, взяли меня и бросили въ будку. Четыре дня провалялся я тамъ голодный, въ грязной тѣсной конурѣ, спалъ на голомъ полу, на которомъ было много навоза. Я терпѣливо переносилъ эту пытку и думалъ, думалъ, думалъ… Наконецъ потребовали къ допросу. Тамъ съ удивленіемъ услышалъ я такія вещи, о которыхъ прежде не имѣлъ понятія, — и заинтересовался. Я ни въ чемъ не сознался, такъ какъ ничего не зналъ и меня отвезли въ тюрьму. Тамъ я увидѣлъ всѣ прелести тюремной жизни: терпѣніе истощилось, — и вознегодовалъ… Товарищи по заключенію объяснили мнѣ въ чемъ дѣло и, какъ бы въ насмѣшку, меня освободили. Я шелъ въ тюрьму, не зналъ за что, а вышелъ вполнѣ сознательнымъ человѣкомъ. — Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ! Съ тѣхъ поръ я увидѣлъ свѣтъ и теперь буду жить и стремиться къ этому свѣту! Когда я былъ арестованъ второй разъ, для меня это было не удивительно, тогда, сидя въ тюрьмѣ, я чувствовалъ себя героемъ; и когда меня допрашивали, я скорѣе позволилъ бы умертвить себя, чѣмъ кого либо выдать. И такъ, г-нъ Тимофеевъ, съ вашей легкой руки я принялся за то, что вы съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуете. Удивительна ваша тактика, одной рукой вырываете, другой — засѣваете. Съ такой тактикой вамъ будетъ работы на всю жизнь, да еще потомству кое-что на память останется. Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ!!!

---

[1] Недавно одинъ шахтовладѣлецъ въ частномъ разговорѣ сказалъ: „Они теперь, подлецы, нарочно въ мастерской „трепака“ пляшутъ, чтобы себѣ колѣно зашибить и за увѣчье деньги получить.

[2] Такъ, напр., въ прошломъ году была стачка доменщиковъ, не удавшаяся потому, что остальные цехи не пристали.

Солдаты страшно возмущены. Предполагаютъ, что поводомъ для обыска послужилъ доносъ какого-то солдата.

Нужно ли еще добавлять, какое громадное значенie имѣлъ этотъ обыскъ „по-корпусно“? Солдатики закопошились, заговорили. Непосвященные, видя всю торжественность, всю помпу приготовленія къ обыску, воображали, что будетъ прочитанъ манифестъ, сообщена какая-нибудь „высочайшая милость“ и вдругъ... обыскъ. Нѣкоторые изъ „темныхъ“ разсказывали, что будто бы „студенты“ раздавали „телеграммы“, въ которыхъ написана правда, а начальство скрываетъ отъ солдатъ правду и, чтобы разыскать „телеграммы съ правдой“, устроило облаву. Разумѣется, „телеграммы съ правдой“ не заставили себя долго ждать, разъ было такое повышенно-чуткое настроенie. Распространялись и усиленно циркулировали среди солдатъ такія бумажки, переизданныя мѣстнымъ комитетомъ: „Война противъ войны“, „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“, „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“, „Уроки войны“, „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“.

Нѣкоторыя изъ этихъ бумажекъ до слезъ трогали солдатъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Стачка на Путиловскомъ заводѣ. 16 августа вспыхнула стачка на Путиловскомъ заводѣ въ кузнечной мастерской (1000 чел.). Главное требованіе: прибавка расцѣнковъ на 20 %. На Путиловскомъ заводѣ въ послѣднее время во всѣхъ мастерскихъ сильно понизились расцѣнки, а въ кузнечной и литейной особенно. Дѣлая сравненіе заработковъ за послѣдніе четыре года, мы видѣли, что уменьшился заработокъ въ 2 ½ раза! Производство не сокращено, хотя весной и былъ сокращенъ штатъ, но стали примѣнять въ широкомъ масштабѣ сверхурочныя работы. Весной послѣ Пасхи была стачка, расцѣнки немного увеличили, но лѣтомъ ихъ сбавили до minimum'а. Не такъ давно депутація отъ кузнецовъ ходила къ завѣдующему мастерской требовать прибавки, но была имъ выгнана. Теперь перехожу къ ходу стачки. Въ первый день директоръ не вышелъ къ рабочимъ; на второй день появились казаки, были спрятаны въ стѣнахъ завода полицейскіе, и уже подъ ихъ прикрытіемъ появился директоръ. Выходитъ депутатъ отъ рабочихъ — не желаетъ говорить съ ними.

„Товарищи! Онъ не желаетъ говорить съ вашимъ депутатомъ, чтожъ, идемъ отсюда“. Толпа начинаетъ расходиться. Увидя такое единодушіе, „онъ“ заговорилъ: „Не время, братцы, мутить, война теперь, пушки нужны, Куропаткинъ страдаетъ на войнѣ отъ недостатка орудій и вагонетокъ, не время теперь для бунта“. „Чертъ съ нимъ, съ Куропаткинымъ“, заглушается голосъ директора голосами изъ толпы. Директоръ обѣщаетъ все уладить. Въ тотъ же день говорилъ съ рабочими окружной фабричный инспекторъ, обѣщалъ, что расцѣнки будутъ къ 1 сентябрю прибавлены. Въ тотъ же самый день появилось объявленіе, что не ставшіе на работы будутъ уволены. На работу стали, но усиленно говорятъ о томъ, что теперь не дадутся ужъ въ обманъ, какъ весною, что если надуютъ, то стачка будетъ громадная. Арестовъ не было, хотя шпики изъ кожи лѣзли, чтобы выловить хотя одну сходку. Обсудивъ положеніе дѣлъ съ товарищами Путилов. завода, комитетъ рѣшилъ выпустить прокламацію.

Требованія слѣдующія: 1) повышеніе расцѣнокъ на 20 %, отмѣна сверхъурочныхъ работъ; 2) трудъ подростковъ (вѣрнѣе, дѣтей, такъ какъ тамъ работаютъ 11-12 лѣтъ) сократить до 6 часовъ въ день и не принимать меньше 15 лѣтъ; 3) Выборъ самими рабочими цеховыхъ старшинъ (теперь назначаются мастерами); 4) Не преслѣдовать бастовавшихъ; 5) Вѣжливаго обращенія со стороны администраціи.

Недовольство большое среди всѣхъ рабочихъ Путиловскаго завода и легко можно было бы вызвать всеобщую забастовку. Но пока комитетъ высказывается противъ этого. У обуховцевъ тоже большое недовольство. Тамъ недавно арестовали 6 чел. рабочихъ. У ткачей — сокращеніе производства и непомѣрная эксплуатація. Интересно, что сами рабочіе отмѣтили во время забастовки, что зубатовское общество, которое свиваетъ себѣ гнѣздо въ районѣ Пут. зав. и которое такъ усиленно трактовало объ экономической борьбѣ, теперь абсолютно уклонилось отъ борьбы, члены даже не участвовали въ рядахъ стачечниковъ.

Варшава. Намъ сообщаютъ, что 25 авг. въ Варшавѣ вспыхнула стачка строительныхъ рабочихъ, въ которой принимаетъ участіе 10,000 человѣкъ. Стачкой руководитъ Варшавскій комитетъ С.-Д. Ц. П. и Л. Требованія каменьщиковъ слѣдующія: 10-часовой рабочій день, повышеніе заработной платы до 25 коп. въ часъ для каменьщиковъ и до 8 коп. — для подручныхъ, включеніе времени выдачи платы въ рабочее время, предоставленіе рабочимъ на всякой постройкѣ отдѣльнаго помѣщенія для храненія одежды и пищи, а также для защиты отъ непогоды, 9-часовой раб. день въ канунъ праздниковъ и др.

До объявленія стачки въ теченіи недѣли устроены были соціальдемократической организаціей за городомъ три собранія подъ открытымъ небомъ; устроенное въ первый день стачки собраніе было въ высшей степени удачно. Стачечники, собравшіеся въ большомъ числѣ на улицѣ Хлодной — своего рода биржа труда для каменьщиковъ — устно передавая другъ другу приглашеніе, направились въ предмѣстье Воля, гдѣ, такимъ образомъ, сошлась толпа человѣкъ въ 600. Двумя членами организаціи были произнесены рѣчи по поводу стачки, о положеніи каменьщиковъ и политическомъ безправіи рабочаго класса; ораторъ призывалъ стачечниковъ къ солидарности и стойкости, послѣ чего вся толпа подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ и восторженныхъ кликовъ въ честь соціальдемократіи, потекла назадъ къ городу. По пути къ шествію присоединялись рабочіе изъ окрестныхъ фабрикъ. Полиція предмѣстья ничего не могла сдѣлать, она совершенно потеряла голову. Единственное, что „мѣстныя“ власти могли сдѣлать, это дать знать по телефону варшавскому оберъ-полиціймейстеру о „революціи на Волѣ“, и возвращавшіеся рабочіе уже издали могли замѣтить около городской заставы изрядное количество казаковъ и городовыхъ. Стачечники предпочли, однако, разочаровать предупредительно поскакавшихъ имъ на встрѣчу казаковъ и полицейскихъ: рабочіе, прежде чѣмъ приблизиться къ заставѣ, успѣли по одиночкѣ и маленькими группами разсѣяться, такъ что „властямъ“ пришлось тоже разсѣяться, не солоно хлебавши.

Ростовъ н. Д. Кризисъ, какъ слѣдствіе войны, даетъ себя знать и въ Ростовѣ. Здѣсь онъ не принялъ пока острой формы, какъ въ Лодзи, Варшавѣ, но всѣ чувствуютъ, что онъ медленно, но неуклонно развертывается. Пока было лишь нѣсколько банкротствъ торговыхъ фирмъ; ожидаютъ, что число банкротствъ къ осени возрастетъ. Число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Крупныя промышленныя предпріятія, какъ табачныя фабрики (Кушнарева, Асмолова и др.), отправлявшія массу товаровъ на Дальній Востокъ, желѣзнодорожныя мастерскія Влад. жел. дороги постепенно сокращаютъ число рабочихъ. Дѣлается это и прямо, а чаще обходными путями. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ограничили выдачу „процентовъ“. Раньше рабочій могъ на поденную плату заработать 100% и всѣ получалъ, теперь больше 40% не платятъ. На табачныхъ фабрикахъ практикуется иной способъ пониженія заработка: съ машинной работы переводятъ на ручную. Дѣлается это съ двойной цѣлью: во-первыхъ, сократить производство, а во-вторыхъ, удерживать рабочихъ при фабрикѣ, не опасаясь, что въ нужный моментъ ихъ не окажется подъ рукою, и это достигается, при томъ же за счетъ заработка рабочихъ. Работница, зарабатывавшая раньше 70-75 коп., должна довольствоваться 30-40 коп. При малѣйшемъ недовольствѣ охотно даютъ расчетъ.

Изъ всѣхъ промышленныхъ заведеній Ростова у одного только Пастухова (мех. зав.) много работы, и то исключительно котельной. Въ настоящее время у Пастухова на 700 чел. рабочихъ на заводѣ человѣкъ 500 однихъ котельщиковъ. Объясняется это срочными заказами на нѣсколько баржъ. Но вотъ заказы будутъ сданы и начнется разсчетъ, а пока котельщики работаютъ день и ночь. До чего призракъ безработицы тяготѣетъ теперь надъ умами рабочихъ, особенно выяснилось на массовкѣ изъ рабочихъ завода Пастухова, созванной со спеціальной задачей обсужденія вопроса о забастовкѣ. Съ горечью самимъ же рабочимъ пришлось тутъ сознаться, что, несмотря на много поводовъ для забастовки, несмотря на массу притѣсненій рабочихъ на заводѣ Пастухова, начиная съ грубаго обращенія и кончая нерегулярной двухнедѣльной расплатой и пр. и пр., — разсчитывать на солидарность рабочихъ нельзя. Большинство будетъ работать.

Но если въ данный моментъ — когда у массы живетъ еще надежда получить работишку или удержаться на своихъ мѣстахъ — общее настроеніе ростовскаго рабочаго приниженное, — то, по отношенію къ недалекому будущему, когда безработица разовьется широкой волной, когда не будетъ мѣста вышеуказанной надеждѣ, можно почти навѣрное утверждать, что оно чревато крупными событіями. Ростовскіе рабочіе пережили ноябрьскіе и мартовскіе дни, и они не забыли ихъ. И если тогда „бунтъ противъ правительства“ гналъ всѣхъ на улицу, то въ недалекомъ будущемъ „бунтъ за кусокъ хлѣба“ будетъ служить лозунгомъ. Мѣстной организаціи останется только сдѣлать и его „бунтомъ противъ правительства“... и противъ капиталистическаго общества.

Юзовка. „Русская Бельгія“, какъ называютъ нашъ горнопромышленный районъ, въ духовномъ отношеніи и съ точки зрѣнія темпа общественной жизни недалеко ушла впередъ отъ самыхъ глухихъ уголковъ всетерпящей матушки Россіи. Отзывчивой и мало-мальски оригинально мыслящей политически интеллигенціи здѣсь почти совершенно нѣтъ, не больше, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городишкѣ. Сознательныхъ пролетаріевъ, живо реагирующихъ на всѣ явленія нашей политической жизни, разумѣется, много, и во всякомъ другомъ, менѣе значительномъ промышленномъ центрѣ они составляли бы силу. Здѣсь же они тонутъ въ громадной массѣ совершенно сѣрыхъ шахтеровъ, вѣчно переходящихъ изъ деревни въ шахту и изъ шахты въ деревню. Въ этомъ весь трагизмъ нашего положенія. Въ другихъ мѣстностяхъ, при меньшемъ даже процентѣ дѣйствительно сознательныхъ рабочихъ, но при наличности массы, хотя бы только слегка наслышавшейся и съагитированной, сознательному меньшинству гораздо легче дается руководство. Любознательности же и готовности воспринять агитацію у шахтеровъ очень много. Товарищи, которые въ послѣднее время отправлялись съ листками, буквально перехватывались у порога и не успѣвали донести листки до назначеннаго мѣста. Ихъ вырывали изъ рукъ. Какъ бы то ни было число дѣйствительно организованныхъ еще незначительно, и организація потому слаба. Вполнѣ понятно поэтому, какая благодарная у насъ здѣсь почва для предпринимательскаго экономическаго и полицейско-политическаго гнета. Оба врага русскаго пролетарія отлично понимаютъ эти преимущества своего положенія и пользуются ими со свойственной русскому живодеру наглостью. Экономически здѣшній пролетаріатъ явно распадается на три группы: 1) рабочіе городскихъ мастерскихъ и мелкихъ заводовъ; 2) около двѣнадцати тысячъ рабочихъ завода Юза; 3) громадная масса рабочихъ на непосредственно прилегающихъ и окрестныхъ шахтахъ. Эти послѣдніе, какъ наименѣе сознательные, лишь въ самой незначительной долѣ организованные, находятся въ самомъ тяжеломъ положеніи. Лучшей иллюстраціей можетъ служить такой фактъ: на трехъ шахтахъ, изъ которыхъ крайнія отстоятъ другъ отъ друга на 15 верстъ, поденная плата забойщику колеблется отъ 90 коп. до 2 р. 50 к. Еще ярче сказывается полная безпомощность шахтера въ его борьбѣ съ эксплуататорами при несчастыхъ случаяхъ, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одинъ день. Безцеремонность, съ которой ведутъ себя наши кормильцы, положительно достойна пера художника. И въ этомъ отношеніи самый мелкій арендный владѣлецъ какой-нибудь шахты и миллионеры Юзы — совершенно одинаковы. Новый законъ объ увѣчныхъ, который они поняли не какъ ловкій маневръ и самую обыкновенную ложь правительства, а какъ дѣйствительную измѣну ихъ всегдашняго покровителя[1], эти господа называютъ прямымъ грабежемъ и, при помощи полиціи, преблагополучно обходятъ. Фактически уже бывали такіе случаи, что у Юза рабочему, которому оторвало палецъ, выдавали желѣзнодорожный билетъ, 10 рублей денегъ и отправляли его на родину. Дѣлалось это съ такимъ апломбомъ, что рабочій не рѣшался и пикнуть. Въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ откровенный торгъ и не менѣе откровенныя угрозы быстро заставляютъ неопытнаго и не видящаго за своей спиной никакой поддержки рабочаго сдаться. Пройдите вы въ обѣденное время или вечеромъ мимо главной конторы директора Юза и вы всегда увидите тамъ толпу увѣчныхъ или ихъ женъ, съ тоской ожидающихъ своей участи. Нерѣдко вы услышите такой разговоръ какого-нибудь калѣки: „А онъ мнѣ и говоритъ: бери, говоритъ, 300 руб. за ногу, а не хочешь — судись!“

Положеніе рабочихъ на заводѣ немногимъ лучше. Бывали такіе случаи, когда рабочіе дружно отстаивали свои интересы и потому начальство уже обращается съ ними осторожнѣе, чѣмъ на шахтахъ. Но организованной силы за рабочими и прежде всего единодушія между отдѣльными мастерскими[2] и цехами начальство не чувствуетъ и потому при всякомъ удобномъ случаѣ старается прижать рабочаго не хуже шахтовладѣльца. При увѣчьяхъ тѣ же излюбленные пріемы, очень развитая система штрафовъ и пр. Что же касается продолжительности рабочаго времени, то въ этомъ отношеніи для завода, повидимому, никакихъ законовъ не существуетъ. Если мастеръ приказываетъ рабочему, проработавшему цѣлый день, остаться еще и на ночь, то ни о какихъ возраженіяхъ не можетъ быть и рѣчи — иначе разсчетъ. И такая работа — двѣ смѣны подрядъ — явленіе вовсе не рѣдкое, но даже обычное, бываютъ же случаи работы даже три смѣны подрядъ. При этомъ работа крайне напряженная, что достигается вѣчными угрозами, штрафами и руганью. Такіе полицейски-кулачные таланты, какъ, напр., мастеръ Рудаковъ и монтеръ Токаревъ, прямо изощрялись въ искусствѣ выжимать послѣдніе соки изъ живой рабочей машины. Къ вечеру рабочіе совершенно истощены, и недавно былъ случай, когда рабочій Хайкинъ пошелъ послѣ работы выкупаться въ прудѣ и утонулъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, хотя умѣлъ плавать. А вотъ еще примѣръ того, какъ начальство смотритъ у насъ на рабочихъ. На „старой вальцовкѣ“ предложили слесарю сдѣлать какую-то починку у машины, стоя на тонкихъ трясущихся доскахъ надъ громадными вертящимися шестернями. Когда онъ отказался такъ сумасбродно рисковать своею жизнью, его уволили и съ нимъ пять поддерживавшихъ его товарищей. Случай этотъ совпалъ съ уничтоженіемъ аккорда въ механическомъ цехѣ, т. е. съ уменьшеніемъ средняго заработка слесаря съ 2 руб. на 1 р. 20 к. Рабочіе и безъ того волновались, въ воздухѣ пахло стачкой, и уволенныхъ всѣхъ приняли обратно въ другіе цехи.

Городскіе рабочіе въ общемъ дружнѣе и стачки у нихъ проходили удачно, но предпріятія эти мелки и хозяева зорко слѣдятъ за тѣми, кто раньше въ чемъ былъ замѣченъ, и ловко стараются выжить такихъ изъ города. Среди пекарей, портныхъ и пр. есть такіе, которые уже совсѣмъ потеряли надежду прочно устроиться въ какой-либо мастерской и кормятся только благодаря тому, что въ нихъ нуждаются и время отъ времени тотъ или другой хозяинъ даетъ имъ временную работу. Сейчасъ застой въ дѣлахъ мелкихъ предпріятій уже начался и кризисъ не за горами.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, какой характеръ здѣсь носитъ собственно политическое движеніе: оно растетъ экстенсивно. Для активныхъ проявленій и протестовъ разница между сознательной частью городскихъ и заводскихъ рабочихъ, съ одной стороны, и сѣрой толпой шахтеровъ и доменщиковъ — съ другой, еще слишкомъ велика. Нельзя упускать изъ виду и еще одно обстоятельство: пролетаріатъ здѣсь, можетъ быть, такъ, какъ нигдѣ болѣе въ Россіи, предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Революціонной интеллигенціи совершенно нѣтъ. Нѣтъ, поэтому, и связей съ либеральной буржуазіей. Доходы организаціи составляются исключительно изъ скромныхъ лептъ самихъ работниковъ. Понятно, поэтому, также, почему мы и здѣсь чувствуемъ хроническую и при томъ острую нужду въ пропагандистахъ для нашихъ кружковъ и въ ораторахъ для нашихъ собраній. Всѣ, кто обладаетъ этими способностями, разрываются на части и все таки не успѣваютъ удовлетворить весь спросъ. Этимъ же объясняется, почему провалы у насъ всегда вызываютъ, если не пріостановку, то все же временное сокращеніе движенія. Литературный голодъ истекшаго года, терпимый еще въ мѣстахъ съ большими пропагандистскими силами, для насъ былъ особенно тяжелъ. Вся масса рабочихъ, не смогшая войти въ кружки, слышала живое слово только на „массовкахъ“.

О томъ же, какъ именно теперь возросъ интересъ къ чисто политическимъ вопросамъ, и говорить нечего. О войнѣ всѣ хотятъ слышать правду. И у насъ здѣсь съ самаго начала войны того общественнаго разврата, который эта война внесла въ общественную жизнь нѣкоторыхъ другихъ городовъ, совершенно не было замѣтно. Патріотическія манифестаціи, если можно такъ назвать оркестръ казачьей музыки, за которымъ бѣжитъ сотня мальчиковъ и пьяныхъ, встрѣчались насмѣшками. Стройна и многочисленна была только одна февральская манифестація *сіонистовъ*. Нерѣдко отъ рабочихъ, далеко не передовыхъ, которымъ это никто не объяснялъ, вы можете услышать мнѣніе, что война эта должна привести къ гибели самодержавія.

Не дремлетъ у насъ, разумѣется, и полиція. Въ мартѣ она проэктировала погромъ. Ея агенты и босяки очень откровенно о немъ разговаривали, но отвѣты организованныхъ рабочихъ были также откровенны и рѣшительны — и полиція отказалась отъ своихъ плановъ.

Набѣги свои она дѣлаетъ постоянно, но нельзя сказать чтобы удачно. Въ концѣ марта она сдѣлала большой набѣгъ, обыскала и арестовала массу лицъ, изъ которыхъ большую часть немедленно выпустила, а остальныхъ освобождаетъ постепенно теперь, при чемъ имъ выдаютъ на руки и паспорта, такъ какъ прокуратура отъ обвиненія отказалась. Въ іюнѣ арестованы одинъ городской рабочій (сидитъ сейчасъ въ Луганскѣ), одинъ рабочій съ рудника (выпущенъ въ іюлѣ) и одна дѣвица (выпущена черезъ нѣсколько дней). Въ послѣднее время арестованы рабочіе Малкинъ и Платовъ и приказчикъ Подольскій (сидятъ), обысканъ былъ рабочій Левандовскій. И это несмотря на то, что добровольный сыскъ, которымъ занимаются здѣсь почтенные бюргеры, у насъ крайне развитъ, а наши сатрапы Бабичевъ и Андрейченко даже отъ подобранныхъ на улицѣ пьяныхъ пытаются узнать что-нибудь о крамолѣ.

10 августа 1904 г.

Иваново-Вознесенскъ. Подвиги казаковъ. Опричнина еще не перевелась на Руси. По улицамъ Иванова-Вознесенска разъѣзжаютъ конные казаки, по два и по три. Любимое ихъ занятіе — отбирать деньги у играющихъ на улицахъ въ „орлянку“ или „кости“. Галопомъ налетаютъ они на группу играющихъ, которые разсыпаются въ разныя стороны, и забираютъ оставленныя на песку деньги (иногда до десяти рублей). Однажды по той же улицѣ, гдѣ играли, шелъ рабочій. Играющіе, при появленіи казаковъ, по обыкновенію, разбѣжались. Рабочій шелъ спокойно впередъ. „Это что за храбрецъ нашелся?“ — крикнулъ одинъ казакъ. Оба казака наѣхали на рабочаго, приперли его лошадьми къ забору и отдавили ему ногу такъ, что онъ почти потерялъ сознаніе. „Знай нашихъ!“ — только и всего. Двѣ недѣли пролежалъ рабочій въ больницѣ и до сихъ поръ нога его сильно болитъ.

Трое рабочихъ въ кустахъ расположились съ бутылкой водки. Недалеко 12 казаковъ прокашивали траву для своихъ лошадей. Одинъ казакъ подходитъ и требуетъ налить ему стаканъ. „Пошелъ ты къ...!“ — отвѣчаетъ рабочій. Казакъ беретъ всю бутылку и уходитъ. Загорѣлось сердце у ребятъ. Побѣжали слѣдомъ, дали „раза“ казаку и отняли бутылку. Явилась вся дюжина опричниковъ, снова отняли водку, избили всѣхъ троихъ и представили въ городъ полиціймейстеру.

„Вотъ они, демократы, сидятъ въ кустахъ и что то непотребное читаютъ!“. Сдѣлали у нихъ обыскъ, ничего не нашли и отпустили избитыхъ домой.

Жандармы — агитаторы. Печатаемый ниже документъ является очень характернымъ свидѣтельствомъ того, какъ правительственные агенты, усердствуя въ искорененіи крамолы, содѣйствуютъ намъ, соціальдемократамъ. Это — письмо, посланное мѣстнымъ рабочимъ Иваново-Вознесенскому жандарму Тимофееву, когда его за неспособность перевели въ Суздаль. Замѣнившій его новый офицеръ, кажется, еще менѣе способенъ оправдать надежды начальства. На сколько онъ ловокъ въ своихъ пріемахъ видно изъ того, что при немъ казаки стали разъѣзжать по окрестнымъ дорогамъ и распрашивать у проходящихъ, гдѣ можно найти „демократовъ“ („начальство [illegible] де велѣло достать, а мы не знаемъ“). Съ такими вопросами обращались, между прочимъ, и къ самимъ „демократамъ“, возвращавшимся со сходки.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОЗНАТЕЛЬНЫМЪ.

Г-нъ Тимофеевъ! Какъ я вамъ благодаренъ! Вы открыли мнѣ глаза. Припомните, за что вы арестовали меня первый разъ? Я, право, и самъ не знаю! Такъ-то, многоуважаемый, вы являетесь истребителемъ крамолы! Намъ нужны люди, арестуйте, пожалуйста арестуйте больше молодежи! Какъ сейчасъ помню я свой первый арестъ. Пришли жандармы, произвели обыскъ, ничего не нашли, взяли меня и бросили въ будку. Четыре дня провалялся я тамъ голодный, въ грязной тѣсной конурѣ, спалъ на голомъ полу, на которомъ было много навоза. Я терпѣливо переносилъ эту пытку и думалъ, думалъ, думалъ... Наконецъ потребовали къ допросу. Тамъ съ удивленіемъ услышалъ я такія вещи, о которыхъ прежде не имѣлъ понятія, — и заинтересовался. Я ни въ чемъ не сознался, такъ какъ ничего не зналъ и меня отвели въ тюрьму. Тамъ я увидѣлъ всѣ прелести тюремной жизни, терпѣніе истощилось, — и вознегодовалъ... Товарищи по заключенію объяснили мнѣ въ чемъ дѣло и, какъ бы въ насмѣшку, меня освободили. Я шелъ въ тюрьму, не зналъ за что, а вышелъ вполнѣ сознательнымъ человѣкомъ.

— Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ! Съ тѣхъ поръ я увидѣлъ свѣтъ и теперь буду жить и стремиться къ этому свѣту! Когда я былъ арестованъ второй разъ, для меня это было не удивительно, тогда, сидя въ тюрьмѣ, я чувствовалъ себя героемъ; и когда меня допрашивали, я скорѣе позволилъ бы умертвить себя, чѣмъ кого либо выдать. И такъ, г-нъ Тимофеевъ, съ вашей легкой руки я принялся за то, что вы съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуете. Удивительна ваша тактика, одной рукой вырываете, другой — засѣваете. Съ такой тактикой вамъ будетъ работы на всю жизнь, да еще потомству кое-что на память останется. Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ!!!

---

[1] Недавно одинъ шахтовладѣлецъ въ частномъ разговорѣ сказалъ: „Они теперь, подлецы, нарочно въ мастерской „трепака“ пляшутъ, чтобы себѣ колѣно зашибить и за увѣчье деньги получить.

[2] Такъ, напр., въ прошломъ году была стачка доменщиковъ, не удавшаяся потому, что остальные цехи не пристали.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Совѣтъ Партіи разъясняетъ товарищамъ, что партійной литературой является только такая, которая издана за отвѣтственностью и отъ имени одной изъ партійныхъ организацій. Поэтому, и заголовокъ Р. С. Д. Р. П. не можетъ ставиться на изданіяхъ, выпускаемыхъ отдѣльными членами Партіи. Совѣтъ проситъ всѣхъ товарищей, въ виду неоднократныхъ уже нарушеній этого само собой разумѣющагося во всякой Партіи правила, принять во вниманіе его разъясненіе.

Новая газета. Давно уже ясно проявилась потребность широкой массы привлеченныхъ къ движенію рабочихъ имѣть доступную по языку и содержанію періодическую газету. Нѣтъ сомнѣнія, такая газета могла бы быть средствомъ проведенія въ широкіе слои пролетаріата основныхъ программныхъ и тактическихъ взглядовъ нашей партіи, которые, благодаря, между прочимъ, отсутствію подходящей литературы, слишкомъ поверхностно проникаютъ во все растущую массу, прислушивающуюся къ нашей агитаціи. Долголѣтній опытъ „Искры" показываетъ, что рабочій читатель растетъ въ числѣ быстрѣе, чѣмъ текущая брошюрная и прокламаціонная литература успѣваетъ пріобщить его къ тому минимальному кругу идей, усвоеніе котораго является необходимой предпосылкой для пониманія руководящаго партійнаго органа. Мы считаемъ, поэтому, своевременнымъ взять на себя попытку такой популярной газеты, которая заполнила бы существующій недостатокъ. По соглашенію съ Ц. К—омъ, редакція „Искры" беретъ на себя организацію литературной стороны дѣла изданія этой газеты, которая выйдетъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Газета будетъ называться „Соціальдемократъ" и первоначально будетъ выходить разъ въ мѣсяцъ. Мы разсчитываемъ на поддержку всѣхъ партійныхъ организацій, безъ которой немыслимо правильное развитіе новаго органа.

Къ международному конгрессу. За недостаткомъ мѣста откладываемъ до слѣдующаго номера статью Г. Плеханова „Въ Амстердамѣ," посвященную событіямъ международнаго конгресса. Къ ней отсылаемъ читателя, котораго могло бы удивить освѣщеніе конгресса въ недавно вышедшемъ № „Рев. Россіи". Отчетъ, представленный делегаціей нашей Партіи, въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ на русскомъ языкѣ.

Вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ „Зари" статья тов. Мартынова „Соціальдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши", посвященная итогамъ развитія международной соц.-дем. отъ 1848 г. до нашихъ дней. Вопросы, разсмотрѣнные въ этой статьѣ, которую мы рекомендуемъ вниманію читателя, имѣетъ ближайшее отношеніе къ борьбѣ, ознаменовавшей собой дни Амстердамскаго конгресса.

Агитація противъ войны.

Ц. К. переизданъ листокъ „Искры": „Правдивое слово Министра Финансовъ"; **Рижск. Ком.** издалъ листки: „Долой войну!" (2500 экз.), „Двѣ войны" (3000 экз.) и „Къ солдатамъ" (редакціи „Искры" — 500 экз.); **Сѣв.-Зап. Ком.** переиздалъ листки „Искры": „Пора" и „Къ солдатамъ"; **Харьк. Ком.** — „Кризисъ, безработица, война"; **Арх. Ком.** — два листка къ запаснымъ.

Изданы Комитетами: **Петербургскимъ** — листокъ о рожденіи наслѣдника; **Рижскимъ** — листокъ „Искры" объ убійствѣ Плеве (1000 экз.); **Сѣв.-Зап.** — тотъ же листокъ; **Арх. Ком.** — „Арханг. рабоч. лист." №№ 2 и 3; **Балаханскими** рабочими организаціи Бакин. Ком.: „Къ рабочимъ промысловъ Вишау" (два листка) и „Къ рабочимъ завода Ротшильда".

Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ **группой соц.-дем. Дальняго Сѣвера** выпущены слѣдующ. листки: 1) „Кому нужна война", 2), 3) и 4) „Къ запаснымъ", 5) „По поводу убійства Плеве", 6) „Ко всѣмъ соц.-дем. въ ссылкѣ", 7) „По поводу манифеста" и девять листковъ „Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ" (хроника революц. движенія). Каждый листокъ выпускался minimum въ 100 экз. Такимъ образомъ, за 3 мѣсяца всего издано до 2000 листковъ, распространенныхъ во всемъ районѣ дѣятельности группы.

Отъ Имеретинско-Мингрельскаго Комитета. Лѣтомъ 1904 г., по иниціативѣ Им.-Мин. К-та, передовые рабочіе города Кутаиса (15 чел.) отпраздновали годовщину фактическаго сплоченія соц.-дем. силъ Россіи въ единую централизованную партію. Были пренія по вопросамъ тактики и организаціи. Въ концѣ собранія единогласно была принята резолюція, въ которой собравшіеся обязались „проводить въ жизнь тактическіе и организаціонные принципы, принятые большинствомъ II го партійнаго съѣзда".

Письмо въ редакцію.

Въ № 39 „Револ. Рос.", на стр. 23, была помѣщена корреспонденція изъ Тамбова, въ которой 20 чел. рабочихъ, получившихъ приговоръ по дѣлу Борисоглѣбской стачки, объявлены „соціалистами-революціонерами".

Находя, съ одной стороны, что такое категорическое причисленіе къ той или иной организаціи лицъ, выхватываемыхъ полиціей изъ массы и не имѣющихъ противъ себя никакихъ полицейскихъ данныхъ, есть выходка, въ высшей степени безтактная, мы, съ другой стороны, рѣшительно протестуемъ противъ причисленія упомянутыхъ лицъ къ партіи соц.-рев. О нихъ мы можемъ сказать одно: *они не соціалисты-революціонеры и таковыми не были.*

Въ виду вышеизложеннаго, мы просимъ редакцію „Рев. Рос." исправить эту характерную „опечатку" (конечно, если это была опечатка), а своихъ почтенныхъ корреспондентовъ увѣдомить о томъ, чтобы они съ большей осторожностью и внимательностью относились къ корреспондируемымъ событіямъ.

Члены Борисоглѣбской Рабочей Кассы.

7 іюля 1904 г.

Необходимая поправка.

По невнимательности или по недосмотру редакціи, въ № 70 „Искры" заявленіе Сибирскаго Союза помѣщено безъ тѣхъ исправленій и дополненій, которыя внесены были во вторую копію этого заявленія, полученную редакціей еще до выпуска № 69.

1) Напечатано: „Ц. К. говоритъ — III съѣздъ"..., Въ исправленномъ заявленіи стоитъ: „Представители Ц. К. въ Совѣтѣ говорятъ — III-й съѣздъ"...

2) Совершенно выпущенъ P. S., который говоритъ приблизительно слѣдующее: „Подавая свой голосъ за съѣздъ, мы, однако, не высказываемся за него *безусловно, во что бы то ни стало.* Напротивъ. Если бы нашлось такое средство, которое, устранивъ необходимость въ съѣздѣ, дало-бы возможность обѣимъ сторонамъ *достойнымъ* образомъ выйти изъ настоящаго тяжелаго положенія, мы первые высказались бы *противъ* съѣзда. *Такого* выхода *мы* не знаемъ. Но, чтобъ явилась *возможность* найти такой выходъ, необходимо *прежде всего „Искрѣ"* отказаться отъ тѣхъ *способовъ* борьбы съ большинствомъ, которые практикуются ею въ настоящее время"...

3) Выпущена сноска, сдѣланная представителями Союза. Она гласитъ: печатаемое заявленіе Союза — второе по счету. Первое, уже давно полученное „Искрой", было отвѣтомъ на ея письмо (о раздорахъ на съѣздѣ), разосланное ею по комитетамъ. Въ немъ „Искра" просила комитеты высказываться по этому вопросу, и обязывалась печатать отвѣты. Къ сожалѣнію, наше письмо не было напечатано. Кромѣ того, черезъ Союзъ были посланы двѣ статьи: 1) по поводу „Чего не дѣлать", подписанная „Ссыльный" и 2) отвѣтъ на статью П. Б. Аксельрода (№55), подписанная однимъ изъ авторовъ письма ссыльныхъ с. д., письма, помѣщеннаго въ № 50 „Искры" подъ рубрикой „Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ". Первая — редакціей получена, но не напечатана. О судьбѣ второй — ничего неизвѣстно.

По поводу примѣчанія „Искры" къ отрывку изъ перваго письма Союза, напечатанному въ № 68, необходимо замѣтить слѣдующее. „Искра" не совсѣмъ права, когда замѣчаетъ, что „согласно имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, составъ Сибирскаго Союза сильно измѣнился, со времени II-го съѣзда". Въ Союзѣ имѣется только *одно* лицо, прибывшее *изъ-внѣ.* Всѣ же остальные, пополнявшіе выбывающихъ изъ Союза, давно уже были членами комитетовъ и принимали самое близкое участіе въ выработкѣ взглядовъ Союза *до* съѣзда. Преемственность идей сохранена была въ полномъ значеніи этого слова. Въ этомъ смыслѣ Союзъ не новый, а старый.

Августъ. Лан—z. Членъ Сибирскаго Союза

Отъ редакціи. Первое письмо Сиб. Союза, являясь отвѣтомъ на *ненапечатанное* письмо редакціи къ комитетамъ, не было снабжено указаніемъ на желательность его напечатанія. Обѣ упомянутыя „статьи" носили внѣшній характеръ писемъ къ редакціи и послѣдняя не нашла въ нихъ чего-либо интереснаго для кого бы то ни было. Указанные авторомъ пропуски въ „заявленіи" Сиб. Союза совершены по недосмотру, благодаря тому, что въ двухъ, одновременно посланныхъ, но разновременно полученныхъ, спискахъ текстъ былъ неодинаковъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Наумъ Шацъ. Лицо, близко знавшее покойнаго товарища, сообщило слѣдующія данныя изъ его біографіи:

„Убитъ 17 іюня 1904 года на Мачѣ въ Якутской области солдатской пулей Наумъ (Нафтоле) Шацъ. Скошена молодая, богатая жизнь, угасъ пламенный борецъ и прекрасный человѣкъ.

Шацъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію раб. революціонеровъ, выросшихъ въ атмосферѣ напряженной политической борьбы, среди растущаго напора массъ на устои отживающаго строя, среди треска развалинъ и отчаянныхъ попытокъ реакціи во что бы то ни стало задавить грозное движеніе. Шацъ былъ созданъ для этой борьбы. Пылкій, увлекающійся, но твердый въ рѣшеніи, чуткій ко всякой неправдѣ, съ громаднымъ запасомъ альтруизма въ душѣ, съ высокоразвитымъ чувствомъ личнаго достоинства, онъ сумѣлъ замѣчательно гармонически сочетать въ себѣ и глубокое чувство любви, и безпощадную ненависть, — первое условіе истинно революціоннаго міровоззрѣнія. И это былъ революціонеръ до мозга костей. Идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ всю жизнь посвятилъ служенію завѣтной идеѣ, въ которую вѣрилъ всѣми фибрами души и которая цѣликомъ поглотила всѣ его силы, все его вниманіе. Какой нибудь личный интересъ, внѣ интересовъ дѣла и, тѣмъ болѣе, вопреки имъ, для него не существовалъ. Жертва его не смущала и подвигъ былъ не страшенъ ему. Мирное филистерское существованіе его не прельщало, жажда битвы его никогда не покидала.

Наумъ Шацъ родился въ 1880 г. въ еврейской семьѣ въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ и получилъ свое первоначальное воспитаніе. Здѣсь же онъ пріобрѣлъ и профессіональную подготовку, сдѣлавшись наборщикомъ. Въ затхлой атмосферѣ уѣзднаго городка тѣсно было мятежному духу молодого рабочаго, и онъ, 18 лѣтъ, перекочевалъ въ Варшаву. Здѣсь уже года два функціонировала бундовская организація, и она не замедлила привлечь его въ свои ряды. Его горячее отношеніе къ дѣлу и не заурядныя агитаторскія способности сразу выдѣлили его изъ среды массовыхъ рабочихъ и организація возлагала на него не малыя надежды. Но не успѣлъ Шацъ хорошенько осмотрѣться и освоиться съ новымъ міромъ идей и чувствъ, какъ ему пришлось выдержать весьма суровое испытаніе. 3 ноября 99 г. въ Варшавѣ происходила демонстрація на похоронахъ инженера Танскаго. На демонстраціи былъ забранъ товарищъ, въ квартирѣ котораго жилъ Шацъ, и при обыскѣ въ комнатѣ у него найдена нелегальная литература. Этого было достаточно, чтобы продержать Шаца 9 мѣсяцевъ въ X павильонѣ Варшавской Цитадели. Удивительное дѣло: три раза привлекался Шацъ по политическимъ дѣламъ, и всегда по чужимъ дѣламъ; попадая случайно, онъ жестоко платился и, даже съ жандармской точки зрѣнія, всегда безвинно. И смерть его носила тотъ же характеръ роковой случайности.

Выпущенный подъ надзоръ въ Брестъ-Литовскѣ, онъ вскорѣ добылъ изъ управы паспортъ и отправился на югъ, въ Одессу. Недолго прожилъ Шацъ въ сторонѣ отъ движенія, скоро работа захватила его и Шацъ весь отдался ей.

Одесскій комитетъ переживалъ тогда — осенью 1900 г. — періодъ расцвѣта. Организація успѣла сплотить нѣсколько сотъ ремесленныхъ рабочихъ и стала переносить свою дѣятельность на фабрики и заводы. Массовая агитація приняла широкіе размѣры и на очереди дня стояла задача углубленія политическаго сознанія массы и революціонизированія пріемовъ борьбы. Организація не сразу могла приспособиться къ новымъ потребностямъ, и часть ея членовъ ихъ либо вовсе не замѣчала, либо недостаточно и неправильно оцѣнивала. Кое кто изъ руководителей былъ даже немало грѣшенъ экономизмомъ, и идеи революціонной соціальдемократіи имѣли не мало противниковъ въ средѣ агитаторовъ. Шацъ былъ не въ ихъ числѣ. Одареный замѣчательнымъ чутьемъ бойца, онъ безъ особой теоретической подготовки быстро усвоилъ сущность программы и явился однимъ изъ піонеровъ планомѣрной политической агитаціи въ Одессѣ. Вліяніе его было не малое. Пламенный агитаторъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ловкій организаторъ, онъ привлекалъ къ себѣ сердца рабочихъ не только своей смѣлой увлекательной рѣчью, но и умѣстнымъ совѣтомъ и указаніемъ. Его полюбили также за необыкновенную честность и искренность, за глубокое чувство товарищества, за его открытый благородный характеръ. Сколько прекрасныхъ воспоминаній оставилъ онъ въ своихъ товарищахъ по работѣ!

Болѣе полугода пробылъ Наумъ въ Одессѣ, погруженный въ работу. Осенью 1900 г. преслѣдованія жандармовъ принудили его спѣшно уѣхать изъ Одессы въ Николаевъ, но и тутъ ему пришлось пробыть всего какую нибудь недѣлю, такъ какъ жандармамъ опять удалось открыть его. Шацъ двинулся на сѣверо-западъ.

Къ этому моменту (конецъ 1900 г.) относится возникновеніе „Искры" и начало дѣятельности ея русской организаціи. Шацъ бросаетъ агитаціонную работу въ массахъ и переходитъ къ организаціонно-технической работѣ въ сферѣ конспиративныхъ функцій. Нѣкоторое время онъ работалъ въ типографіи Искры и, между прочимъ, имъ набрана вышедшая тогда брошюра „Женщина работница". Въ іюнѣ онъ по конспиративному порученію отправился въ Вильну, и не имѣя, гдѣ ночевать, нашелъ пріютъ у своего стараго товарища Абрама Бернадина. Ночью у послѣдняго былъ обыскъ, при которомъ найдено до 1½ п. литературы, и Шацъ былъ опять забранъ. Началось дѣло виленскихъ организованныхъ приказчиковъ. Всѣ арестованные, въ томъ числѣ и Шацъ, которому приписана была доставка найденной литературы, переведены были въ Москву, въ Таганку. Здѣсь пришлось Шацу просидѣть 14 мѣс., полныхъ борьбы и страданій. Режимъ, господствовавшій тогда въ Таганкѣ, былъ очень суровъ, и заключенные все время вели противъ него ожесточенную борьбу. Шацъ былъ въ этой борьбѣ однимъ изъ первыхъ. Знаменитое разрушеніе щитовъ на окнахъ начато было имъ, и онъ первый пошелъ за это въ карцеръ. Твердость Шаца характеризуется хотя бы тѣмъ фактомъ, что онъ 10 сутокъ пролежалъ въ темномъ карцерѣ, оторванный отъ всѣхъ, все время продолжая голодать. Голодовка эта значительно подорвала его силы и наградила его катарромъ желудка, болѣзнью, отъ которой онъ временами сильно страдалъ, но на которую никогда не обращалъ вниманія. Просидѣвъ 14 мѣс., виленцы узнали, что дѣло ихъ, ведшееся до сихъ поръ въ охранномъ порядкѣ, подлежитъ пересмотру для направленія въ обычномъ административномъ порядкѣ. Всѣ заключенные были переведены въ Вильну, гдѣ Шацу пришлось просидѣть еще мѣс. 3-4 и выдержать небольшую голодовку. Вырвавшись въ ноябрѣ 1902 г. на волю, Шацъ сразу перешелъ на нелегальное положеніе и сдѣлался дѣятельнымъ агентомъ Организаціоннаго Комитета. Дѣло бросало его изъ одного конца Россіи въ другой и въ теченіе полугода онъ почти не выходилъ изъ вагона. Одно изъ порученій О. К. привело его въ іюнѣ прошлаго года въ Красноярскъ. И вотъ однажды въ чудную лѣтнюю погоду, жандармы, производя среди бѣла дня безрезультатно обыскъ въ какомъ то дворѣ, рѣшили вознаградить себя обыскомъ въ квартирѣ адвоката Кускова, жившаго на томъ же дворѣ. Хозяевъ не было, и двери отворилъ Шацъ. Документы у послѣдняго оказались въ порядкѣ, но на всякій случай рѣшили навести справки, а Шаца, пока что, подержать въ тюрьмѣ.

Дальнѣйшіе подробности извѣстны. Преслѣдуемый за „бродяжество", Шацъ открылъ свое имя и получилъ „приговоръ" — 4 г. Якут. обл.

Севастополь. Въ началѣ августа арестованы: Каютинъ (взято много листковъ), Шестаковъ, Щепетевъ (всѣ трое окончили мореходные классы), Кучеръ (окон. реальн. уч., освобожденъ), Гинсбургъ и Шидловскій. Сюда же привезенъ изъ Ялты бывш. студ. Пет. Техн. Инстит. Морицъ Лейкертъ (у него взята лит. и гектографъ), обвиняется по п. п. 1 и 2 ст. 125 и п. п. 1 и 2 ст. 132 Угол. Улож. **Ростовъ н/Д.** Въ началѣ августа арест. инт. Суратъ, одновременно арестовано нѣсколько рабочихъ по предательству Петра Максимова (Купидонъ). **Харьковъ.** Освобождены: Пичхай Байковъ (р.), Левинъ (врачъ), Синайскій, Баженовъ (ст.-т.), Горовицъ (инт.). Кацъ, бѣжавшій изъ Харькова съ Сабуровской дачи, арестованъ вновь на границѣ, привезенъ обратно въ Харьковъ.

Въ концѣ іюля высланъ изъ **Севастополя** по приговору въ Архангельскую губ. на 3 г. рабочій Ляшенко (просидѣлъ 1½ г. въ тюрьмѣ) и освобожд. раб. Андрей Леонидовъ. Скрылись изъ **Онеги**: въ апрѣлѣ — Богушевскій (с.-р.), въ августѣ — Валюкевичъ (Литов. с.-д.), студ. Святой (с.-д.), Шнеерсонъ (с.-д., случайно привлекавшійся по дѣлу Сладкопѣвцева), Комаровъ (с.-р. изъ Тамб. губ.). Въ **Онегѣ** освобождены изъ ссылки (по манифесту), какъ несовершеннолѣтніе: Сонічевъ, Кошебаткинъ, Метелкинъ, и Дакальскій.

Бѣжали: Изъ Сибири — М. А. Сильвинъ (сосланъ по Кіевск. дѣлу „Искры" 1902 г.); Мар. Нагель (съ поселенія, сослана по дѣлу Ростовск. дем.). Викент. Гутовскій прибылъ заграницу). Изъ Вологодской губ. — Коганъ, сосланъ на 5 лѣтъ. **Сосланы**: въ Вологодскую губ. на 5 лѣтъ — инж. С. Ратченко по дѣламъ 1901 — 1902 г.); въ Архангельскую губ. Іосифъ Гинзбургъ, бѣжавшій изъ Вост. Сиб. и снова арест. въ Вильнѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Ц. К-та за іюль мѣсяцъ по распространенію партійной литературы.

Изъ изданій Ц. К. и Ц. О. („Искра", брошюры и прокламаціи) доставлено въ слѣдующія мѣста: Нижній Новгородъ — 1 пудъ, Казань — 25 ф., на Уралъ — 1 п. 10 ф., Сибирь 1 п. 20 ф., Самара — 31 ф., Саратовъ — 1 п. 5 ф., Астрахань — 21 ф., Воронежъ — 21 ф., Борисоглѣбскъ — 22 ф., Тула 1 п. 27 ф., Орелъ Елецъ-Тамбовъ — 20 ф., Тверь — 1 п. 12 ф., Ярославль — 1 п. 15 ф., Москва — 3 п. 20 ф., Петербургъ — 2 п. 15 ф. Гомель — 35 ф., Кременчугъ — 20 ф., Елисаветградъ — 9 ф. Николаевъ — 16 ф., Одесса — 24 ф., Екатеринославъ — 1 п. 36 ф., Харьковъ — 2 п. 15 ф., и Кавказъ — 5 п. Итого — 32 п.

Съ 1-го іюля по 1-ое августа Экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. получены слѣдующія суммы: Отъ Берлинской (№ 1) группы сод. Партіи: а) за май 172 фр. 20 с., б) за іюнь 221 фр. 40 с., всего — 393 фр. 60 с.; Отъ Лейпцигской гр. сод. Партіи: а) за литературу 1 фр. 10 с., б) на отправку людей въ Россію по листу № 17 37 фр., всего — 38 фр. 10 с.; Отъ Фрейб. группы сод. Партіи: а) за литературу 12 фр. 45 с., б) пожертвованіе 6 фр., всего — 18 фр. 45 с.; Отъ Гейдельбергской гр. сод. Партіи: а) за литературу 124 фр. 30 с., б) пожертвованія 189 фр. 05 с., в) для отправки людей въ Россію по листку № 14 20 фр. 35 с., г) въ пользу библіотеки при Ц. К. 19 фр. 75 с., а всего — 353 фр. 45 с.; Отъ Бернской гр. сод. Партіи (на изданіе Бельтова) — 100 фр.; Отъ админ. Лиги Р. Р. С.-Д. за литературу въ уплату апрѣльскаго и майскаго счетовъ — 446 фр. 57 с.; Отъ редакціи Ц. О. за литературу — 313 фр.; Отъ подписчиковъ на „Искру" 80 фр. 85 с.; а) на нужды „Разсвѣта" отъ „Отшельника" 12 фр., б) „На борьбу съ церковщиной" 3 фр., в) отъ Prelooker,а въ пользу „Разсвѣта" 25 фр., г) отъ N. 16 фр. 45 с., д) подписка на „Разсвѣтъ" 15 фр. 35 с., а всего на „Разсвѣтъ" — 71 фр. 80 с.; Отъ Армянско-грузинской коммиссіи — 195 фр.; Отъ продажи литературы въ Экспедиціи — 327 фр. 13 с.; Отъ Б. въ долгъ — 132 фр. 50 с.; Отъ Б. еще въ долгъ — 265 фр.; Отъ Я. въ долгъ — 100 фр.; Отъ товарища черезъ Олина — 150 фр.; Для Ц. К. „возвращенъ долгъ" (20 руб.) — 52 фр. 50 с.; Изъ С. „на спеціальную цѣль" — (24 руб.) 63 фр. 60 с.; Изъ Россіи для передачи товарищамъ (30 руб.) — 79 фр. 50 с.; Въ пользу Партіи по листу — 10 фр.; Отъ „неизвѣстнаго" въ распоряженіе Ц. К. на безплатные обѣды — 50 фр.; Въ уплату долга отъ А. (10 руб.) — 26 фр. 65 с.; Въ пользу Партіи — 30 с.; На отправку людей въ Россію (по листку № 4) — 16 фр.; На изданіе брошюры — 180 фр.; Отъ книжныхъ магазиновъ за литературу — 314 фр. 18 с. Итого 3778 фр. 18 с.

Наличность кассы къ 1 августа 263 фр. 01 с.

Добавленіе: Въ отчетѣ съ 1 по 20 февраля (см. „Искра" № 63) пропущено: Отъ „Отшельника" въ распоряженіе Ц. К. — 12 фр.; ОтъМ—. Ш—. въ пользу библіотеки при Ц. К. — 78 фр. 88 с.

Отъ Ф. получено 100 р., отъ Б. на „З" — 1000 фр. (первый взносъ), изъ Тамбова — 100 р., отъ Василья — 15 р., черезъ **Днѣпрова**: отъ М. Д. — 45 м., отъ доктора изъ Россіи за коммиссію 7 м. 25 пф., съ изданія 7 м. — Всего 59 м. 25 пф., Получено для **Цюрихской Сиб. Кассы** черезъ Нину изъ Болгаріи — 50 фр.

Супругамъ. Все получено. Какимъ ключемъ пишетъ Таня? **1852.** Получено. **Севастополь.** Листокъ № 10 не получили. Вышлите снова.

Получены листки: Витебской и Двинской группъ „Бунда" — отвѣтъ на Извѣщеніе Сѣв.-Зап. Ком. (по евр.); Одесск. орган. „Бунда" — по поводу годовщины іюльской стачки (по русски).

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги").

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.